КОРТИК · БРОНЗОВАЯ ПТИЦА · ВЫСТРЕЛ

ВСЕМИРНАЯ ДЕТСКАЯ КЛАССИКА

АНАТОЛИЙ РЫБАКОВ

Кортик

Анатолий Наумович Рыбаков

Аннотация
Анатолий Рыбаков. Кортик
Часть первая. Ревск
Глава 1. Испорченная камера
Глава 2. Огородные и Алексеевские
Глава 3. Дела и мечты
Глава 4. Наказание
Глава 5. Шалаш
Глава 6. Налет
Глава 7. Мама
Глава 8. Посетители
Глава 9. Линкор «Императрица Мария»
Глава 10. Отъезд
Глава 11. В эшелоне
Глава 12. Будка обходчика
Глава 13. Бандиты
Глава 14. Прощанье
Часть вторая. Двор на Арбате
Глава 15. Год спустя
Глава 16. Книжный шкаф
Глава 17. Генка
Глава 18. Борька-жила

Глава 19. Шурка Большой
Глава 20. Клуб
Глава 21. Акробаты
Глава 22. Кино «Арс»
Глава 23. Драмкружок
Глава 24. Подвал
Глава 25. Подозрительные люди
Глава 26. Воздушная дорога
Глава 27. Тайна
Глава 28. Шифр
Часть третья. Новые знакомства
Глава 29. Эллен Буш
Глава 30. Покупка реквизита
Глава 31. Беспризорник Коровин
Глава 32. Разговор с мамой
Глава 33. Черный веер
Глава 34. Агриппина Тихоновна
Глава 35. Филин
Глава 36. На Красной Пресне
Глава 37. Маленькое недоразумение
Глава 38. Впечатления
Глава 39. Художники
Глава 40. Опытные сыщики
Глава 41. Спектакль
Часть четвертая. Отряд № 17
Глава 42. Уголок звена

Глава 43. Площадка
Глава 44. Юркин велосипед
Глава 45. Ленточка
Глава 46. Проекты
Глава 47. Сборы в лагерь
Глава 48. В лагере
Глава 49. Генерал-квартирмейстер
Глава 50. Костер
Глава 51. Таинственные приготовления
Глава 52. Рекламная тележка
Глава 53. Ножны
Часть пятая. Седьмая группа «Б»
Глава 54. Тетя Броша
Глава 55. Классное собрание
Глава 56. Литорея
Глава 57. Странная надпись
Глава 58. Стенная газета
Глава 59. Полковой оружейный мастер
Глава 60. Урок рисования
Глава 61. Борис Федорович
Глава 62. Бабушка и тетя Соня
Глава 63. Письма
Часть шестая. Домик в Пушкине
Глава 64. Слава
Глава 65. Константин Алексеевич
Глава 66. Переписка

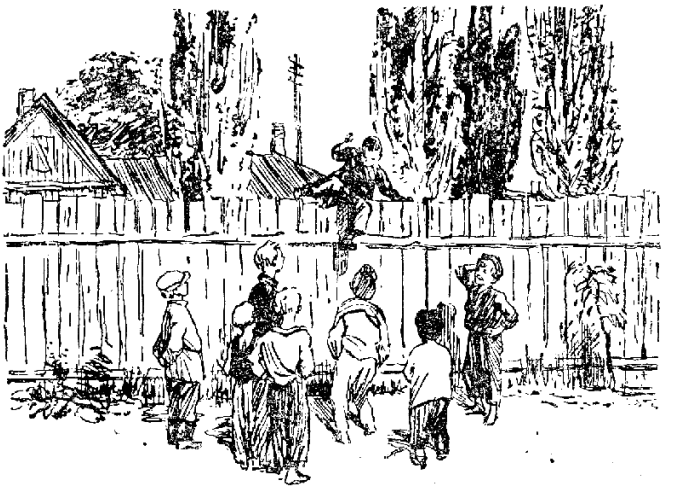
Глава 67. День рождения Генки
Глава 68. Пушкино
Глава 69. Никитский
Глава 70. Отец
Глава 71. Генкина ошибка
Глава 72. Очная ставка
Глава 73. Семья Терентьевых
Глава 74. Вступление

Аннотация

Герои Анатолия Рыбакова – обычные московские школьники. Наблюдательность и любопытство арбатских мальчишек Миши, Генки и Славки не дают им скучать, они предпочитают жизнь насыщенную и беспокойную. Загадка старинного кортика увлекает ребят в приключения, полные таинственных событий и опасностей.

Анатолий Рыбаков
Кортик

Часть первая
Ревск



Глава 1
Испорченная камера

Миша тихонько встал с дивана, оделся и выскользнул на крыльцо.

Улица, широкая и пустая, дремала, согретая ранним утренним солнцем. Лишь перекликались петухи да изредка из дома доносился кашель, сонное бормотанье — первые звуки пробуждения в прохладной тишине покоя.

Миша жмурил глаза, ежился. Его тянуло обратно в теплую постель, но мысль о рогатке, которой хвастал вчера рыжий Генка, заставила его решительно встряхнуться. Осторожно ступая по скрипучим половицам, он пробрался в чулан.

Узкая полоска света падала из крошечного оконца под потолком на прислоненный к стене велосипед. Это была старая, сборная машина на спущенных шинах, с поломанными, ржавыми спицами и порванной цепью. Миша снял висевшую над велосипедом рваную, в разноцветных заплатах камеру, перочинным ножом вырезал из нее две узкие полоски и повесил обратно так, чтобы вырез был незаметен.

Он осторожно открыл дверь, собираясь выйти из чулана, как вдруг увидел в коридоре Полевого, босого, в тельняшке, с взлохмаченными волосами. Миша прикрыл дверь и, оставив маленькую щелку, притаился, наблюдая.

Полевой вышел во двор и, подойдя к заброшенной собачьей будке, внимательно осмотрелся по сторонам.

«Чего ему не спится? — думал Миша. — И осматривается как-то странно...»

Полевого все называли «товарищ комиссар». В прошлом матрос, он до сих пор ходил в широких черных брюках и куртке, пропахшей табачным дымом. Это был высокий, мощный человек с русыми волосами и лукавыми, смеющимися глазами. Из-под куртки на ремешке у него всегда болтался наган. Все ревские мальчишки завидовали Мише — ведь он жил в одном доме с Полевым.

«Чего ему не спится? — продолжал думать Миша. — Так я из чулана не выберусь!»

Полевой сел на лежавшее возле будки бревно, еще раз осмотрел двор. Пытливый взгляд его скользнул по щелочке, в которую подглядывал Миша, по окнам дома.

Потом он засунул руку под будку, долго шарил

там, видимо ощупывая что-то, затем выпрямился, встал и пошел обратно в дом. Скрипнула дверь его комнаты, затрещала под грузным телом кровать, и все стихло.

Мише не терпелось смастерить рогатку, но… что искал Полевой под будкой? Миша тихонько подошел к ней и остановился в раздумье.

Посмотреть, что ли? А вдруг кто-нибудь заметит? Он сел на бревно и оглянулся на окна дома. Нет, нехорошо! «Нельзя быть таким любопытным», — думал Миша, ожесточенно ковыряя землю. Он засунул руку под будку. Ничего здесь не может быть. Ему просто показалось, будто Полевой что-то искал… Рука его шарила под будкой. Конечно, ничего! Только земля и скользкое дерево… Мишины пальцы попали в расщелину. Если здесь и спрятано что-нибудь, то он даже не посмотрит, только убедится, есть тут что или нет. Он нащупал в расщелине что-то мягкое, вроде тряпки. Значит, есть. Вытащить? Миша еще раз оглянулся на дом, потянул тряпку к себе и, разгребая землю, вытащил из-под будки сверток.

Он стряхнул с него землю и развернул. На солнце блеснул стальной клинок кинжала. Кортик! Такие кортики носят морские офицеры. Он был без ножен, с тремя острыми гранями. Вокруг

побуревшей костяной рукоятки извивалась бронзовым телом змейка с открытой пастью и загнутым кверху язычком.

Обыкновенный морской кортик. Почему же Полевой его прячет? Странно. Очень странно. Миша еще раз осмотрел кортик, завернул его в тряпку, засунул обратно под будку и вернулся на крыльцо.

Со стуком падали деревянные брусья, запиравшие ворота. Коровы медленно и важно, помахивая хвостами, присоединялись к проходившему по улице стаду. Стадо гнал пастушонок в длинном, до босых пят, рваном зипуне и барашковой шапке. Он кричал на коров и ловко хлопал бичом, который волочился за ним в пыли, как змея.

Сидя на крыльце, Миша мастерил рогатку, но мысль о кортике не выходила у него из головы. Ничего в этом кортике нет, разве что бронзовая змейка… И почему Полевой его прячет?

Рогатка готова. Эта будет получше Генкиной! Миша вложил в нее камешек и стрельнул по прыгавшим на дороге воробьям. Мимо! Воробьи поднялись и уселись на заборе соседнего дома. Миша хотел еще раз выстрелить, но в доме раздались шаги, стук печной заслонки, плеск воды из

ушата. Миша спрятал рогатку за пазуху и вошел в кухню.

Бабушка передвигала на скамейке большие корзины с вишнями. Она — в своем засаленном капоте с оттопыренными от множества ключей карманами. Чуть кося, щурятся маленькие, подслеповатые глазки на ее озабоченном лице.

— Куда, куда! — закричала она, когда Миша запустил руку в корзину. — Ведь придумает... грязными лапами!

— Жалко уж! Я есть хочу, — проворчал Миша.

— Успеешь! Умойся сначала.

Миша подошел к умывальнику, чуть смочил ладони, прикоснулся ими к кончику носа, тронул полотенце и отправился в столовую.

На своем обычном месте, во главе длинного обеденного стола, покрытого коричневой цветастой клеенкой, уже сидит дедушка. Дедушка — старенький, седенький, с редкой бородкой и рыжеватыми усами. Большим пальцем он закладывает в нос табак и чихает в желтый носовой платок. Его живые, в лучах добрых, смешливых морщинок глаза улыбаются, и от его сюртука исходит мягкий и приятный запах, только одному дедушке свойственный.

На столе еще ничего нет. В ожидании завтрака

Миша поставил свою тарелку посреди нарисованной на клеенке розы и начал обводить ее вилкой, чтобы замкнуть розу в круг.

На клеенке появляется глубокая царапина.

— Михаилу Григорьевичу почтение! — раздался за Мишей веселый голос Полевого.

Полевой вышел из своей комнаты с обвязанным вокруг пояса полотенцем.

— Доброе утро, Сергей Иваныч, — ответил Миша и лукаво посмотрел на Полевого: небось не догадывается, что Миша знает про кортик!

Неся перед собой самовар, в столовую вошла бабушка. Миша прикрыл локтями царапину на клеенке.

— Где Семен? — спросил дед.

— В чулан пошел, — ответила бабушка. — Ни свет ни заря велосипед вздумал чинить!

Миша вздрогнул и, забыв про царапину, снял локти со стола. Велосипед чинить? Вот так штука! Все лето дядя Сеня не притрагивался к велосипеду, а сегодня, как назло, принялся за него. Сейчас он увидит камеру — и начнется канитель.

Скучный человек дядя Сеня! Бабушка, та просто отругает, а дядя Сеня скривит губы и читает нотации. В это время он смотрит в сторону, снимает и надевает пенсне, теребит золоченые пуговицы

на своей студенческой тужурке. А он вовсе не студент! Его давным-давно исключили из университета за «беспорядки». Интересно, какой беспорядок мог наделать такой всегда аккуратный дядя Сеня? Лицо у него бледное, серьезное, с маленькими усиками под носом. За обедом он обычно читает книгу, скашивая глаза и наугад, не глядя, поднося ко рту ложку.

Миша опять вздрогнул: из чулана донеслось громыханье велосипеда.

И когда в дверях показался дядя Сеня с порезанной камерой в руках, Миша вскочил и, опрокинув стул, опрометью бросился вон из дома.

Глава 2
Огородные и Алексеевские

Он промчался по двору, перемахнул через забор и очутился на соседней, Огородной, улице. До ближайшего переулка, ведущего на свою, Алексеевскую, улицу, не более ста шагов. Но ребята с Огородной, заклятые враги алексеевских, заметили Мишу и сбегались со всех сторон, вопя и улюлюкая, в восторге от предстоящей расправы с алексеевским, да еще с москвичом.

Миша быстро вскарабкался обратно на забор, уселся на нем верхом и закричал:

— Что, взяли? Эх вы, пугалы огородные!

Это была самая обидная для огородных кличка. В Мишу полетел град камней. Он скатился с забора во двор, на лбу его набухала шишка, а камни продолжали лететь, падая возле самого дома, из которого вдруг вышла бабушка. Она близоруко сощурила глаза и, обернувшись к дому, кого-то позвала. Наверно, дядю Сеню…

Миша прижался к забору и крикнул:

— Ребята, стой! Слушай, чего скажу!

— Чего? — ответил кто-то за забором.

— Чур, не бросаться! — Миша влез на забор, с опаской поглядел на ребячьи руки и сказал: — Что вы все на одного? Давайте по-честному — один на один.

— Давай! — закричал Петька Петух, здоровенный парень лет пятнадцати.

Он сбросил с себя рваную кацавейку и воинственно засучил рукава рубашки.

— Уговор, — предупредил Миша, — двое дерутся, третий не мешай.

— Ладно, ладно, слезай!

На крыльце рядом с бабушкой уже стоял дядя Сеня. Миша спрыгнул с забора. Петух тут же подступил к нему. Он почти вдвое больше Миши.

— Это что? — Миша ткнул в железную пряжку Петькиного пояса.

По правилам во время драки никаких металлических предметов на одежде быть не должно. Петух снял ремень. Его широкие, отцовские, брюки чуть не упали. Он подхватил их рукой, кто-то подал ему веревку. Миша в это время расталкивал ребят: «Давай побольше места!..» — и вдруг, отпихнув одного из мальчиков, бросился бежать.

Мальчишки с гиком и свистом кинулись за ним, а сзади всех, чуть не плача от огорчения,

бежал Петух, придерживая рукой падающие штаны.

Миша несся во всю прыть. Босые его пятки сверкали на солнце. Он слышал позади себя топот, сопенье и крики преследователей. Вот поворот. Короткий переулок… И он влетел на свою улицу. Ему на выручку сбежались алексеевские, но огородные, не принимая драки, вернулись к себе.

— Ты откуда? — спросил рыжий Генка.

Миша перевел дыхание, оглядел всех и небрежно произнес:

— На Огородной был. Дрался с Петухом по-честному, а как стала моя брать, они все на одного.

— Ты с Петухом дрался? — недоверчиво спросил Генка.

— А то кто? Ты, что ли? Здоровый он парень, во какой фонарь мне подвесил! — Миша потрогал шишку на лбу.

Все с уважением посмотрели на этот синий знак его доблести.

— Я ему тоже всыпал… — продолжал Миша, — запомнит! И рогатку отобрал. — Он вытащил из-за пазухи рогатку с длинными красными резинками: — Эта получше твоей будет.

Потом он спрятал рогатку, презрительно посмотрел на девочек, формочками лепивших из

песка фигуры, и насмешливо спросил:

— Ну, а ты что делаешь? В пряточки играешь, в салочки? «Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять…»

— Вот еще! — Генка тряхнул рыжими вихрами, но почему-то покраснел и быстро проговорил: — Давай в ножички.

— На пять горячих со смазкой.

— Ладно.

Они уселись на деревянный тротуар и начали по очереди втыкать в землю перочинный ножик: просто, с ладони, броском, через плечо, солдатиком…

Миша первый сделал все десять фигур. Генка протянул ему руку. Миша состроил зверскую физиономию и поднял кверху два послюнявленных пальца. Генке эти секунды кажутся часами, но Миша не ударил. Он опустил руку, сказал: «Смазка просохла», и снова начал слюнявить пальцы. Это повторялось перед каждым ударом, пока Миша не влепил наконец Генке все пять горячих, и Генка, скрывая выступившие на глазах слезы, дул на посиневшую и ноющую руку…

Солнце поднималось все выше и выше. Тени укорачивались и прижимались к палисадникам. Улица лежала полумертвая, едва дыша от непо-

движного зноя. Жарко… Надо искупаться…

Мальчики отправились на Десну.

Узкая, в затвердевших колеях дорога вилась полями, уходившими во все стороны зелено-желтыми квадратами. Эти квадраты спускались в ложбины, поднимались на пригорки, постепенно закруглялись, как бы двигаясь вдали по правильной кривой, неся на себе рощи, одинокие овины, ненужные плетни, задумчивые облака.

Пшеница стояла высоко и неподвижно. Мальчики рвали колосья и жевали зерна, ожесточенно сплевывая пристающую к нёбу шелуху. В пшенице что-то шелестело. Испуганные птицы вылетали из-под ребячьих ног.

Вот и река. Приятели разделись на песчаном берегу и бросились в воду, поднимая фонтаны брызг. Они плавали, ныряли, боролись, прыгали с шаткого деревянного моста, потом вылезли на берег и зарылись в горячий песок.

— Скажи, Миша, — спросил Генка, — а в Москве есть река?

— Есть. Москва-река. Я тебе уже тысячу раз говорил.

— Так по городу и течет?

— Так и течет.

— Как же в ней купаются?

— Очень просто: в трусиках. Без трусов тебя к Москве-реке за версту не подпустят. Специально конная милиция смотрит.

Генка недоверчиво ухмыльнулся.

— Чего ты ухмыляешься? — рассердился Миша. — Ты, кроме своего Ревска, не видал ничего, а ухмыляешься!

Он помолчал, потом, глядя на приближающийся к реке табун лошадей, спросил:

— Вот скажи: какая самая маленькая лошадь?

— Жеребенок, — не задумываясь, ответил Генка.

— Вот и не знаешь! Самая маленькая лошадь — пони. Есть английские пони, они — с собаку, а японские пони — вовсе с кошку.

— Врешь!

— Я вру? Если бы ты хоть раз был в цирке, то не спорил бы. Ведь не был? Скажи: не был?.. Ну вот, а споришь!

Генка помолчал, потом сказал:

— Такая лошадь ни к чему: ее ни в кавалерию, никуда…

— При чем тут кавалерия? Думаешь, только на лошадях воюют? Если хочешь знать, так один матрос трех кавалеристов уложит.

— Я про матросов ничего не говорю, — сказал

Генка, — а без кавалерии никак нельзя. Вот банда Никитского — все на лошадях.

— Подумаешь, банда Никитского!.. — Миша презрительно скривил губы. — Скоро Полевой поймает этого Никитского.

— Не так-то просто, — возразил Генка, — его уж год всё ловят, никак не поймают.

— Поймают! — убежденно сказал Миша.

— Тебе хорошо говорить, — Генка поднял голову, — а он каждый день крушения устраивает. Отец уж боится на паровозе ездить.

— Ничего, поймают.

Миша зевнул, зарылся глубже в песок и задремал. Генка тоже дремлет. Им лень спорить: жарко. Солнце обжигает степь, и, как бы спасаясь от него, молчаливая степь лениво утягивается за горизонт.

Глава 3
Дела и мечты

Генка ушел домой обедать, а Миша долго бродил по многолюдному и горластому украинскому базару.

На возах зеленели огурцы, краснели помидоры, громоздились решета с ягодами. Пронзительно визжали розовые поросята, хлопали белыми крыльями гуси. Флегматичные волы жевали свою бесконечную жвачку и пускали до земли длинные липкие слюни. Миша ходил по базару и вспоминал кислый московский хлеб и водянистое молоко, вымененное на картофельную шелуху. И Миша скучал по Москве, по ее трамваям и вечерним тусклым огням.

Он остановился перед инвалидом, катавшим на скамейке три шарика: красный, белый и черный. Инвалид накрывал один из них наперстком. Партнер, отгадавший, какого цвета шарик под наперстком, выигрывал. Но никто не мог отгадать, и инвалид говорил одураченным:

— Братцы! Ежли я всем буду проигрывать, то последнюю ногу проиграю. Это понимать надо.

Миша разглядывал шарики, как вдруг чья-то рука опустилась на его плечо. Он обернулся. Сзади стояла бабушка.

— Ты где пропадал целый день? — строго спросила она, не выпуская Мишиного плеча из своих цепких пальцев.

— Купался, — пробормотал Миша.

— «Купался»! — повторила бабушка. — Он купался… Хорошо, мы с тобой дома поговорим.

Она взвалила на него корзину с покупками, и они пошли с базара.

Бабушка шла молча. От нее пахло луком, чесноком, чем-то жареным, вареным, как пахнет на кухне.

«Что они со мной сделают?» — думал Миша, шагая рядом с бабушкой. Конечно, положение его неважное. Против него — бабушка и дядя Сеня. За него — дедушка и Полевой. А если Полевого нет дома? Остается один дедушка. А вдруг дедушка спит? Значит, никого не остается. И тогда бабушка с дядей Сеней разойдутся вовсю. Будут его отчитывать по очереди. Дядя Сеня отчитывает, бабушка отдыхает. Потом отчитывает бабушка, а отдыхает дядя Сеня.

Чего только они не наговорят! Он-де невоспитанный, ничего путного из него не выйдет. Он

позор семьи. Он несчастье матери, которую если не свел, то в ближайшие дни сведет в могилу. (А мама вовсе в Москве живет, и он ее уж не видел два месяца.) И удивительно, как это его земля носит… И все в таком роде…

Придя домой, Миша оставил корзинку на кухне и вошел в столовую. Дедушка сидел у окна. Дядя Сеня лежал на диване и, дымя папиросой, рассуждал о политике. Они даже не взглянули на Мишу, когда он вошел. Это нарочно! Мол, такой он ничтожный человек, что на него и смотреть не стоит… Специально, чтобы помучить. Ну и пожалуйста, тем лучше. Пока дядя Сеня соберется, там, глядишь, и Полевой придет. Миша сел на стул и прислушался к их разговору.

Ну, ясно! Дядя Сеня наводит панику. Махно занял несколько городов, Антонов подошел к Тамбову… Подумаешь! В прошлом году дядя Сеня тоже наводил панику: поляки заняли Киев, Врангель прорвался к Донбассу… Ну и что же? Всех их Красная Армия расколошматила. До них были Деникин, Колчак, Юденич и другие белые генералы. Их тоже Красная Армия разбила. И этих разобьет.

С Махно и Антонова дядя Сеня перешел на Никитского.

— Его нельзя назвать бандитом, — говорил дядя Сеня, расстегивая ворот своей студенческой тужурки. — К тому же, говорят, он культурный человек, в прошлом офицер флота. Это своеобразная партизанская война, одинаково законная для обеих сторон…

Никитский — не бандит?.. Миша чуть не задохнулся от возмущения. Он сжигает села, убивает коммунистов, комсомольцев, рабочих. И это не бандит? Противно слушать, что дядя Сеня болтает!..

Наконец пришел Полевой. Теперь всё! Раньше чем завтра с Мишей расправляться не будут.

Полевой снял куртку, ботинки, умылся, и все сели ужинать. Полевой хохотал, называл дедушку папашей, а бабушку — мамашей. Он лукаво подмигивал Мише, именуя его не иначе как Михаилом Григорьевичем. Потом они вышли на улицу и уселись на ступеньках крыльца.

Прохладный вечер опускался на землю. Обрывки девичьих песен доносились издалека. Где-то на огородах неутомимо лаяли собаки.

Дымя махоркой, Полевой рассказывал о дальних плаваниях и матросских бунтах, о крейсерах и подводных лодках, об Иване Поддубном и других знаменитых борцах в черных, красных и зеленых масках — силачах, поднимавших трех лошадей с повозками, по десять человек в каждой.

Миша молчал, пораженный. Черные ряды деревянных домиков робко мигали красноватыми огоньками и трусливо прижимались к молчаливой улице.

И еще Полевой рассказывал о линкоре «Императрица Мария», на котором он плавал во время мировой войны.

Это был огромный корабль, самый мощный броненосец Черноморского флота. Спущенный на воду в июне пятнадцатого года, он в октябре шестнадцатого взорвался на севастопольском рейде, в полумиле от берега.

— Темная история, — говорил Полевой. — Не на мине взорвался и не от торпеды, а сам по себе. Первым грохнул пороховой погреб первой башни, а там тысячи три пудов пороха было. Ну, и пошло… Через час корабль уже был под водой. Из всей команды меньше половины спаслось, да и те погоревшие и искалеченные.

— Кто же его взорвал? — спрашивал Миша.

Полевой говорил, пожимая широкими плечами:

— Разбирались в этом деле много, да все без толку, а тут революция… С царских адмиралов спросить нужно.

— Сергей Иваныч, — неожиданно спросил Миша, — а кто главней: царь или король?

Полевой сплюнул коричневую махорочную слюну:

— Гм!.. Один другого стоит.

— А в других странах есть еще цари?

— Есть кой-где.

«Спросить о кортике? — подумал Миша. — Нет, не надо. Еще подумает, что я нарочно следил за ним…»

Потом все ложились спать. Бабушка обходила дом, закрывала ставни. Предостерегающе звенели железные затворы. В столовой тушили висячую керосиновую лампу. Кружившиеся вокруг нее бабочки и неведомые мошки пропадали в темноте. Миша долго не засыпал…

Луна разматывала свои бледные нити в прорезях ставен, и вот в кухне, за печкой, начинал стрекотать сверчок.

В Москве у них не было сверчка. Да и что стал бы делать сверчок в большой, шумной квартире, где по ночам ходят люди, хлопают дверьми и щелкают электрическими выключателями! Поэтому Миша слышал сверчка только в тихом дедушкином доме, когда он лежал один в темной комнате и мечтал.

Хорошо, если бы Полевой подарил ему кортик! Тогда он не будет безоружным, как сейчас. А времена ведь тревожные — гражданская война. По украинским селам гуляют банды, в городах часто свистят пули. Патрули местной самообороны хо-

дят ночью по улицам. У них ружья без патронов, старые ружья с заржавленными затворами.

Миша мечтал о будущем, когда он станет высоким и сильным, будет носить брюки клёш или, еще лучше, обмотки, шикарные солдатские обмотки защитного цвета.

На нем — винтовка, гранаты, пулеметные ленты и наган на кожаной хрустящей портупее.

У него будет вороной, замечательно пахнущий конь, тонконогий, быстроглазый, с мощным крупом, короткой шеей и скользкой шерстью.

И он, Миша, поймает Никитского и разгонит всю его банду.

Потом он и Полевой отправятся на фронт, будут вместе воевать, и, спасая Полевого, он совершит геройский поступок. И его убьют. Полевой останется один, будет всю жизнь грустить о Мише, но другого такого мальчика он уже не встретит…

Затем кто-то черный и молчаливый тасовал его мысли, и, как карты, они путались и пропадали в темноте…

Миша спал.

Глава 4
Наказание

Это наказание придумал, конечно, дядя Сеня. Кто же больше! И самое обидное — дедушка с ним заодно. За завтраком дедушка посмотрел на Мишу и сказал:

— Набегался вчера? Вот и хорошо. Теперь на неделю хватит. Сегодня придется дома посидеть.

Весь день просидеть дома! Сегодня! В воскресенье! Ребята пойдут в лес, может быть, в лодке поедут на остров, а он… Миша скривил губы и уткнулся в тарелку.

— Чего надулся, как мышь на крупу? — сказала бабушка. — Научился шкодить…

— Хватит, — перебил ее дедушка, вставая из-за стола. — Он свое получил, и хватит.

Миша уныло слонялся по комнатам. Какой, право, скучный дом!

Стены столовой расписаны масляной краской. Потускневшие и местами треснувшие, эти картины изображали пузатое голубое море под огромной белой чайкой; ветвистых оленей меж прямых, как палки, сосен; одноногих цапель;

бородатых охотников в болотных сапогах, с ружьями, патронташами, перьями на шляпах и умными собаками, обнюхивавшими землю.

Над диваном — портреты дедушки и бабушки в молодости. У дедушки густые усы, его бритый подбородок упирается в накрахмаленный воротничок с отогнутыми углами. Бабушка — в закрытом черном платье, с медальоном на длинной цепочке. Ее высокая прическа доходит до самой рамы.

Миша вышел во двор. Два дровокола пилили там дрова. Пила весело звенела: «Дзинь-дзинь, дзинь-дзинь», и земля вокруг козел быстро покрывалась желтой пеленой опилок.

Миша уселся на бревно возле будки и разглядывал дровоколов. Старшему на вид лет сорок. Он среднего роста, плотный, чернявый, с прилипшими к потному лбу курчавыми волосами. Второй — молодой белобрысый парень с веснушчатым лицом и выгоревшими бровями, весь какой-то рыхлый и нескладный.

Стараясь не привлекать внимания пильщиков, Миша засунул руку под будку и нащупал сверток. Вытащить? Он искоса посмотрел на пильщиков. Они прервали работу и сидели на поленьях. Старший свернул козью ножку, ловко вращая ее

вокруг пальца, и, насыпав с ладони табак, закурил. Молодой задремал, потом открыл глаза и, зевая, проговорил:

— Спать охота!

— Спать захочешь — на бороне уснешь, — ответил старший.

Они замолчали. Во дворе стало тихо. Только куры, выбивая мелкую дробь в деревянной лоханке, пили воду, смешно закидывая вверх свои маленькие, с красными гребешками головки.

Дровоколы поднялись и начали колоть дрова. Миша незаметно вытащил сверток, развернул его. Рассматривая клинок, он увидел на одной его грани едва заметное изображение волка.

Миша повернул клинок. На второй грани был изображен скорпион и на третьей — лилия.

Волк, скорпион и лилия. Что это значит?

Около Миши вдруг упало полено. Он испуганно прижал кортик к груди и прикрыл его рукой.

— Отойди, малыш, а то зашибет, — сказал чернявый.

— Малышей здесь нет! — ответил Миша.

— Ишь ты, шустрый! — рассмеялся чернявый. — Ты кто? Комиссаров сынок?

— Какого комиссара?

— Полевого, — сказал чернявый и почему-то

оглянулся на дом.

— Нет. Он живет у нас.

— Дома он? — Чернявый опустил топор и внимательно посмотрел на Мишу.

— Нет. Он к обеду приходит. Он вам нужен?

— Да нет. Мы так…

Дровоколы кончили работу. Бабушка вынесла им на тарелке хлеб, сало и водку. Они выпили. Белобрысый — молча, а чернявый со словами: «Ну, господи благослови». Он потом долго морщился, нюхал хлеб и в заключение крякнул: «Эх, хороша!» — и почему-то подмигнул Мише. Они не спеша закусывали, отрезая сало аккуратными ломтиками, обгрызая и высасывая шкурку. Потом выпили по ковшу воды и ушли.

Но бабушка не уходила. Она установила на треножнике большой медный таз с длинной деревянной ручкой, наложила под ним щепок и огородила от ветра кирпичами. Сейчас она будет варить варенье и уже не уйдет со двора. Как быть с кортиком? Миша встал и, пряча кортик в рукаве, пошел к дому.

Когда он проходил мимо бабушки, она проворчала:

— Не шуми: дедушка спит.

— Я тихо, — ответил Миша.

Он вошел в зал и спрятал кортик под валиком своего дивана. Как только бабушка уйдет со двора, он положит его обратно под будку. В крайнем случае — вечером, когда стемнеет.

В доме тишина. Только тикают большие стенные часы да жужжит муха на окне. Ну, чем заняться?

Миша подошел к комнате дяди Сени и прислушался. За дверью раздавались покашливание и шелест бумаги. Миша открыл дверь и, войдя в комнату, спросил:

— Дядя Сеня, почему моряки носят кортики?

Дядя Сеня лежал на узкой смятой койке и читал. Он посмотрел на Мишу поверх пенсне и недоуменно ответил:

— Какие моряки? Какие кортики?

— Как это «какие»? Ведь только моряки носят кортики. Почему? — Миша уселся на стуле с твердым намерением не сходить до самого обеда.

— Не знаю, — нетерпеливо ответил дядя Сеня. — Форма такая. Всё у тебя?

Этот вопрос означал, что Мише надо убираться вон, и он просительно сказал:

— Разрешите я немного посижу. Я буду тихо-тихо.

— Только не мешай мне. — Дядя Сеня снова

углубился в книгу.

Миша сидел, подложив под себя ладони. Маленькая комната у дяди Сени: кровать, книжный шкаф, на письменном столе чернильница в виде пистолета. Если нажать курок, она открывается. Хорошо иметь такую чернильницу! Вот бы ребята в школе позавидовали!

На стенах комнаты развешаны картины и портреты. Вот Некрасов. На школьных вечерах Шурка Большой всегда декламирует Некрасова. Выйдет на сцену и говорит: «Кому на Руси жить хорошо». Сочинение Некрасова». Как будто без него не знают, что это сочинил Некрасов. Ох, и задавала же этот Шурка!

Рядом с портретом Некрасова — картина «Не ждали». Каторжник неожиданно приходит домой. Все ошеломлены. Девочка, его дочь, удивленно повернула голову. Она, наверно, забыла своего отца. Вот его, Мишин, отец уже не вернется. Он погиб на царской каторге, и Миша его не помнит.

Сколько книг у дяди Сени! В шкафу, на шкафу, под кроватью, на столе… А почитать ничего не даст. Как будто Миша не умеет обращаться с книгами. У него в Москве своя библиотека есть. Один «Мир приключений» чего стоит!

Дядя Сеня продолжал читать, не обращая на Мишу никакого внимания. Когда Миша выходил из комнаты, дядя даже не посмотрел на него.

Какая скука! Хоть бы обед поскорей или варенье поспело бы! Уж пенки-то, наверно, ему достанутся… Миша подошел к окну. Большая зеленая муха с серыми крылышками то затихала, ползая по стеклу, то с громким жужжаньем билась об него. Вот что! Нужно потренировать свою волю: он будет смотреть на муху и заставит себя не трогать ее.

Миша некоторое время следил за мухой. Вот разжужжалась! Так она, пожалуй, дедушку разбудит. Нет! Он заставит себя поймать муху, но не убьет ее, а выпустит на улицу.

Поймать муху на стекле проще простого. Раз! — и она уже у него в кулаке. Он осторожно разжал кулак и вытащил муху за крылышко. Она билась, пытаясь вырваться. Нет, не уйдешь!

Миша открыл окно и задумался. Жалко выпускать муху. Только зря ловил ее. И вообще мухи распространяют заразу… Он размышлял о том, заставить ли себя выпустить муху или, наоборот, заставить себя убить ее, как вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. Он поднял голову. Против окна стоял Генка и ухмылялся:

— Здорово, Миша!

— Здравствуй, — настороженно ответил Миша.

— Много ты мух сегодня наловил?

— Сколько надо, столько и наловил.

— Почему на улицу не идешь?

— Не хочу.

— Врешь: не пускают.

— Много ты знаешь! Захочу — и выйду.

— Ну, захоти, захоти!

— А я не хочу захотеть.

— Не хочешь! — Генка рассмеялся. — Скажи: не можешь.

— Не могу?

— Не можешь!

— Ах так! — Миша влез на подоконник, соскочил на улицу и очутился рядом с Генкой. — Что, съел?

Но Генка не успел ничего ответить. В окне появилась бабушка и крикнула:

— Миша, домой сейчас же!

— Бежим! — прошептал Миша.

Они помчались по улице, юркнули в проходной двор, забрались в Генкин сад и спрятались в шалаше.

Глава 5
Шалаш

Генкин шалаш устроен из досок, веток и листьев, меж трех деревьев, на высоте полутора-двух саженей. Он незаметен снизу, но из него виден весь Ревск, вокзал, Десна и дорога, ведущая на деревню Носовку. В нем прохладно, пахнет сосной и листва чуть дрожит под уходящими лучами июльского солнца.

— Как ты теперь домой пойдешь? — спросил Генка. — Ведь попадет тебе от бабушки.

— Я домой вовсе не пойду, — объявил Миша.

— Как так?

— Очень просто. Зачем мне? Завтра Полевой пойдет с отрядом банду Никитского ликвидировать и меня возьмет. Нужно обязательно банду ликвидировать.

Генка расхохотался:

— Кем же ты будешь в отряде? Отставной козы барабанщиком?

— Смейся, смейся, — невозмутимо ответил Миша. — Меня Полевой разведчиком берет. На войне все разведчики — мальчики. Мне Полевой велел

еще ребят подобрать, но… — он с сожалением посмотрел на Генку, — нет у нас подходящих. — Миша вздохнул. — Придется уж, видно, одному…

Генка просительно заглянул ему в глаза.

— Ну ладно, — снисходительно произнес Миша, — притащи мне чего-нибудь поесть, и мы подумаем. Только смотри никому ни слова, это большой секрет.

— Ура! — закричал Генка. — Даешь разведку!

— Ну вот, — рассердился Миша, — ты уже орешь, разглашаешь тайну! Не возьму я тебя.

— Не буду, не буду! — зашептал Генка, сполз с дерева и исчез в саду.

В ожидании Генки Миша растянулся на дощатом полу шалаша и уткнул подбородок в кулаки. Что теперь делать? Не ночевать же на улице… А возвращаться стыдно. Перед дедушкой стыдно. Он вспомнил о кортике… Еще, пожалуй, кто-нибудь наткнется на него. Вот будет история!

Миша сквозь листву глядел в сад. Он усажен низкорослыми яблонями, ветвистыми грушами, кустами малины, крыжовника. Почему на разных деревьях растут разные плоды? Ведь все это растет рядом, на одной земле.

На Мишиной руке появилась божья коровка, кругленькая, с твердым красным тельцем и чер-

ной точкой головы. Миша осторожно снял ее, положил на ладонь и произнес: «Божья коровка, улети на небо, принеси нам хлеба», и она раскрыла тонкие крылышки и улетела.

Жужжит оса. Она делает круги над Мишей и, смолкнув, садится ему на ногу. Ужалит или нет? Если не шевелиться, то не ужалит. Миша лежит неподвижно. Оса некоторое время ползет по его ноге и с жужжаньем улетает.

Незаметный, но огромный живой мир копошится кругом.

Муравей тащит хвоинку, и рядом с ним движется маленькая угловатая тень. Вон скачет по траве кузнечик на длинных, согнутых, точно сломанных посередине, ножках.

На садовой дорожке как-то неуклюже, боком, прыгает воробей. А за ним полусонными, жмурящимися, но внимательными глазами наблюдает кот, дремлющий на ступеньках беседки. И ветер, пробегая, колышет запах травы, аромат цветов, благоухание яблонь. Приятная истома охватывает Мишу. Он дремлет и забывает о неприятностях сегодняшнего дня…

В шалаш, запыхавшись, вскарабкался Генка. У него за пазухой большой кусок теплой, еще не доваренной говядины.

— Вот, гляди, — зашептал он, — прямо из кастрюли вытащил. Там суп варился.

— С ума сошел! — ужаснулся Миша. — Ты же всех без обеда оставил.

— Ну и что ж! — Генка молодецки тряхнул головой. — Я ведь в разведчики ухожу. Пусть варят другую говядину… — Он самодовольно захихикал.

Миша жевал мясо, разрывая его зубами и руками. Ну и шляпа Генка! Влетит ему от отца. Папаша у него сердитый — высокий, худой машинист с седыми усами. И мама у него не родная, а мачеха.

— Знаешь новость? — спросил Генка.

— Какую?

— Так я тебе и сказал!

— Дело твое. Только какой же из тебя разведчик? Там ты тоже будешь все от меня скрывать?

Угроза, скрытая в Мишиных словах, подействовала на Генку. Теперь, после похищения мяса из кастрюли, у него одна дорога — в разведчики. Значит, надо подчиняться. И Генка сказал:

— Сейчас у нас был один мужик из Носовки, так он говорит, что банда Никитского совсем близко.

— Ну и что же? — яростно разжевывая мясо, спросил Миша.

— Как — что? Они могут напасть на Ревск.

Миша расхохотался:

— И ты поверил? Эх ты, а еще разведчик!

— А что? — смутился Генка.

— Никитский теперь возле Чернигова. На нас он никак не может напасть, потому что у нас гарнизон. Понятно? Гар-ни-зон…

— Что такое гарнизон?

— Гарнизон не знаешь? Это… как бы тебе сказать… это…

— Тише! Слышишь? — прошептал вдруг Генка.

Миша перестал жевать и прислушался. Где-то за домами раздались выстрелы и потонули в синем куполе неба. Завыл на станции гудок. Торопясь и захлебываясь, затараторил пулемет.

Мальчики испуганно притаились, потом раздвинули листву и выглянули из шалаша.

Дорога на Носовку была покрыта облаками пыли, на станции шла стрельба, и через несколько минут по опустевшей улице с гиком и нагаечным свистом пронеслись всадники в барашковых шапках с красным верхом. В город ворвались белые.

Глава 6
Налет

Миша спрятался у Генки, а когда выстрелы прекратились, выглянул на улицу и побежал домой, прижимаясь к палисадникам. На крыльце он увидел дедушку, растерянного, бледного. Возле дома храпели взмыленные лошади под казацкими седлами.

Миша вбежал в дом и замер в дверях.

В столовой шла отчаянная борьба между Полевым и бандитами. Человек шесть повисло на нем. Полевой яростно отбивался, но они повалили его, и живой клубок тел катался по полу, опрокидывая мебель, волоча за собой скатерти, половики, сорванные занавески.

И еще один белогвардеец, видимо главный, стоял у окна. Он был неподвижен, только взгляд его неотрывно следил за Полевым.

Миша забился в кучу висевшего на вешалке платья. Сердце его колотилось. Сейчас произойдет то, что виделось Мише в захлестывавших его мечтах: Полевой встанет, двинет плечами и один разбросает всех.

Но Полевой не вставал. Все слабее становились его бешеные усилия сбросить с себя бандитов. Наконец его подняли и, продолжая выкручивать назад руки, подвели к стоявшему у окна белогвардейцу. Полевой тяжело дышал. Кровь запеклась в его русых волосах. Он стоял босиком, в тельняшке. Его, видно, захватили спящим. Бандиты были вооружены короткими винтовками, наганами, шашками; их кованые сапоги гремели по полу.

Белогвардеец не сводил с Полевого немигаю-

щего взгляда. Черный чуб свисал у него из-под заломленной папахи на серые колючие глаза и пунцово-красный шрам на правой щеке. В комнате стало тихо, только слышалось тяжелое дыхание людей и равнодушное тиканье часов.

— Кортик! — произнес вдруг белогвардеец резким, глухим голосом. — Кортик! — повторил он, и глаза его, уставившиеся на Полевого, округлились.

Полевой молчал. Он тяжело дышал и медленно поводил плечами. Белогвардеец шагнул к нему, поднял нагайку и наотмашь ударил Полевого по лицу. Миша вздрогнул и зажмурил глаза.

— Забыл Никитского? Я тебе напомню! — крикнул белогвардеец.

Так вот он какой, Никитский! Вот от кого прятал кортик Полевой!

— Слушай, Полевой, — неожиданно спокойно сказал Никитский, — никуда ты не денешься. Отдай кортик и убирайся на все четыре стороны. Нет — повешу!

Полевой молчал.

— Хорошо, — сказал Никитский. — Значит, так? — Он кивнул двум бандитам.

Те вошли в комнату Полевого. Миша узнал их: это были дровоколы, которых он видел утром.

Они всё переворачивали, бросали на пол, прикладами разбили дверцу шкафа, ножами протыкали подушки, выгребали золу из печей, отрывали плинтусы. Сейчас они войдут в Мишину комнату.

Преодолев оцепенение, Миша выбрался из своего убежища и проскользнул в зал.

Уже наступил вечер. В темноте на потертом плюше дивана, под валиком, Миша нащупал холодную сталь кортика. Он вытащил его и спрятал в рукав. Конец рукава вместе с рукояткой кортика он зажал в кулаке…

Обыск продолжался. Полевой все стоял, наклонившись вперед, с выкрученными назад руками. Вдруг на улице раздался конский топот. На крыльце послышались чьи-то быстрые шаги. В дом вошел еще один белогвардеец. Он подошел к Никитскому и что-то тихо сказал ему.

Никитский секунду стоял неподвижно, потом нагайка его взметнулась:

— На коней!

Полевого потащили к сеням. Оттуда был выход как на улицу, так и во двор. И вот, когда Полевой переступал порог, Миша нащупал его руку и разжал кулак.

Рукоятка коснулась ладони Полевого. Он при-

тянул кортик к себе и, сделав уже в сенях шаг вперед, вдруг взмахнул рукой и ударил кортиком переднего конвоира в шею. Миша бросился под ноги второму, он упал на Мишу, и Полевой прыгнул из сеней в темную ночь двора.

Но Миша не видел, скрылся Полевой или нет. Страшный удар рукояткой нагана обрушился на него, и он мешком упал в угол, под висевший на вешалке брезентовый дождевик.

Глава 7
Мама

Миша лежал на кровати забинтованный, тихий, прислушиваясь к отдаленным звукам улицы, доходившим в комнату сквозь чуть колеблющиеся занавески.

Идут люди. Слышны их шаги по деревянному тротуару и звучная украинская речь…

Скрипит телега…

Мальчик катит колесо, подгоняя его палочкой. Колесо катится тихо, лишь постукивает на стыке…

Миша слышал все это сквозь какой-то туман, и звуки эти мешались с короткими, быстро забываемыми снами. Полевой… Белогвардейцы… Ночная темнота, скрывшая Полевого… Никитский… Кортик… Кровь на лице Полевого и на его, Мишином, лице… Теплая, липкая кровь…

Дедушка рассказал ему, как было дело. Отряд железнодорожников окружил поселок, и не всем бандитам удалось умчаться на своих быстрых конях. Но Никитский улизнул. Полевого в перестрелке ранили. Он лежит теперь в станционной

больнице.

Дедушка потрепал Мишу по голове и сказал:

— Эх ты, герой!

А какой он герой? Вот если бы он перестрелял бандитов и Никитского взял в плен, тогда другое дело.

Интересно, как встретит его Полевой. Наверно, хлопнет по плечу и скажет: «Ну, Михаил Григорьевич, как дела?» Может быть, он подарит ему револьвер с портупеей, и они оба пойдут по улице, вооруженные и забинтованные, как настоящие солдаты. Пусть ребята посмотрят! Теперь он и Петуха не испугается.

В комнату вошла мама. Она недавно приехала из Москвы, вызванная телеграммой. Она оправила постель, убрала со стола тарелку, хлеб, смахнула крошки.

— Мама, — спросил Миша, — кино у нас в доме работает?

— Работает.

— Какая картина идет?

— Не помню. Лежи спокойно.

— Я лежу спокойно. Звонок у нас починили?

— Нет. Приедешь — починишь.

— Конечно, починю. Ты кого из ребят видела? Славку видела?

— Видела.

— А Шурку Большого?

— Видела, видела… Молчи, я тебе говорю!

Эх, жалко, что он поедет в Москву без бинтов! Вот бы ребята позавидовали! А если не снимать бинтов? Так забинтованному и ехать. Вот красота! И умываться бы не пришлось…

Мама сидела у окна и что-то шила.

— Мама, — спросил Миша, — сколько я буду еще лежать?

— Пока не выздоровеешь.

— Я себя чувствую совсем хорошо. Выпусти меня на улицу.

— Вот еще новости! Лежи и не разговаривай.

«Жалко ей, — мрачно думал Миша. — Лежи тут! Вот возьму и убегу». Он представлял себе, как мама войдет в комнату, а его уже нет. Она будет плакать, убиваться, но ничто не поможет, и она никогда уже его не увидит.

Миша искоса поглядел на мать. Она все шила, опустив голову, изредка откусывая нитку.

Тяжело ей придется без него! Она останется совсем одна. Придет со службы домой, а дома никого нет. В комнате пусто, темно. Весь вечер она будет сидеть и думать о Мише. Жалко ее все-таки…

Она такая худенькая, молчаливая, с серыми лучистыми глазами, такая неутомимая и работящая. Она поздно приходит с фабрики домой. Готовит обед. Убирает комнату. Стирает Мише рубашки, штопает чулки, помогает ему готовить уроки, а он ленится наколоть дров, сходить в очередь за хлебом или разогреть обед.

Милая, славная мамочка! Как часто он огорчал ее, не слушался, плохо вел себя в школе! Маму вызывали туда, и она упрашивала директора простить Мишу. Сколько он перепортил вещей, истрепал книг, порвал одежды! Все это ложилось на худенькие мамины плечи. Она терпеливо работала, штопала, шила, а он стыдился ходить с ней по улице, «как маленький». Он никогда не целовал мать — ведь это «телячьи нежности». Вот и сегодня он придумывал, какое горе причинить ей, а она все бросила, целую неделю моталась по теплушкам, тащила на себе нужные ему вещи и теперь не отходит от его постели…

Миша прикрыл глаза. В комнате почти совсем темно. Только маленький уголок, там, где сидит мама, освещен золотистым светом догорающего дня. Мама шьет, наклонив голову, и тихо поет:

Как дело измены, как совесть тирана,

Осенняя ночка темна.
Темней этой ночи встает из тумана
Видением мрачным тюрьма.

И это протяжное, тоскливое, как стон, «слу-у-шай…».

Это поет узник, молодой, с прекрасным лицом. Он держится руками за решетку и смотрит на сияющий и недоступный мир.

Мама все поет и поет. Миша открыл глаза. Теперь смутно видно в темноте ее бледное лицо. Песня сменяет песню, и все они заунывные и печальные.

Миша вдруг разрыдался. И когда мама наклонилась к нему: «Мишенька, родной, что с тобой?» — он охватил ее шею, притянул к себе и, уткнув лицо в теплую, знакомо пахнущую кофточку, прошептал:

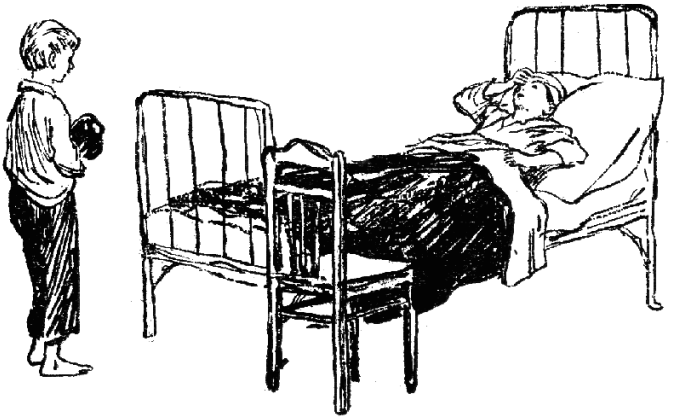
— Мамочка, дорогая, я так тебя люблю!..

Глава 8
Посетители

Миша быстро поправлялся. Часть бинтов уже сняли, и только на голове еще белела повязка. Он ненадолго вставал, сидел на кровати, и наконец к нему впустили друга-приятеля Генку. Генка вошел в комнату и робко остановился в дверях. Миша головы не повернул, только скосил глаза и слабым голосом произнес:

— Садись.

Генка осторожно сел на краешек стула. Открыв рот, выпучив глаза и тщетно пытаясь спрятать под стул свои довольно-таки грязные ноги, он уставился на Мишу.



Миша лежал на спине, устремив глаза в потолок. Лицо его выражало страдание. Изредка он касался рукой повязки на голове — не потому, что голова болела, а чтобы Генка обратил должное внимание на его бинты.

Наконец Генка набрался храбрости и спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — тихо ответил Миша, но глубоким вздохом показал, что на самом деле ему очень нехорошо, но он геройски переносит эти страшные муки.

Потом Генка спросил:

— В Москву уезжаешь?

— Да, — ответил Миша и опять вздохнул.

— Говорят, с эшелоном Полевого, — сказал Генка.

— Ну? — Миша сразу поднялся и сел на кровати. — Откуда ты знаешь?

— Слыхал.

Они помолчали, потом Миша посмотрел на Генку и спросил:

— Ну, ты как, решил?

— Чего?

— Поедешь в Москву?

Генка сердито мотнул головой:

— Чего ты спрашиваешь? Ведь знаешь, что отец не пускает.

— Но ведь тетка твоя, Агриппина Тихоновна, сколько раз тебя звала. Вот и сейчас с мамой письмо прислала. Поедем, будешь с нами в одном доме жить.

— Говорю тебе, отец не пускает. — Генка вздохнул. — И тетя Нюра тоже…

— Тетя Нюра тебе не родная.

— Она хорошая, — мотнул головой Генка.

— Агриппина Тихоновна еще лучше.

— Как же я поеду?

— Очень просто: в ящике под вагоном. Ты туда спрячешься, а как отъедем от Ревска, выйдешь и поедешь с нами.

— А если отец поведет поезд?

— Вылезешь в Бахмаче, когда паровоз сменят.

— Что я в Москве буду делать?

— Что хочешь! Хочешь — учись, хочешь — поступай на завод токарем.

— Как это — токарем? Я ведь не умею.

— Токарем не умеешь? Ерунда, научишься... Подумай. Я тебе серьезно говорю.

— Про разведчиков ты тоже серьезно говорил, а мне за мясо так попало, что я до сих пор помню.

— Разве я виноват, что Никитский напал на Ревск? А то обязательно пошли бы в разведку. Мы, как в Москву приедем, запишемся в добровольцы и поедем на фронт белых бить. Поедешь?

— Куда? — насторожился Генка.

— Сначала в Москву, а потом на фронт — белых бить.

— Если белых бить, то, пожалуй, можно, — уклончиво ответил Генка.

Генка ушел. Миша лежал один и думал о Полевом. Почему он не приходит? Что особенного в этом кортике? Для чего-то на рукоятке бронзовая змейка, на клинке значки: волк, скорпион и лилия. Что это все значит?

Его размышления прервал дядя Сеня. Он вошел в комнату, снял пенсне. Глазки у него без пенсне

маленькие, красные, как бы испуганные. Потом он водрузил пенсне на нос и спросил:

— Как ты себя чувствуешь, Михаил?

— Хорошо. Я уже вставать могу.

— Нет, нет, ты, пожалуйста, лежи, — забеспокоился дядя Сеня, когда Миша попытался подняться, — пожалуйста, лежи! — Он неловко постоял, затем прошелся по комнате, снова остановился. — Михаил, я хочу с тобой поговорить, — сказал он.

«Неужели о камере?» — подумал Миша.

— Я надеюсь, что ты, как достаточно взрослый человек… гм… так сказать… способен меня понять и сделать из моих слов полезные выводы.

«Ну, началось!»

— Так вот, — продолжал дядя Сеня, — последний случай, имевший для тебя столь печальные последствия, я рассматриваю не как шалость, а как… преждевременное вступление в политическую борьбу.

— Чего-чего? — Миша удивленно уставился на дядю Сеню.

— Не понимаешь? Разъясню. На твоих глазах происходит акт политической борьбы, а ты, человек молодой, еще не оформившийся, принял участие в этом акте. И напрасно.

— Как это так? — изумился Миша. — Бандиты будут убивать Полевого, а я должен молчать? Так, по-вашему?

— Как благородный человек, ты должен, конечно, защищать всякого пострадавшего, но это в том случае, если, допустим, Полевой идет и на него напали грабители. Тогда — другое дело. Но ведь в данном случае этого нет. Происходит борьба между красными и белыми, и ты еще слишком мал, чтобы вмешиваться в политику. Твое дело — сторона.

— Как это — сторона? — заволновался Миша. — Я ж за красных.

— Я не агитирую ни за красных, ни за белых. Но считаю своим долгом предостеречь тебя от участия в политике.

— Значит, по-вашему, пусть царствуют буржуи? — Миша лег на спину и натянул одеяло до самого подбородка. — Нет! Как хотите, дядя Сеня, а я не согласен.

— Твоего согласия никто не спрашивает, — рассердился дядя Сеня, — ты слушай, что говорят старшие!

— Вот я и слушаю. Полевой ведь старший. Мой папа тоже был старший. И Ленин старший. Они все против буржуев. И я тоже против.

— С тобой невозможно разговаривать! — сказал дядя Сеня и вышел из комнаты.

Глава 9
Линкор «Императрица Мария»

В Ревске становилось все тревожней, и мама торопилась с отъездом.

Миша уже вставал, но на улицу его не пускали. Только разрешили сидеть у окна и смотреть на играющих ребят.

Все относились к нему с уважением. Даже с Огородной улицы пришел Петька Петух. Он подарил Мише тросточку с вырезанными на ней спиралями, ромбами, квадратами и на прощанье сказал:

— Ты пожалуйста, Миша, ходи по нашей улице сколько угодно. Ты не бойся: мы тебя не тронем.

А Полевой все не приходил. Как хорошо было раньше сидеть с ним на крыльце и слушать удивительные истории про моря, океаны, бескрайный движущийся мир… Может быть, ему самому сходить в больницу? Попросить доктора, и его пропустят…

Но Мише не пришлось идти в больницу: Полевой пришел сам. Еще издали, с улицы, донесся его веселый голос. Мишино сердце замерло. Полевой вошел, одетый в военную форму и сапоги.

Он принес с собой солнечную свежесть улицы, ароматы голубого лета, лукавую бесшабашность бывалого солдата. Он сел на стул рядом с Мишиной кроватью. Стул под ним жалобно заскрипел, качнулся, но устоял на месте.

И они оба, Полевой и Миша, смотрели друг на друга и улыбались. Потом Полевой хлопнул рукой по одеялу, весело сощурил глаза и сказал:

— Здорово, Михаил Григорьевич! Как они, пироги-то, хороши?

Миша только счастливо улыбался.

— Скоро встанешь? — спросил Полевой.

— Завтра уже на улицу.

— Вот и хорошо. — Полевой помолчал, потом рассмеялся: — Ловко ты второго-то сбил! Здорово! Молодец! В долгу я перед тобою. Вот приду с фронта — буду рассчитываться.

— С фронта? — Мишин голос задрожал. — Дядя Сережа… только вы на меня не сердитесь… Возьмите меня с собой. Я вас очень прошу, пожалуйста, возьмите.

— Ну что ж, — Полевой насупил брови, как бы обдумывая Мишину просьбу, — можно… Поедете с моим эшелоном до Бахмача, а с Бахмача я вас в Москву отправлю. Понял? — Он рассмеялся.

— Ну вот, до Бахмача! — разочарованно протя-

нул Миша. — Только дразнитесь.

— Ты не обижайся, — Полевой похлопал по одеялу, — не обижайся. Навоюешься еще, успеешь. Скажи лучше: как к тебе кортик попал?

Миша покраснел.

— Не бойся, — засмеялся Полевой, — рассказывай.

— Я случайно его увидел, честное слово, — смущенно забормотал Миша, — совершенно случайно. Вынул посмотреть, а тут бабушка! Я его спрятал в диван, а обратно положить не успел. Ведь я не нарочно.

— Никому про кортик не рассказывал?

— Никому, вот ей-богу!

— Верю, верю, — успокоил его Полевой.

Миша осмелел:

— Дядя Сережа, скажите, почему Никитский ищет этот кортик?

Полевой не отвечал. Он сидел, как-то странно ссутулясь и глядя на пол. Потом, точно очнувшись, глубоко вздохнул и спросил:

— Помнишь, я тебе про линкор «Императрица Мария» рассказывал?

— Помню.

— Так вот. Никитский служил там же, на линкоре, мичманом. Негодяй был, конечно, первой

статьи, но это к делу не относится. Перед тем как тому взрыву произойти… минуты так за три, Никитский застрелил одного офицера. Я один это видел. Больше никто. Офицер этот только к нам прибыл, я и фамилии его не знаю… Я как раз находился возле его каюты. Зачем находился, про это долго рассказывать — у меня с Никитским свои счеты были. Стою, значит, возле каюты, слышу — спорят. Никитский того офицера Владимиром называет… Вдруг бац — выстрел!.. Я в каюту. Офицер на полу лежит, а Никитский кортик этот самый из чемодана вытаскивает. Увидел меня — выстрелил… Мимо. Он — за кортик. Сцепились мы. Вдруг — трах! — взрыв, за ним другой, и пошло… Очнулся я на палубе. Кругом — дымище, грохот, все рушится, а в руках держу кортик. Ножны, значит, у Никитского остались. И сам он пропал.

Полевой помолчал, потом продолжал:

— Провалялся я в госпитале, а тут революция, гражданская война. Смотрю — объявился Никитский главарем банды. Ну, вот и встретились мы. Услышал, видно, по Ревску мою фамилию и пронюхал, что это я. И налетел — старые счеты свести. На такой риск пошел. Видно, кортик ему и теперь зачем-то нужен. Только не получить ему:

что врагу на пользу, то нам во вред. А кончится война, разберемся, что к чему.

Полевой опять помолчал и задумчиво, как бы самому себе, произнес:

— Есть человек один, здешний, ревский, у Никитского в денщиках служил. Думал, найду я его здесь… да нет… скрылся. — Полевой встал. — Заговорился я с тобой! Мамаше передай, чтобы собиралась. Дня через два выступим. Ну, прощевай!

Он подержал маленькую Мишину руку в своей большой, подмигнул ему и ушел.

Глава 10
Отъезд

Эшелон уже стоял на станции, и Миша с Генкой бегали его смотреть.

Красноармейцы строили в теплушках нары, в вагонах — стойла для лошадей, а под классным вагоном ребята высмотрели большой железный ящик.

— Смотри, Генка, как удобно, — говорил Миша, залезая в ящик. — Тут и спать можно, и что хочешь. Чего ты боишься? Всего одну ночь тебе в нем лежать. А там, пожалуйста, переходи в вагон, а я поеду в ящике.

— Тебе хорошо говорить, а как я сестренку оставлю? — хныкал Генка.

— Подумаешь, сестренку! Ей всего три года, твоей сестренке. Она и не заметит. Зато в Москву попадешь! — Миша соблазнительно причмокнул губами. — Я тебя с ребятами познакомлю. Знаешь у нас какие ребята! Славка на пианино что хочешь играет, даже в ноты не смотрит. Шурка Огуреев — артист, бороду прилепит, его и не узнаешь. В доме у нас кино, арбатский «Арс». Ши-

карное кино! Все картины не меньше чем в трех сериях… А не хочешь, оставайся. И цирка не увидишь, и вообще ничего. Пожалуйста, оставайся.

— Ладно, — решился Генка, — поеду.

— Вот и хорошо! — обрадовался Миша. — Из Бахмача напишешь отцу письмо. Так, мол, и так. Уехал в Москву, к тете Агриппине Тихоновне. Прошу не беспокоиться. И все в порядке.

Они пошли вдоль эшелона. На одном вагоне мелом написано: «Штаб». К стенам вагона прибиты плакаты. Миша принялся объяснять Генке, что на них нарисовано.

— Вот царь, — говорил он, — видишь: корона, мантия и нос красный. Этот, в белой рубахе, с нагайкой, — урядник. В очках и соломенной шляпе — меньшевик. А вот эта змея с тремя головами — это Деникин, Колчак и Юденич.

— А это кто? — Генка ткнул пальцем в плакат.

На нем был изображен буржуй в черном цилиндре, с отвисшим животом и хищным, крючковатым носом. Буржуй сидел на мешке с золотом. С его толстых пальцев с длинными ногтями стекала кровь.

— Это буржуй, — ответил Миша, — не видишь, что ли? На деньгах сидит. Думает, всех за деньги можно купить.

— А почему написано «Антанта»?

— Это все равно. Антанта — это союз всех буржуев мирового капитала против советской власти. Понял?

— Понял… — довольно неопределенно протянул Генка. — А почему здесь «Интернационал» написано? — Он показал на прибитый к вагону большой фанерный щит.

На щите был нарисован земной шар, опутанный цепями, и мускулистый рабочий разбивал эти цепи тяжелым молотом.

— Это Интернационал — союз всех рабочих мирового пролетариата, — ответил Миша. — Рабочий, — он показал на рисунок, — это и есть Интернационал. А цепи — Антанта. И когда цепи будут разбиты, то во всем мире будет власть рабочих и никаких буржуев больше не будет.

Наконец наступил день отъезда.

Вещи погрузили на телегу. Мама прощалась с дедушкой и бабушкой. Они стояли на крыльце, маленькие, старенькие. Дедушка — в своем потертом сюртуке, бабушка — в засаленном капоте. Она утирала слезы и плаксиво морщила лицо. Дедушка нюхал табак, улыбался влажными глазами и все время бормотал:

— Все будет хорошо… Все будет хорошо.

Миша взгромоздился на чемодан. Телега тронулась. Она громыхала по неровной мостовой, подскакивая, наклоняясь то в одну, то в другую сторону.

Когда телега свернула с Алексеевской улицы на Привокзальную, Миша оглянулся и в последний раз увидел маленький деревянный домик с зелеными ставнями и тремя вербами за оградой палисадника. Из-под его разбитой штукатурки торчали куски дранки и клочья пакли, а в середине, меж двух окон, висела круглая ржавая жестянка с надписью: «Страховое общество «Феникс». 1872 год».

Глава 11
В эшелоне

Прижавшись лицом к стеклу, Миша смотрел в черную ночь, усеянную светлыми точками звезд и станционных огней.

Протяжные гудки и пыхтенье паровозов, лязг прицепляемых вагонов, торопливые шаги и крики кондукторов и смазчиков, сновавших вдоль поезда с болтающимися светляками ручных фонарей, волновали эту ночь и наполняли ее тревогой, неведомой и тоскливой.

Миша не отрываясь смотрел в окно, и чем больше прижимался он к стеклу, тем ясней вырисовывались предметы в темноте.

Поезд дернулся назад, лязгнул буферами и остановился. Потом он снова дернулся, на этот раз вперед, и, не останавливаясь, пошел, громыхая на стрелках и набирая скорость. Вот уже остались позади станционные огни. Луна вышла из-за распушенной ваты облаков. Серой лентой проносились неподвижные деревья, будки, пустые платформы… Прощай, Ревск!

Когда на следующий день, рано утром, Миша

проснулся, поезд не двигался. Миша вышел из вагона и подошел к ящику.

Эшелон стоял на какой-то станции, на запасном пути, без паровоза. Безлюдно. Только дремал в тамбуре часовой да стучали копытами лошади в вагонах. Миша поскреб по ящику и прошептал:

— Генка, вылезай!

Ответа не последовало. Миша снова постучал. Опять молчание. Миша залез под вагон и увидел, что ящик пуст. Где же Генка? Неужели убежал вчера домой?

Его размышления прервал звук трубы, проигравшей зорю.

Эшелон пробудился и оживил станцию. Из теплушек прыгали бойцы, умывались, забегали дежурные с котелками и чайниками. Запахло кашей. Кто-то кого-то звал, кто-то кого-то ругал. Потом все выстроились вдоль эшелона в два ряда, и началась перекличка.

Бойцы были плохо и по-разному обмундированы. В рядах виднелись буденовки, серые солдатские шапки, кавалерийские фуражки, матросские бескозырки, казацкие кубанки. На ногах у одних были сапоги, у других — ботинки, валенки, калоши, а кто и вовсе стоял босиком. Здесь были солдаты, матросы, рабочие, крестьяне. Ста-

рые и молодые, пожилые и совсем мальчики.

Миша заглянул в штабной вагон и увидел Генку. Он стоял в вагоне и утирал рукавом слезы. Перед ним за столом сидел молоденький парнишка в заплатанной гимнастерке, перехваченной вдоль и поперек ремнями, в широченных галифе с красным кантом и кожаными леями. Носик у парнишки маленький, а уши большие. Во рту трубка. Он меланхолически сплевывает через стол мимо Генки, который вздрагивает при каждом плевке, как будто в него летит пуля.

— Так, — строго говорит парнишка, — значит, как твоя фамилия?

— Петров, — всхлипывает Генка.

— Ага, Петров! А не врешь?

— Не-е-е…

— Смотри у меня!

— Ей-богу, правда! — хнычет Генка.

Опять пауза, посасывание трубки, плевки, и допрос продолжается, причем вопросы и ответы повторяются бесчисленное множество раз.

Генку арестовали! Миша отпрянул от вагона и побежал искать Полевого. Он нашел его возле площадок с орудиями, которые Полевой осматривал вместе с другими командирами.

— Сергей Иваныч, — обратился к нему Миша, —

там Генку арестовали. Отпустите его, пожалуйста. Он с нами в Москву едет.

— Кто арестовал твоего Генку? — удивился Полевой.

— Там, в штабе, начальник в синих галифе, молоденький такой.

Полевой и остальные военные переглянулись и расхохотались.

— Ай да Степа! — крикнул один из них.

— Ладно, — сказал Полевой, — пойдем до штаба, попросим того начальника. Может, и отпустит.

Все влезли в штабной вагон. Парнишка вскочил со скамейки, спрятал трубку в карман, приложил руку к сломанному козырьку и, вытянувшись перед Полевым, баском произнес:

— Дозвольте доложить, товарищ командир. Так что задержан подозрительный преступник. — Он указал на хныкающего Генку. — Согласно моему следствию, признал себя виновным, что фамилию имеет Петров, имя Геннадий, сбежал от родителей в Москву до тетки. Отец — машинист. Оружие при нем обнаружено: три гильзы от патронов. Пойман на месте преступления, в ящике под вагоном, в спящем виде.

Он опустил руку и стоял, по-прежнему вытянувшись, маленький, чуть повыше Генки, не

обращая никакого внимания на хохот присутствующих.

Сдерживая смех, Полевой строго посмотрел на Генку:

— Зачем под вагон залез?

Генка еще пуще заплакал:

— Дяденька, честное слово, я в Москву, к тетке, пусть он скажет. — Генка показал на Мишу.

— Сейчас разберемся, — сказал Полевой. — Ты, Степа, — обратился он к парнишке, — беги до старшины, пусть сюда идет.

— Есть сбегать до старшины, пусть сюда идет! — молодцевато ответил Степа, отдал честь, повернулся кругом и выскочил из вагона.

— А вы, — обернулся Полевой к мальчикам, — марш отсюда!

Генка вылез из вагона. Миша задержался и шепотом спросил у Полевого:

— А кто этот парнишка?

— О, брат! — засмеялся Полевой. — Это большой человек: Степан Иванович Резников, главный курьер штаба.

Глава 12
Будка обходчика

Вторую неделю стоял эшелон на станции Низковка.

— Бахмач не принимает, не хватает паровозов, — объяснял Генка.

Он, как сын машиниста, считал себя знатоком железнодорожных дел.

Генка ехал теперь в эшелоне на легальном положении. Отец разыскал его, отодрал за уши и хотел увезти обратно в Ревск, но Полевой и Мишина мама вступились за Генку.

Полевой увел отца Генки к себе в вагон. О чем они там говорили, неизвестно, но, выйдя оттуда, отец хмуро посмотрел на Генку и объявил, что сегодня он его не заберет, а вернется в Ревск и — «как решит мать».

На другой день он опять приехал из Ревска, привез Генкины вещи и письмо тете Агриппине Тихоновне. Он долго разговаривал с Генкой, читал ему наставления и уехал, взяв с Мишиной мамы обещание передать Генку тете «с рук на руки».

А эшелон все стоял на станции Низковка. Красноармейцы разводили между путями костры, варили в котелках похлебку. По вечерам в черной золе тлели огоньки, в вагонах растягивалась гармошка, дребезжала балалайка, распевались частушки. Взрослые сидели на разбросанных шпалах, на рельсах или просто на земле. Они разговаривали о политике, о железнодорожных порядках, о боге, но больше всего о продовольствии.

Продовольствия не хватало, и вот однажды Миша и Генка отправились в лес за грибами.

Лес был далеко, верстах в пяти. Мальчики вышли рано утром, рассчитывая к вечеру вернуться, но получилось иначе.

Идти пришлось не пять верст, а больше. Дорогу им объяснили неправильно. Они проплутали целый день, и, когда наконец насобирали грибов и двинулись обратно, уже смеркалось. Пошел дождь, и тучи совсем затемнили небо.

«Почему так неравномерно расположены шпалы под рельсами? — думал Миша, шагая рядом с Генкой по железнодорожному полотну. — Никак нельзя ровно идти: один шаг получается большой, другой маленький. По простой дороге и то лучше».

Дорога шла по насыпи, бескрайными полями. Изредка далеко-далеко, сквозь пелену дождя, виднелась деревенька и как будто слышалось мычанье коров, лай собак, скрипенье журавля на колодце — те отдаленные звуки, что слышатся

в шуме дождя, когда далеко в вечернем тумане путник видит поселение.

Уже в темноте они добрались до будки обходчика. Отсюда до Низковки три версты.

— Давай зайдем, — предложил Генка.

— Незачем. Только время терять.

— Чего мокнуть под дождем? Переночуем, а завтра пойдем.

— Нет. Мама будет беспокоиться, и эшелон могут отправить.

— Фью! — свистнул Генка. — Его еще через неделю не отправят. Потом, ведь мы идем со стороны Бахмача, так что увидим. Зайдем! Хоть воды выпьем.

Они постучали. В ограде залился бешеным лаем пес, потом за дверью раздался женский голос:

— Чего надоть?

— Тетенька, — тоненьким голоском пропищал Генка, — водицы испить.

Пес за оградой заметался на цепи и залился пуще прежнего.

Стукнул засов, дверь открылась. Через тесные сени мальчики вошли в низкую просторную избу.

Кто-то завозился на печи, и мужской старческий кашляющий голос спросил:

— Матрена, кого впустила?

— Сынков, — ответила женщина, почесывая бок и зевая. — Водицы просят. По грибы, чай, ходили? — спросила она у ребят.

— Ага.

— Идете куда?

— В Низковку.

— Далече, — протянула женщина. — Куда же вы на ночь-то глядя?

— Да вот, тетенька, — ухватился за это замечание Генка, — я и то говорю. Может, пустите нас переночевать?

— Чего ж не пустить! Места не жалко. Куда ж вы ночью под дождем пойдете? Ишь, как сыплет, — говорила женщина, стаскивая с печи и постилая на полу тулуп, — да и лихие люди ноне шатаются, а то и под поезд попадете. Вот, ложитесь. До света вздремнете, а там и дойтить недолго.

Она набросила крючок, задула лучину и, кряхтя, полезла на печь. Ребята улеглись на тулуп и быстро уснули.

Глава 13
Бандиты

И приснилась Мише какая-то неразбериха. Жеребенок вороной с коротким развевающимся хвостом. Он резвится, вскидывая задние ноги, он мчится по полю у подножия отвесной скалы. Все смеются: Полевой, дедушка, Славка, Никитский… Смеются над ним, над Мишей. А жеребенок то остановится, нагнет голову, капризно машет ею, то брыкнет ногами и опять мчится по полю.

Вдруг… это не жеребенок, а конь, огромный вороной конь. Он с разбегу кидается на скалу, на совершенно отвесную скалу, и взбирается по ней…

Он взбирается по ней, как громадная черная муха, а Никитский стучит по дереву рукояткой нагайки: «Держи коня, держи коня!»

Конь взбирается все медленней и медленней. «Держи коня, держи коня!» — кричит Никитский. Вдруг лошадь отрывается от скалы и со страшным грохотом летит в пропасть…

Грохот прервался у Мишиных ног: ведро еще раз звякнуло и утихло.

— Держи коня! — опять крикнул кто-то из избы во двор и выругался: — А, черт, поставили ведро тут!..

Чиркнула спичка. Тусклая лучина осветила высокого человека в бурке. На дворе ржали лошади и заливался неистовым лаем пес.

— Это кто? — спросил человек в бурке, указывая нагайкой на лежащих в углу ребят.

— Ребятишки со станции, по грибы ходили, — хмуро ответил хозяин. Он стоял в исподнем, с лучиной в руках; всклокоченная его борода тенью плясала по стене. — Да они спят, чего вы беспокоитесь!..

— Поговори!.. — прикрикнул на него человек

в бурке.

Он подошел к ребятам и нагнулся, вглядываясь в них. И в ту секунду, когда, притворясь спящим, Миша прикрыл глаза, над ним мелькнул колючий взгляд из-под черного чуба и папаха… Никитский!

Никитский подошел к обходчику:

— Прошел паровоз на Низковку?

— Прошел, — угрюмо произнес старик.

— Ты что же, старый черт, финтить? — Никитский схватил его за рубашку на груди, скрутил ее в кулаке, притянул к себе, и голова старика откинулась назад.

— Греха… — прохрипел старик, — греха на душу не приму…

— Не примешь? — Никитский, не выпуская обходчика, ударил его по лицу рукояткой нагайки. — Не примешь? Через час должен поезд пройти, а ты в монахи записался? — Он еще раз ударил его.

Старик упал. Никитский выбежал во двор.

Некоторое время там слышались голоса, конский топот, и все стихло. Только пес продолжал лаять и рваться на цепи.

Через час должен пройти поезд! С Низковки! Паровоз туда уже вышел… Может быть, их эшелон?

И вдруг страшная догадка мелькнула в Мишином мозгу: бандиты хотят напасть на эшелон!.. Миша вскочил. Что же делать? Как предупредить? За час они не добегут до Низковки…

На полу стонал обходчик. Возле него, охая и причитая, хлопотала старуха.

Миша растолкал Генку:

— Вставай! Слышишь, Генка, вставай!

— Чего, чего тебе? — бормотал спросонья Генка.

Миша тащил его. Генка брыкался, пытался снова улечься на тулуп.

— Вставай, — шептал Миша, — вставай! — Он тряс Генку: — Вставай! Здесь Никитский… Они хотят на эшелон напасть…

Ребята тихонько выбрались из сторожки.

Дождь прекратился. Земля отдавала влагой. С крыши равномерно падали капли. Полная луна освещала края редеющих облаков, полотно железной дороги, блестящие рельсы. Пес во дворе не лаял и не гремел цепью, а выл жутко и тоскливо.

Мальчики в ужасе бросились бежать. Они бежали по тропинке, идущей вдоль насыпи, и остановились, увидев на путях темные фигуры людей. Послышался лязг железа — бандиты разбирали путь.

Это было самое высокое место насыпи перед маленьким мостиком, перекинутым через глубокий овраг. К оврагу спускалась рощица. Мальчики услышали в ней ржание лошадей, шорох, хруст ветвей, приглушенные голоса. Тихонько спустились они с насыпи, обогнули рощу и снова помчались во весь дух.

Холодный рассвет все ясней и ясней очерчивал контуры предметов, раздвигал дали. Вот видны уже станционные огни. Мальчики бежали изо всех сил, не чувствуя острых камней, не слыша шума ветра. Вдруг донесся отдаленный протяжный гудок паровоза. Они на секунду остановились и снова понеслись вперед. Они ничего не видели, кроме изогнутых железных поручней паровоза, окутанных клубами белого пара. Поручни эти всё увеличивались и увеличивались, стали совсем громадными и заслонили собой паровоз.

Миша хотел ухватиться за них, как вдруг чья-то сильная рука остановила его… Перед мальчиками стоял Полевой.

— Ну, — строго спросил Полевой, — где шатались?

— Сергей Иваныч… — Миша тяжело дышал, — там Никитский…

— Где? — быстро спросил Полевой.

— Там… в будке обходчика… Они в овраге сейчас…

— В овраге? — переспросил Полевой.

— Да.

— Вот как… — Полевой на секунду задумался. — А мы их тут ждали… Ну ладно, разведчики! А теперь марш в вагон! И смотрите: больше из вагона не вылезать, а то под замок посажу…

Глава 14
Прощанье

Бой продолжался недолго. Бандиты удрали, оставив убитых. Одинокие лошади метались по полю. Красноармейцы ловили лошадей, расседлывали и по мосткам загоняли в вагоны. Бойцы быстро восстановили путь, и поезд двинулся дальше.

В Бахмаче классный вагон отцепили от эшелона для дальнейшей отправки в Москву. Эшелон же сегодня должен был уйти на фронт.

Перед отходом эшелона Полевой позвал Мишу. Они уселись в тени пакгауза: Миша — на земле, Полевой — на пустом ящике. Они сидели молча. Каждый думал о своем, а может быть, они думали об одном и том же. Потом Полевой поднял голову, улыбнулся Мише и сказал:

— Ну, Михаил Григорьевич, что скажешь на прощанье?

Миша ничего не отвечал, только прятал глаза.

— Да, — сказал Полевой, — пришла нам пора расставаться, Мишка. Не знаю, свидимся или нет, так вот, смотри…

Он вынул кортик и держал его на левой ладони. Кортик был все такой же, с побуревшей рукоятко́й и бронзовой змейкой.

Продолжая держать кортик в левой руке, Полевой правой повернул рукоятку в ту сторону, куда смотрела голова змеи. Рукоятка вращалась по спирали змеиного тела и вывернулась совсем.

Полевой отъединил от рукоятки змейку и вытянул стержень. Он представлял собой свернутую трубкой тончайшую металлическую пластинку, испещренную непонятными знаками: точками, черточками, кружками.

— Знаешь, что это такое? — спросил Полевой.

— Шифр, — неуверенно проговорил Миша и вопросительно посмотрел на Полевого.

— Правильно, — подтвердил Полевой, — шифр. Только ключ от этого шифра в ножнах, а ножны у Никитского. Понял теперь, почему ему кортик нужен?

Миша утвердительно кивнул головой.

Полевой вставил на место пластинку, завинтил рукоятку и сказал:

— Человека из-за этого кортика убили — значит, и тайна в нем какая-то есть. Имел я думку ту тайну открыть, да время не то… — Он вздохнул. — И таскать его за собой больше нельзя.

Никто судьбы своей не знает, тем более — война… Так вот, бери… — Он протянул Мише кортик. — Бери, — повторил Полевой. — Вернусь с фронта, займусь этим кортиком, а не вернусь… — Он поднял голову, лукаво подмигнул Мише: — Не вернусь — значит, вот память обо мне останется.

Миша взял кортик.

— Что же ты молчишь? — спросил Полевой. — Может быть, боишься?

— Нет, — ответил Миша, — чего мне бояться?

— Главное, — сказал Полевой, — не болтай зря. Особенно, — он посмотрел на Мишу, — одного человека берегись.

— Никитского?

— Никитский на тебя и не подумает. Да и где увидишь ты его! Есть еще один человек. Не нашел я его здесь. Но он тоже ревский. Может, какой случай вас и столкнет… так что его и остерегайся.

— Кто же это?

Полевой снова посмотрел на Мишу:

— Вот этого человека остерегайся и виду не подавай. Фамилия его Филин.

— Филин… — задумчиво повторил Миша. — У нас во дворе тоже Филин живет.

— Как его имя, отчество?

— Не знаю. Я его сына знаю — Борьку. Его ребята

«Жилой» зовут.

Полевой засмеялся:

— Жила… А он из Ревска, этот самый Филин?

— Не знаю.

Полевой задумался:

— Ну да ведь Филиных много. В Ревске их почти половина города. А этот вряд ли в Москве. Должен он поглубже запрятаться. А все же остерегайся. Это ведь народ такой: одним духом в могилевскую губернию отправят. Понял?

— Понял, — тихо ответил Миша.

— Не робей, Михаил Григорьевич! — Полевой хлопнул его по плечу. — Ты уже взрослый, можно сказать. Снялся с якоря. Только помни…

Он встал. Миша тоже поднялся.

— Только помни, Мишка, — сказал Полевой, — жизнь как море. Для себя жить захочешь — будешь как одинокий рыбак в негодной лодчонке: к мелководью жаться, на один и тот же берег смотреть да затыкать пробоины рваными штанами. А будешь для народа жить — на большом корабле поплывешь, на широкий простор выйдешь. Никакие бури не страшны, весь мир перед тобой! Ты за товарищей, а товарищи за тебя. Понял? Вот и хорошо! — Он протянул Мише руку, еще раз улыбнулся и пошел по неровным

шпалам, высокий, сильный, в наброшенной на плечи серой солдатской шинели…

Перед отходом поезда состоялся митинг. На вокзале собралось много народу. Пришли жители города и рабочие депо. Девушки прогуливались по платформе, грызли семечки и пересмеивались с бойцами.

Митинг открыл Полевой. Он стоял на крыше штабного вагона, над щитом с эмблемой Интернационала. Полевой сказал, что над Советской Россией нависла угроза. Буржуазия всего мира ополчилась на молодую Советскую республику. Но рабоче-крестьянская власть одолеет всех врагов, и знамя Свободы водрузится над всем миром. Когда Полевой кончил говорить, все кричали «ура».

Затем выступил один боец. Он сказал, что у армии кругом нехватка, но она, армия, сильна своим несгибаемым духом, своей верой в правое дело. Ему тоже хлопали и кричали «ура». И Миша с Генкой, сидя на крыше штабного вагона, тоже бешено хлопали в ладоши и кричали «ура» громче всех.

Потом эшелон отошел от станции.

В широко открытых дверях теплушек сгрудились красноармейцы. Некоторые из них сидели,

свесив из вагона ноги в стоптанных ботинках и рваных обмотках, другие стояли за ними, и все они пели «Интернационал». Звуки его заполняли станцию, вырывались в широкую степь и неслись по необъятной земле.

Толпа, стоявшая на перроне, подхватила гимн. Миша выводил его своим звонким голосом. Сердце его вырывалось вместе с песней, по спине пробегала непонятная дрожь, к горлу подкатывал тесный комок, и в глазах показались непозволительные слезы. Поезд уходил и наконец скрылся, вильнув длинным, закругленным хвостом.

Вечер зажег на небе мерцающие огоньки, толпа расходилась, и перрон опустел.

Но Миша не уходил.

Он все глядел вслед ушедшему поезду, туда, где сверкающая путаница рельсов сливалась в одну узкую стальную полосу, прорезавшую горбатый, туманный горизонт. И перед глазами его стояли эшелон, красноармейцы, Полевой в серой солдатской шинели и мускулистый рабочий, разбивающий тяжелым молотом цепи, опутывающие земной шар.

Часть вторая
Двор на Арбате

Глава 15
Год спустя

Шум в коридоре разбудил Мишу. Он открыл один глаз и тут же зажмурил его. Короткий луч солнца пробрался из-за высоких соседних зданий и тысячью неугомонных пылинок клубился между окном и лежащим на полу ковриком. Вышитый на коврике полосатый тигр тоже жмурил глаза и дремал, уткнув голову в вытянутые лапы. Это был дряхлый тигр, потертый и безобидный.

Суживаясь, луч медленно двигался по комнате. С коврика он перебрался на край стола, заблестел на никеле маминой кровати, осветил швейную машину и вдруг исчез, как будто не был вовсе.

В комнате стемнело. Открытая форточка чуть вздрагивала, колеблемая струей прохладного воздуха. Снизу, с Арбата и со двора, доносились предостерегающие звонки трамваев, гудки автомобилей, веселые детские голоса, крики точильщиков, старьевщиков — разноголосые, ликующие звуки весенней улицы.

Миша дремал. Нужно заснуть. Нельзя же в первый день каникул вставать в обычное время.

Сегодня весь день гулять. Красота!

В комнату, с утюгом в руках, вошла мама. Она положила на стол сложенное вчетверо одеяло, поставила утюг на опрокинутую самоварную конфорку. Рядом, на стуле, белела груда выстиранного белья.

— Миша, вставай, — сказала мама. — Вставай, сынок. Мне гладить нужно.

Миша лежал не двигаясь. Почему мама всегда знает, спит он или нет? Ведь он лежит с закрытыми глазами…

— Вставай, не притворяйся… — Мама подошла к кровати.

Миша изо всех сил сдерживал душивший его смех. Мама засунула руку под одеяло. Миша поджал ноги под себя, но холодная мамина рука упорно преследовала его пятки. Миша не выдержал, расхохотался и вскочил с кровати.

Он быстро оделся и отправился умываться.

В сумраке запущенной кухни белел кафельный пол, выщербленный от колки дров. На серых стенах чернели длинные мутные потеки — следы лопнувшего зимой водопровода. Миша снял рубашку с твердым намерением вымыться до пояса. Он давно так решил: с первого же дня каникул начать холодные обтирания.

Поеживаясь, он открыл кран. Звонкая струя ударилась о раковину, острые брызги морозно кольнули Мишины плечи.

Да, холодновата еще водичка… Конечно, он твердо решил с первого же дня каникул начать холодные обтирания, но… ведь их распустили на каникулы на две недели раньше. Каникулы должны быть с первого июня, а теперь только пятнадцатое мая. Разве он виноват, что школу начали ремонтировать? Решено: он будет обтираться с первого июня. И Миша снова надел рубашку…

Причесываясь перед зеркалом, он начал рассматривать свое лицо…

Нехороший у него подбородок! Вот если бы нижняя челюсть выдавалась вперед, то он обладал бы большой силой воли. Это еще у Джека Лондона написано. А ему совершенно необходимо обладать сильной волей. Ведь факт, что он сегодня смалодушничал с обтиранием. И так каждый раз.

Начал вести дневник, тетрадь завел, разрисовал ее, а потом бросил — не хватило терпения. Решил делать утреннюю гимнастику, даже гантели купил, и тоже бросил — то в школу надо поскорей, то еще что-нибудь, а попросту гово-

ря, лень. И вообще, задумает что-нибудь такое и начинает откладывать: до понедельника, до первого числа, до нового учебного года… Нет! Это просто слабоволие и бесхарактерность. Безобразие! Пора, в конце концов, избавиться от этого!

Миша выпятил челюсть. Вот такой подбородок должен быть у человека с сильной волей. Нужно все время так держать зубы, и постепенно нижняя челюсть выпятится вперед…

На столе дымилась картошка. Рядом, на тарелке, лежали два ломтика черного хлеба — сегодняшний дневной паек.

Миша разделил свою порцию на три части — завтрак, обед, ужин — и взял один кусочек. Он был настолько мал, что Миша и не заметил, как съел его. Взять, что ли, второй? Поужинать можно и без хлеба… Нет! Нельзя! Если он съест сейчас хлеб, то вечером мама обязательно отдаст ему свою порцию и сама останется без хлеба…

Миша положил обратно хлеб и решительно выдвинул далеко вперед свою нижнюю челюсть. Но он в это время жевал горячую картошку и, выдвинув челюсть, больно прикусил себе язык.

Глава 16
Книжный шкаф

После завтрака Миша собрался уйти, но мама остановила его:

— Ты куда?

— Пойду пройдусь.

— На двор?

— Да… и на двор зайду.

— А книги кто уберет?

— Но, мама, мне сейчас абсолютно некогда.

— Значит, я должна за тобой убирать?

— Ладно, — пробурчал Миша. — Ты всегда так: пристанешь, когда у меня каждая минута рассчитана!

В шкафу Мишина полка вторая снизу. Вообще шкаф книжный, но он используется и под белье, и под посуду. Другого шкафа у них нет.

Миша вытащил книги, подмел полку сапожной щеткой, покрыл газетой «Экономическая жизнь». Затем уселся на полу и, разбирая книги, начал их в порядке устанавливать.

Первыми он поставил два тома энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Это самые ценные книги.

Если иметь все восемьдесят два тома, то и в школу ходить не надо: выучил весь словарь, вот и получил высшее образование.

За Брокгаузом становятся: «Мир приключений» в двух томах, собрание сочинений Н. В. Гоголя в одном томе, Толстой — «Детство, отрочество и юность», Марк Твен — «Приключения Тома Сойера».

А это что? Гм! Чарская... «Княжна Джаваха»... Ерунда! Слезливая девчоночья книга. Только переплет красивый. Нужно выменять ее у Славки на другую. Славка любит книги в красивых переплетах.

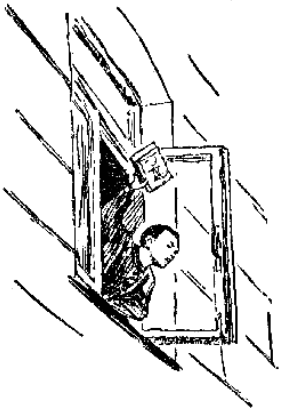
С книгой в руке Миша влез на подоконник и открыл окно. Шум и грохот улицы ворвались в комнату. Во все стороны расползалась громада разноэтажных зданий. Решетчатые железные балконы казались прилепленными к ним, как и тонкие пожарные лестницы. Москва-река текла извилистой голубой лентой, перехваченной черными кольцами мостов. Золотой купол храма Спасителя сиял тысячью солнц, и за ним Кремль устремлял к небу острые верхушки своих башен.

Миша высунулся из окна, повернул голову ко второму корпусу и крикнул:

— Славка-а-а!..

В окне третьего этажа появился Слава — болезненный мальчик с бледным лицом и тонкими, длинными пальцами. Его дразнили «буржуем». Дразнили за то, что он носил бант, играл на рояле и никогда не дрался. Его мать была известной певицей, а отец — главным инженером фабрики имени Свердлова, той самой фабрики, где работали Мишина мама, Генкина тетка и многие жильцы этого дома. Фабрика долго не работала, а теперь готовится к пуску.

— Славка, — крикнул Миша, — давай меняться! — Он потряс книгой. — Шикарная вещь! «Княжна Джаваха». Зачитаешься!



— Нет! — крикнул Слава. — У меня есть эта книга.

— Неважно. Смотри, какая обложечка! А? Ты мне дай «Овода».

— Нет!

— Ну и не надо! Потом сам попросишь, но уже

не получишь…

— Ты когда во двор придешь? — спросил Слава.

— Скоро.

— Приходи к Генке, я у него буду.

— Ладно.

Миша слез с окна, поставил книгу на полку. Пусть постоит. Осенью в школе он ее обменяет.

Вот это книжечки! «Кожаный чулок», «Всадник без головы», «Восемьдесят тысяч верст под водой», «В дебрях Африки», «Остров сокровищ»… Ковбои, прерии, индейцы, скальпы, мустанги…

Так. Теперь учебники: Киселев, Рыбкин, Краевич, Шапошников и Вальцев, Глезер и Петцольд… В прошлом году их редко приходилось открывать. В школе не было дров, в замерзших пальцах не держался мел. Ребята ходили туда из-за пустых, но горячих даровых щей. Это была суровая и голодная зима тысяча девятьсот двадцать первого года.

Миша уложил тетради, альбом с марками, циркуль с погнутой иглой, треугольник со стертыми делениями, транспортир.

Потом, покосившись на мать, пощупал свой тайный сверток, спрятанный за связкой старых приложений к журналу «Нива».

Кортик на месте. Миша чувствовал сквозь тряп-

ку твердую сталь его клинка.

Где теперь Полевой? Он прислал одно письмо, и больше от него ничего не было. Но он приедет, обязательно приедет. Война, правда, кончена, но не совсем. Только весной выгнали белофиннов из Карелии. На Дальнем Востоке наши дерутся с японцами. И вообще, Антанта готовит новую войну. По всему видно.

Вот Никитский, наверно, убит. Или удрал за границу, как другие белые офицеры. Ножны остались у него, и тайна кортика никогда не откроется.

Миша задумался. Кто все-таки этот Филин, завскладом, Борькин отец? Не тот ли это Филин, о котором говорил ему Полевой? Он, кажется, из Ревска… кажется… Миша несколько раз спрашивал об этом маму, но мама точно не знает, а вот Агриппина Тихоновна, Генкина тетка, как будто знает.

Когда Миша как бы невзначай спросил ее о Филине, она плюнула и сердито загудела: «Не знаю и знать не хочу… Дрянной человек… Вся их порода такая…» Больше ничего Агриппина Тихоновна не сказала, но раз она упомянула про «породу» — значит, она что-то знает… Да разве у нее что-нибудь добьешься! Она самая строгая

женщина в доме. Высокая такая, полная. Все ее боятся, даже управдом. Он льстиво называет ее «наша обширнейшая Агриппина Тихоновна». К тому же «делегатка» — самая главная женщина на фабрике. Один только Генка ее не боится: чуть что, начинает собираться обратно в Ревск. Ну, Агриппина Тихоновна, конечно, на попятную.

…Да, как же узнать про Филина? И как это он тогда не догадался спросить у Полевого его имя, отчество!..

Миша вздохнул, тщательно запрятал кортик за журналы, закрыл шкаф и отправился к Генке.

Глава 17
Генка

Генка и Слава играли в шахматы. Доска с фигурами лежала на стуле. Слава стоял. Генка сидел на краю широкой кровати, покрытой стеганым одеялом, с высокой пирамидой подушек, доходившей своей верхушкой до маленькой иконки, висевшей под самым потолком.

Агриппина Тихоновна, Генкина тетка, раскатывала на столе тесто. Она, видимо, была чем-то недовольна и сурово посмотрела на вошедшего в комнату Мишу.

— Где ты пропадал? — крикнул Генка. — Гляди, я сейчас сделаю Славке мат в три хода… Сейчас я его: айн, цвай, драй…

— «Цвай, драй»! — загудела вдруг Агриппина Тихоновна. — Слезай с кровати! Нашел место!

Генка сделал легкое движение, показывающее, что он слезает с кровати.

— Не ерзай, а слезай! Я кому говорю?

Агриппина Тихоновна начала яростно раскатывать тесто, потом снова загудела:

— Стыд и срам! Взрослый парень, а туда же —

капусту изрезал, весь вилок испортил! Отвечай: зачем изрезал?

— Отвечаю: кочерыжку доставал. Она вам все равно ни к чему.

— Так не мог ты, дурная твоя голова, осторожно резать? Вилок-то я на голубцы приготовила, а ты весь лист испортил.

— Голубцы, тетя, — лениво ответил Генка, обдумывая ход, — голубцы, тетя, это мещанский предрассудок. Мы не какие-нибудь нэпманы, чтобы голубцы есть. И потом, какие же это голубцы с пшенной кашей? Были бы хоть с мясом.

— Ты меня еще учить будешь!

— Честное слово, тетя, я вам удивляюсь, — продолжал разглагольствовать Генка, не отрывая глаз от шахмат. — Вы, можно сказать, такой видный человек, а волнуетесь из-за какой-то несчастной кочерыжки, здоровье свое расстраиваете.

— Не тебе о моем здоровье беспокоиться, — проворчала Агриппина Тихоновна, разрезая тесто на лапшу. — Довольно, молчи! Молчи, а то вот этой скалки отведаешь.

— Я молчу. А скалкой не грозитесь, все равно не ударите.

— Это почему? — Агриппина Тихоновна угро-

жающе выпрямилась во весь свой могучий рост.

— Не ударите.

— Почему не ударю, спрашиваю я тебя?

— Почему? — Генка поднял пешку и задумчиво держал ее в руке. — Потому что вы меня любите, тетенька, любите и уважаете…

— Дурень, ну, право, дурень! — засмеялась Агриппина Тихоновна. — Ну почему ты такой дурень?

— Мат! — объявил вдруг Слава.

— Где? Где? Где мат? — заволновался Генка. — Правда… Вот видите, тетя, — добавил он плачущим голосом, — из-за ваших голубцов верную партию проиграл!

— Невелика беда! — сказала Агриппина Тихоновна и вышла в кухню.

— Что ты, Генка, все время с теткой ссоришься? — сказал Слава. — Как тебе не стыдно!

— Я? Ссорюсь? Что ты! Это разве ссора? У нее такая манера разговаривать — и всё. — Генка снова начал расставлять фигуры на доске. — Давай сыграем, Миша.

— Нет, — сказал Миша, — пошли во двор… Чего дома сидеть!

Генка сложил шахматы, закрыл доску, и мальчики побежали во двор.

Глава 18
Борька-жила

Уже май, но снег на заднем дворе еще не сошел.

Наваленные за зиму сугробы осели, почернели, сжались, но, защищенные восемью этажами тесно стоящих зданий, не сдавались солнцу, которое изредка вползало во двор и дремало на узкой полоске асфальта, на белых квадратах «классов», где прыгали девочки.

Потом солнце поднималось, лениво карабкалось по стене все выше и выше, пока не скрывалось за домами, и только вспученные расщелины асфальта еще долго выдыхали из земли теплый волнующий запах.

Мальчики играли царскими медяками в пристеночек. Генка изо всех сил расставлял пальцы, чтобы дотянуться от своей монеты до Мишкиной.

— Нет, не достанешь, — говорил Миша, — не достанешь… Бей, Жила, твоя очередь.

— Мы вдарим, — бормотал Борька, прицеливаясь на Славину монету, — мы вдарим…

Есть! — Его широкий сплюснутый пятак покрыл Славин. — Гони копейку, буржуй!

Слава покраснел:

— Я уже всё проиграл. За мной будет.

— Что же ты в игру лезешь? — закричал Борька. — Здесь в долг не играют. Давай деньги!

— Я ведь сказал тебе — нету. Отыграю и отдам.

— Ах так?! — Борька схватил Славин пятак. — Отдашь долг — тогда получишь обратно.

— Какое ты имеешь право? — Славин голос дрожал от волнения, на бледных щеках выступил румянец. — Какое ты имеешь право это делать?

— Значит, имею, — бормотал Борька, пряча пятак в карман. — Будешь знать в другой раз.

Миша протянул Борьке копейку:

— На, отдай ему биту… А ты, Славка, не имеешь денег — так не играй.

— Не возьму, — мотнул головой Борька, — чужие не возьму. Пусть он сам отдает.

— Зажилить хочешь?

— Может, хочу…

— Не выйдет. Отдай Славке биту!

— А тебе чего? — ощерился Борька. — Ты здесь что за хозяин?

— Не отдашь? — Миша вплотную придвинулся к Борьке.

— Дай ему, Мишка! — крикнул Генка и тоже подступил к Борьке.

Но Миша отстранил его:

— Постой, Генка, я сам… Ну, последний раз спрашиваю: отдашь?

Борька отступил на шаг, отвел глаза. Брошенный им пятак зазвенел на камнях.

— На, пусть подавится! Подумаешь, какой заступник нашелся…

Он отошел в сторону, бросая на Мишу злобные взгляды.

Игра расстроилась. Мальчики сидели возле стены на теплом асфальте и грелись на солнце.

В верхушках чахлых деревьев путался звон колоколов, доносившийся из церкви Николы на Плотниках. На протянутых от дерева к дереву веревках трепетало развешанное для сушки белье; деревянные прищепки вздрагивали, наклоняясь то в одну, то в другую сторону. Какая-то бесстрашная женщина стояла на подоконнике в пятом этаже и, держась рукой за раму, мыла окно.

Миша сидел на сложенных во дворе ржавых батареях парового отопления и насмешливо посматривал на Борьку. Сорвалось! Не удалось прикарманить чужие деньги. Недаром его Жилой зовут! Торгует на Смоленском папиросами

врассыпную и ирисками, которые для блеска облизывает языком. И отец его, Филин, завскладом, — такой же спекулянт…

А Борька как ни в чем не бывало рассказывал ребятам о попрыгунчиках.

— Закутается такой попрыгунчик в простыню, — шмыгая носом, говорил Борька, — во рту электрическая лампочка, на ногах пружины. Прыгнет с улицы прямо в пятый этаж и грабит всех подряд. И через дома прыгает. Только милиция к нему, а он скок — и уже на другой улице.

— А ну тебя! — Миша пренебрежительно махнул рукой. — Болтун ты, и больше ничего. «Попрыгунчики»… — передразнил он Борьку. — Ты еще про подвал расскажи, про мертвецов своих.

— А что, — сказал Борька, — в подвале мертвецы живут. Там раньше кладбище было. Они кричат и стонут по ночам, аж страшно.

— Ничего нет в твоем подвале, — возразил Миша. — Ты все это своей бабушке расскажи. А то «кладбище», «мертвецы»…

— Нет, есть кладбище, — настаивал Борька. — Там и подземный ход есть под всю Москву. Его Иван Грозный построил.

Все рассмеялись. Миша сказал:

— Иван Грозный жил четыреста лет назад, а

наш дом всего десять лет как построен. Уж врал бы, да не завирался.

— Я вру? — Борька ехидно улыбнулся. — Пойдем со мной в подвал. Я тебе и мертвецов, и подземный ход — всё покажу.

— Не ходи, Мишка, — сказал Генка, — он тебя заведет, а потом будет разыгрывать.

Это была обычная Борькина проделка. Он один из всех ребят знал вдоль и поперек подвал — громадное мрачное помещение под домом. Он заводил туда кого-нибудь из мальчиков и вдруг замолкал. В темноте, не имея никакой ориентировки, спутник тщетно взывал к нему. Борька не откликался. И, только помучив свою жертву и выговорив себе какую-нибудь мзду, Борька выводил его из подвала.

— Дураков нет, — продолжал Генка, уже попадавшийся на эту удочку. — Ползай сам по своему подвалу.

— Как хотите, — с деланным равнодушием произнес Борька. — Испугались — так и не надо.

Миша вспыхнул:

— Это ты про кого?

— Про того, кто в подвал боится идти.

— Ах так... — Миша встал. — Пошли!

Они вышли на первый двор, спустились в подвал и осторожно пошли по нему, касаясь руками скользких стен. Борька — впереди, Миша — за ним. Под их ногами осыпалась земля и звенел по временам кусочек жести или стекла.

Миша отлично понимал, что Борька хочет его разыграть. Ладно, посмотрим, кто кого разыг-

рает…

Они двигались в совершенной темноте, и вот, когда они уже далеко углубились внутрь подвала, Борька вдруг затих.

«Так, начинается», — подумал Миша и, стараясь говорить возможно спокойней, спросил:

— Ну, скоро твои мертвецы покажутся?

Голос его глухо отдавался в подземелье и, дробясь, затихал где-то в дальних, невидимых углах.

Борька не отвечал, хотя его присутствие чувствовалось где-то совсем близко. Миша тоже больше не окликал его.

Так прошло несколько томительных минут. Оба мальчика затаили дыхание. Каждый ждал, кто первый подаст голос. Потом Миша тихонько повернулся и пошел назад, нащупывая руками повороты. Ничего, он сам найдет дорогу, а как выберется отсюда, закроет дверь и продержит здесь Борьку с полчасика. Вперед ему наука будет…

Миша тихонько шел. Позади себя он слышал шорох: Борька осторожно крался за ним. Ага, не выдержал! Не захотел один оставаться.

Миша продолжал двигаться по подвалу. Нет! Не туда он идет! Проход должен расширяться, а он, наоборот, сужается. Но Миша все шел и шел. Как Борька видит в такой темноте? А вдруг Борька

оставит его здесь одного и он не найдет дороги? Жутковато все же.

Проход стал совсем узким. Мишино плечо коснулось противоположной стены. Он остановился. Окликнуть Борьку? Нет, ни за что… Он поднял руку и нащупал холодную железную трубу. Где-то журчала вода. Вдруг сильный шорох раздался над его головой. Ему показалось, что какая-то огромная жаба бросилась на него. Он метнулся вперед, ноги его провалились в пустоту, и он полетел куда-то вниз…

Когда прошел первый испуг, он поднялся. Падение не причинило ему вреда. Здесь светлей. Смутно видны серые неровные стены. Это узкий проход, расположенный перпендикулярно к тому, по которому шел Миша, приблизительно на пол-аршина ниже его.

— Мишка-а! — послышался голос. В верхнем коридоре зачернела Борькина фигура. — Миша! Ты где?

Миша не откликался. Ага! Заговорил! Пусть поищет.

Миша прижался к стене и молчал.

— Миша, Миша, ты где? — беспокойно бормотал Борька, высунув голову и осматривая проход. — Что же ты молчишь? Мишк…

— Где твой подземный ход? — насмешливо спросил Миша. — Где мертвецы? Показывай!

— Это и есть подземный ход, — зашептал Борька, — только туда нельзя ходить. Там самые гробы с мертвецами стоят.

— Боюсь я твоих мертвецов! — Миша двинулся по проходу.

Но Борька схватил его за плечо.

— Смотри, Мишка, — волнуясь, зашептал он, — говорю тебе, идем назад, а то хуже будет…

— Что ты меня пугаешь?

— А ты не ходи. Мы без фонаря все равно ничего не найдем. Я завтра фонарь достану, тогда пойдем.

— Не обманешь? Знаю я тебя!

— Ей-богу! Чтоб мне провалиться на этом месте! А не пойдешь назад, смотри: уйду и не вернусь. Пропадай здесь.

— Испугался я очень, — презрительно ответил Миша, но пополз вслед за Борькой обратно.

Они вышли из подвала. Ослепительное солнце ударило им в глаза.

— Так смотри, — сказал Миша, — завтра утром.

— Всё, — ответил Борька, — договорились.

Глава 19
Шурка Большой

На заднем дворе появился Шура Огуреев, или, как его называли ребята, Шурка Большой, самый высокий во дворе мальчик. Он считался великим артистом и состоял членом драмкружка клуба. Клуб этот находился в подвальном помещении первого корпуса и принадлежал домкому. Ребят туда не пускали, кроме Шурки Большого, который по этому поводу очень важничал.

— А, Столбу Верстовичу! — приветствовал его Миша.

Шура бросил на него полный достоинства взгляд:

— Что это у тебя за ребяческие выходки! Я думал, что ты уже вышел из детского возраста.

— Ишь ты, какой серьезный! — сказал Генка. — Где это тебя так выучили? В клубе, что ли?

— Хотя бы в клубе. — Шура сделал многозначительную паузу. — Вам-то хорошо известно, что в клуб пускают только взрослых.

— Подумаешь, какой взрослый нашелся! — сказал Миша. — Вырос, длинный как верста, вот тебя

и пускают в клуб.

— Я клубный актив, — важно ответил Шура, — а тебе если завидно, так и скажи.

— Нас в клуб не пускают потому, что мы неорганизованные, — сказал Слава, — а вот, говорят, на Красной Пресне есть отряд юных коммунистов, и они имеют свой клуб.

— Да, есть, — авторитетно подтвердил Шура, — только они называются по-другому, не помню как. Но это для маленьких, а взрослые вступают в комсомол.

Шура намекал на то, что он посещает комсомольскую ячейку фабрики и собирается вступить в комсомол.

— Здорово… — задумчиво произнес Миша. — У ребят — свой отряд!

— Это, наверно, скауты, — сказал Генка. — Ты, Славка, что-нибудь путаешь.

— Нет, я не путаю. Скауты носят синие галстуки, а эти — красные.

— Красные? — переспросил Миша. — Ну, если красные, значит, они за советскую власть. И потом, ведь на Красной Пресне — какие там могут быть скауты! Самый пролетарский район.

— Да, — подтвердил Шура, — они за советскую власть.

— И у них есть свой клуб?

— А как же, — сказал Шура и неуверенно добавил: — У них у каждого есть членский билет.

— Здорово!.. — снова протянул Миша. — Как же я об этом ничего не слыхал? Ты это, Славка, откуда все знаешь?

— Мальчик один в музыкальной школе рассказывал.

— Почему же ты точно все не узнал? Как они называются, где их клуб, кого принимают…

— «Принимают»! — засмеялся Шура. — Думаете, так просто: взял и поступил. Так тебя и приняли!

— Почему же не примут?

— Не так-то просто! — Шура многозначительно покачал головой. — Сначала нужно проявить себя.

— Как это — проявить?

— Ну… вообще, — Шура сделал неопределенный жест, — показать себя… Ну вот как некоторые: работают в клубе, ходят на комсомольские собрания…

— Ладно, Шурка, — перебил его Миша, — не надо уж слишком задаваться! Ты много задаешься, а пользы от тебя никакой.

— То есть как?

— Очень просто. Ты ведь собираешься в комсомол поступить. Ну вот. Комсомольцы на фронте воевали. Теперь на заводах, на фабриках работают. А ты что? Стоишь за кулисами, толпу изображаешь… Ты вот что скажи: хочешь быть режиссером?

— Как это — режиссером? У нас режиссер товарищ Митя Сахаров.

— Он режиссер взрослого драмкружка, а мы организуем детский, тогда всех ребят будут пускать в клуб. Поставим пьесу. Сбор — в пользу голодающих Поволжья. Вот и проявим себя.

— Правильно! — сказал Слава. — Можно еще и музыкальный кружок, потом хоровой, рисовальный.

— Не позволят… — Шура с сомнением покачал головой, но по глазам его было видно, что ему очень хочется быть режиссером.

— Позволят, — настаивал Миша. — Пойдем к товарищу Мите Сахарову. Так, мол, и так: хотим организовать свой драмкружок. Разве он может нам запретить?

— А он вас в шею! — крикнул Борька, собиравший на помойке бутылки.

— Не твое дело! — Генка погрозил ему кулаком. — Торгуй своими ирисками.

— Конечно, — продолжал размышлять Шура, — это неплохо… Но по характеру своего дарования я исполнитель, а не режиссер…

— Ну и прекрасно, — сказал Миша, — раз ты исполнитель, так и будешь исполнять режиссера. Чего тут думать!

— Хорошо, — согласился наконец Шура. — Только уговор: слушаться меня во всем. В искусстве самое главное — дисциплина. Ты, Генка, будешь простаком. Ты, Славка, — героем, ну и, конечно, музыкальное оформление. Мишу предлагаю администратором. — Шурка покровительственно посмотрел на остальных ребят. — Инженю и прочие амплуа я распределю потом, после испытаний.

Глава 20
Клуб

Клуб состоял из одного только зрительного зала и сцены. Когда не было спектакля или собрания жильцов, скамейки сдвигались к одной стороне и в разных углах клуба работали кружки.

Домашние хозяйки и домработницы учились в ликбезе. На сцене происходили репетиции драмкружка. В середине зала бильярдисты катали шары, задевая киями музыкантов струнного оркестра. Надо всем этим господствовал заведующий клубом и режиссер товарищ Митя Сахаров. Это был вечно озабоченный молодой человек в длинной порыжевшей бархатной толстовке с лоснящимся черным бантом и в узких брюках «дудочкой». У него длинный, тонкий нос и острый кадык, готовый вот-вот разрезать изнутри Митино горло. Растопыренной ладонью Митя ежеминутно откидывал назад падающие на лицо длинные, прямые, неопределенного цвета волосы.

Шура подтолкнул вперед Мишу:

— Говори. Ведь ты администратор. — А сам ото-

шел в сторону с таким видом, будто он совсем ни при чем и сам смеется над этой ребячьей затеей.

— М-да… — процедил Митя Сахаров, выслушав Мишину просьбу. — М-да… У меня не театральное училище, а культурное учреждение. М-да… Культурное учреждение в тисках домкома… — И он ушел на сцену, откуда вскоре послышался его плачущий голос: — Товарищ Парашина, вникайте в образ, в образ вникайте…

Миша подошел к ребятам:

— Ничего не вышло. Отказал. У него не театральное училище, а культурное учреждение в тисках домкома.

— Вот видите, — сказал Шура, — я так и знал!

— Ты всегда «так и знал»! — рассердился Миша.

Мальчики стояли задумавшись. Гулко стучали шары на бильярде. Струнный оркестр разучивал «Турецкий марш» Моцарта. А со стены, с плаката, изможденный старик протягивал костлявую руку: «Помоги голодающим Поволжья!» Глаза его горели лихорадочным огнем, и с какой стороны ни подойти к плакату, глаза неотступно следовали за тобой, как будто старик поворачивал голову.

— Есть еще выход, — сказал Миша.

— Какой?

— Пойти к товарищу Журбину.

— Ну-у, — махнул рукой Шура, — станет он заниматься нашим кружком, член Моссовета… Я не пойду к нему… Еще на Ведьму нарвешься.

— А я пойду, — сказал Миша. — В конце концов, это не собственный клуб Мити Сахарова… Айда, Генка!

По широкой лестнице они поднялись на четвертый этаж, где жил Журбин. Миша позвонил. Генка в это время стоял на лестнице. Он отчаянно трусил и, когда послышался шум за дверью, бросился бежать, прыгая через три ступеньки. Дверь открыла соседка Журбина, высокая, тощая женщина с сердитым лицом и длинными, выпирающими зубами. За злой характер ребята называли ее Ведьмой.

— Тебе чего? — спросила она.

— Мне нужен товарищ Журбин.

— Зачем?

— По делу.

— Какое еще дело! Шляются тут… — пробормотала она и захлопнула дверь, едва не прищемив Мише нос.

— Ведьма! — закричал Миша и бросился вниз по лестнице.

Он почти скатился по ней и вдруг уткнулся в кого-то. Миша поднял голову. Перед ним стоял товарищ Журбин.

— Что такое? Ты чего безобразничаешь? — строго спросил Журбин.

Миша стоял, опустив голову.

— Ну? — допрашивал его Журбин. — Ты что, глухой?

— Н-нет…

— Что же ты не отвечаешь? Смотри, больше не безобразничай. — Тяжело ступая, Журбин медленно пошел вверх по лестнице.

Миша побрел вниз. Как нехорошо получилось! Он слышал над собой тяжелые шаги Журбина. Потом шаги затихли, раздался скрежет ключа в замке, шум открываемой двери. Миша остановился, обернулся и, крикнув: «Товарищ Журбин, одну минуточку!» — побежал вверх.

Журбин стоял у открытой двери. Он вопросительно посмотрел на Мишу:

— Что скажешь?

— Товарищ Журбин, — запыхавшись, проговорил Миша, — мы хотим драмкружок организовать… вот… а товарищ Митя Сахаров нам не разрешает.

— Кто это «мы»?

— Мы все, ребята со двора.

Журбин продолжал строго смотреть на Мишу. Потом легкая усмешка тронула его усы и в глазах появилась улыбка. Он ничего не отвечал. Он стоял и улыбался, глядя на голубые Мишины глаза, черные спутанные волосы, острые поцарапанные локти. И почему улыбался и о чем думал этот пожилой, грузный человек с орденом Красного Знамени на груди, Миша не знал.

— Ну что ж, зайдем, потолкуем, — произнес наконец Журбин, входя в квартиру.

Миша вошел вслед за ним. Соседка сердито посмотрела на Мишу, но ничего не сказала.

Глава 21
Акробаты

Через полчаса Миша вышел от Журбина и побежал во двор. Большая толпа народа смотрела там представление бродячей труппы. Нагнувшись и протискиваясь в толпе зрителей, Миша пробрался вперед.

Выступали акробаты, мальчик и девочка, одетые в синее трико с красными кушаками. Они делали упражнения на коврике, и бритый мужчина, тоже в синем трико, кричал им: «Алле!»

Здорово они перегибаются! Особенно девочка, тоненькая, стройная, с синими глазами под загнутыми вверх ресницами. Она грациозно раскланивалась и затем, небрежно тряхнув длинными льняными волосами и как бы стряхнув с лица привычную улыбку, разбегалась и делала сальто.

В стороне стоял маленький ослик, запряженный в тележку на двух велосипедных колесах. На тележке под углом было закреплено два фанерных щита, и на них яркими буквами было написано:

2 БУШ 2

АКРОБАТИЧЕСКИЙ АТТРАКЦИОН

2 БУШ 2

Ослик стоял смирно, только косился на публику большими глазами и смешно двигал длинными ушами.

Представление кончилось. Бритый мужчина объявил, что они не нищие, а артисты. Только «обстоятельства времени» заставляют их ходить по дворам. Он просит уважаемую публику отблагодарить за полученное удовольствие — кто сколько может.

Девочка и мальчик с алюминиевыми тарелками обходили публику. Из окон им бросали монеты, завернутые в бумажки. Ребята подбирали их и передавали акробатам. Миша тоже подобрал бумажку с монетой и ждал, когда к нему подойдет девочка.

Она подошла и остановилась перед ним, улыбаясь и глядя широко открытыми синими глазами. Миша растерялся и стоял не двигаясь.

— Ну? — Девочка легонько толкнула его тарел-

кой в грудь.

Миша спохватился и бросил бумажку в тарелку. Девочка пошла дальше и, оглянувшись на Мишу, засмеялась. И потом, когда окруженные толпой акробаты пошли со двора, девочка в воротах опять оглянулась и снова рассмеялась. Кто-то ударил Мишу по спине. Он обернулся. Возле него стояли Шура, Генка и Слава.

— Что тебе сказал Журбин? — спросил Шура.

— Вот, читайте! — Миша разжал кулак и развернул листок.

Что такое? В измятой бумажке с косыми линейками и в масляных пятнах лежал гривенник. Так и есть! Он по ошибке отдал девочке записку Журбина.

— Он тебе всего-навсего гривенник дал, — насмешливо протянул Шура.

Миша выскочил из ворот и помчался в соседний двор. Акробаты уже заканчивали представление. Когда девочка начала обходить публику, Миша подошел к ней, положил в тарелку гривенник и смущенно пробормотал:

— Девочка, я тебе по ошибке дал не ту бумажку. Верни мне ее, пожалуйста. Это очень важная записка.

Девочка рассмеялась:

— Какая записка? Какой ты смешной… А почему у тебя шрам на лбу?

— Это тебя не касается, — сухо ответил Миша. — Это мне белогвардейцы сделали. Верни мне записку.

Девочка погрозила пальцем:

— Ты, наверно, драчун. Не люблю драчунов.

— Меня это не касается, — мрачно произнес Миша. — Отдай мне записку.

— Вот смешной! — Девочка пожала плечами. — Не видала я твоей записки. Может быть, она у Буша… Подожди немного.

Она закончила обход зрителей и, передавая деньги бритому, что-то сказала ему. Он раздраженно отмахнулся, но девочка настаивала, даже топнула ногой в атласной туфельке. Тогда бритый опустил руку в парусиновый мешочек, хмурясь и бурча, долго копошился там и наконец вытащил сложенный вчетверо листок, тот самый, что дал Мише Журбин. Миша схватил его и побежал к себе во двор. Девочка смотрела ему вслед и смеялась. И Мише показалось, что ослик тоже мотнул головой и насмешливо оскалил длинные желтые зубы…

Глава 22
Кино «Арс»

Сталкиваясь головами, мальчики читали записку Журбина.

На белом бланке карандашом было написано:

«Товарищ Сахаров! Инициативу ребят надо поддержать. Работа с детьми – дело важное, для клуба особенно. Прошу вас обязательно помочь детям нашего дома в организации драмкружка.

Журбин».

— Все в порядке, — сказал Шура. — Я так и знал, что Журбин поможет. Завтра соберем организационное собрание, а пока всего хорошего... — Он многозначительно посмотрел на ребят. — Я тороплюсь на важное совещание...

— Ох, и строит же он из себя! — сказал Генка, когда Шура ушел. — Так его и ждут на важном совещании. Отлупить бы его как следует, чтобы не задавался!

Миша, Генка и Слава сидели на каменных ступеньках выходного подъезда кино «Арс». Вечер

погрузил все предметы в серую мглу, только в середине двора чернела чугунная крышка пожарного колодца. Бренчала гитара. Слышался громкий женский смех. Арбат шумел последними вечерними звуками, торопливыми и затихающими.

— Знаете, ребята, — сказал Генка, — в кино можно бесплатно ходить.

— Это мы знаем, — ответил Миша, — целый день рекламу таскать… Очень интересно!

— Вот если бы иметь такую тележку, как у акробатов! — Генка причмокнул губами. — Вот на ней бы рекламу возить… Это да!

— Правильно, — подхватил Миша, — а тебя вместо ослика…

— Его нельзя вместо ослика, — серьезно сказал Слава, — ослики рыжие не бывают…

— Смейтесь, смейтесь, — сказал Генка, — а вот Борька наймется рекламу таскать и будет бесплатно в кино ходить.

— Борька не наймется, — сказал Миша, — Борька теперь марками спекулирует. Интересно, где он марки достает?

— Я знаю где, — сказал Генка, — на Остоженке, у старика филателиста.

— Да? — удивился Миша. — Я там сколько раз

был, ни разу его не видел.

— И не увидишь. Он к нему со двора ходит, с черного хода.

— Странно! — продолжал удивляться Миша. — Что же, он таскает марки, что ли? Он ведь их по дешевке продает…

— Уж это я не знаю, — сказал Генка, — только ходит он туда. Я сам видел…

— Ну ладно, — сказал Миша. — Теперь вот что: знаете, про что мне Журбин рассказал?

— Откуда мы знаем, — пожал плечами Слава.

— Так слушайте. Он мне рассказал про этих самых ребят с Красной Пресни. Они называются «юные пионеры». Вот как они называются.

— А что они делают? — спросил Генка.

— Как — что? Это же детская коммунистическая организация. Понимаешь? Ком-мунистическая. Значит, они коммунисты… только… ну, ребята… У них знаешь как? У них все по-военному.

— И винтовки есть? — спросил Генка.

— А как же! Это знаешь какие ребята? Будь здоров!

Немного помолчав, Миша продолжал:

— Журбин так сказал: «Занимайтесь своим кружком, посещайте клуб, а там и пионерами станете».

— Так и сказал?

— Так и сказал.

— А где находится этот отряд? — спросил Слава.

— При типографии, в Краснопресненском районе. Видишь, я все точно узнал. Не то что ты.

— Хорошо б пойти посмотреть! — сказал Слава, пропуская мимо ушей Мишино замечание.

— Да, не мешает сходить, — согласился Миша. — Только надо адрес узнать, где эта самая типография находится.

Мальчики замолчали. Через открытые для притока воздуха выходные двери кино виднелись черные ряды зрителей, над которыми клубился светлый луч киноаппарата.

Мимо ребят прошла Алла Сергеевна, Славина мать, красивая, нарядная женщина. Увидев ее, Слава поднялся.

— Слава, — сказала она, натягивая на руки тонкие черные перчатки, — пора уже домой.

— Я скоро пойду.

— Не задерживайся. Даша даст тебе поужинать, и ложись спать.

Она ушла, оставив после себя запах тонких духов.

— Мама на концерт ушла, — сказал Слава. —

Знаете что, ребята? Пошли в кино! Ведь сегодня «Красные дьяволята», вторая серия.

— А деньги?

Слава замялся:

— Мне мама дала два рубля. Я хотел ноты купить…

Генка вскочил:

— Что же ты молчишь? Пошли в кино! Где ты сейчас ноты купишь? Все магазины уже закрыты.

— Но я могу завтра купить, — резонно ответил Слава.

— Завтра? Завтра будет видно. И вообще никогда ничего не надо откладывать на завтра. Раз можно сегодня идти в кино — значит, надо идти.

Мальчики купили билеты и вошли в кино.

От входа узкий коридор вел в тесное фойе. На стенах вперемешку с ветхими афишами и портретами знаменитых киноактеров висели старые плакаты. Красноармеец в буденовке устремлял на каждого указательный палец: «А ты не дезертир?» В «Окне РОСТА» под квадратами рисунков краснели строчки стихов Маяковского. Над буфетом с засохшими пирожными и ландрином висел плакат: «Все на борьбу с детской беспризорностью!»

Здесь была самая разнообразная публика: демобилизованные в кепках и военных шинелях, работницы в платочках, парни в косоворотках, пиджаках и брюках, «напущенных» на сапоги.

Раздался звонок. Публика заторопилась в зрительный зал, спеша занять лучшие места. Погас свет. Киноаппарат начал яростно стрекотать. Разнесся монотонный аккомпанемент разбитого рояля. Зрители теснились на узких скамейках, шептались, грызли подсолнухи, курили, пряча папиросы в рукав…

Картина кончилась. Ребята вышли на улицу, но мыслями они были там, с «красными дьяволятами», с их удивительными приключениями. Вот это настоящие комсомольцы! Эх, жалко, что он, Миша, был в Ревске еще маленьким! Теперь-то он знал бы, как разделаться с Никитским.

Вот и кончился первый день каникул. Пора домой. На улице совсем темно. Только освещенный вход «Арса» большим светляком дрожал на тротуаре. За железными сетками тускнели фотографии. Оборванные полотнища афиш бились о двери.

Глава 23
Драмкружок

Когда на следующий день Миша пришел во двор, он заметил дворника, дядю Василия, выходившего из подъезда черного хода с молотком и гвоздями в руках.

Миша зашел в подъезд и увидел, что проем, ведущий в подвал, заколочен толстыми досками. Вот так штука!

Он выбежал из подъезда. Дядя Василий поливал двор из толстой брезентовой кишки.

— Дядя Василий, дай я полью! — попросил Миша.

— Нечего, нечего! — Дворник, видимо, был не в духе. — Много вас тут, поливальщиков! Баловство одно.

Миша испытующе посмотрел на дворника и осторожно спросил:

— Что это ты, дядя Василий, плотничать начал?

Дядя Василий в сердцах тряхнул кишкой и обдал струей воды окна второго этажа.

— Филин, вишь, за свой склад беспокоится, а

ты заколачивай. Пристал, как репей. Из подвала к нему могут жулики залезть, а ты заколачивай. В складе-то, окромя железа, и нет ничего, а ты, обратно, заколачивай. Баловство одно!

Вот оно что! Филин велел забить ход в подвал. Тут что-то есть. Недаром Борька не пускал его вчера в подземный ход… Это все не зря!

Борька торговал у подъезда папиросами. Миша подошел к нему:

— Ну, пойдем в подвал?

Борька осклабился:

— Держи карман шире! Ход-то заколотили.

— Кто велел?

Борька шмыгнул носом:

— Кто? Известно кто: управдом велел.

— Почему он велел? — допытывался Миша.

— «Почему»… «Зачем»… — передразнил его Борька. — Чтобы мертвецы не убежали, вот зачем… — И, отбежав в сторону, крикнул: — И чтобы ослы вроде тебя по подвалу не шатались!..

Миша погнался за ним, но Борька юркнул в склад. Миша погрозил ему кулаком и отправился в клуб…

Записка Журбина подействовала. Митя Сахаров отвел ребятам место, но предупредил, что не даст им ни копейки.

— Основной принцип театрального искусства, — сказал он, — это самоокупаемость. Привыкайте работать без дотации… — И он наговорил еще много других непонятных слов.

Шурка Большой назначил испытания поступающим в драмкружок. Он заставлял их декламировать стихотворение Пушкина «Пророк». Все декламировали не так, как следовало, и Шура сам показывал, как это надо делать. При словах: «И вырвал грешный мой язык» — он делал зверскую физиономию и отчаянным жестом будто вырывал свой язык и выбрасывал его на лестницу. У него это здорово получалось! Маленький Вовка Баранов, по прозвищу Бяшка, потом все время глядел ему в рот, высматривая, есть там язык или уже нет.

После испытаний начали выбирать пьесу.

— «Иванов Павел», — предложил Слава.

— Надоело, надоело! — отмахнулся Шура. — Избитая, мещанская пьеса. — И он, гримасничая, продекламировал:

Царь персидский – грозный Кир
В бегстве свой порвал мундир…

Знаем мы этого Кира!.. Нет, не пойдет, — добавил он не допускающим возражений тоном.

После долгих споров остановились на пьесе в стихах под названием «Кулак и батрак»: о мальчике Ване — батраке кулака Пахома.

Шура будет играть кулака. Генка — мальчика Ваню, бабушку мальчика Вани — Зина Круглова, толстая смешливая девочка из первого подъезда.

Миша не принимал участия в испытаниях. Подперев подбородок кулаком, сидел он за шахматным столиком и все время думал о подвале.

Борька обманул его, нарочно обманул. Он сказал отцу, и Филин велел заколотить ход в подвал. Значит, есть какая-то связь между подвалом и складом, хотя склад находится в соседнем дворе.

Что же угрожает складу, где хранятся старые, негодные станки и части к ним? Эти части валяются во дворе без всякой охраны. Кому они нужны? Кто полезет туда, особенно через подвал, где нужно ползти на четвереньках?..

И потом, ведь Филин — может быть, это тот самый Филин, о котором говорил ему Полевой. Миша вспомнил узкое, точно сплюснутое с боков, лицо Филина и маленькие, щупающие глазки. Как-то раз, зимой, он приходил к ним. Он дал маме крошечный мешочек серой муки и взял за это папин костюм, темно-синий костюм с жилетом, почти не ношенный. Он все высматривал,

что бы ему еще выменять. Его маленькие глазки шарили по комнате. Когда мама сказала, что ей жалко отдавать костюм, потому что это последняя память о папе, Филин ей ответил: «Вы что же, эту память с маслом собираетесь кушать? Ну и кушайте на здоровье».

Мама тогда вздохнула и ничего ему не ответила… Нет! Нужно обязательно выяснить, в чем тут дело. Пусть Борька не думает, что так легко провел его.

Миша встал, внимательным взглядом обвел клуб. А нельзя ли попасть в подвал отсюда? Ведь клуб тоже находится в подвале, правда, под другим корпусом, но это неважно: как-то он должен соединяться с остальной частью здания.

Миша обошел клуб, тщательно исследовал его стены. Он оттягивал плакаты, диаграммы, залезал за шкафы, но ничего не находил. Он зашел за кулисы. Пол был завален всякой рухлядью. В полумраке виднелись прислоненные к стенам декорации: фанерные березки с черно-белыми стволами, избы с резными окошками, комнаты с часами и видом на реку.

Миша раздвигал эти декорации, пробираясь к стенке, как вдруг из-за кулис появился товарищ Митя Сахаров:

— Поляков! Что ты здесь делаешь?

— Гривенник затерялся, Дмитрий Иванович, никак найти не могу.

— Что за гривенник?

— Гривенник, понимаете, такой круглый гривенник, — бормотал Миша, но глаза его неотступно смотрели в одну точку. За щитом с помещичьим, в белых колоннах домом виднелась железная дверь. Миша смотрел на нее и бормотал: — Понимаете, такой серебряный двугривенный…

— М-да… Что за чепуха! То гривенник, то двугривенный… Ты что, с ума сошел?

— Да нет, — Миша все смотрел на дверь, — был у меня гривенник, а затерялся двугривенный. Что тут непонятного?

— Очень непонятно, — пожал плечами Митя Сахаров, — м-да, очень непонятно. Во всяком случае, ищи скорей свой гривенный-двугривенный и убирайся отсюда. — Растопыренной ладонью Митя Сахаров откинул назад волосы и удалился.

Глава 24
Подвал

Миша, Генка и Слава сидели на берегу Москвы-реки, возле вновь построенной у Дорогомиловского моста водной станции.

Слава лежал на спине и задумчиво смотрел на небо. Генка метал по водной глади камешки и считал, сколько раз они отскакивают. Миша убеждал друзей пойти с ним разыскивать подземный ход.

Вечерело. Хлопья редкого тумана, как плохо надутые серые мячи, скользили по реке, почти касаясь воды и тихонько отскакивая. На мосту грохотали трамваи, торопились далекие прохожие, пробегали маленькие автомобили.

— Вы подумайте, — говорил Миша, — мертвецы, гробы — это же басни. Станет Филин заботиться о мертвецах! Все это выдумано, чтобы отпугнуть нас от подвала. Нарочно выдумано. Там или подземный ход, или они что-то прячут.

— Не говори, Миша, — вздохнул Генка, — есть такие мертвецы, что никак не успокоятся. Залезешь в подвал, а они на тебя ка-ак навалятся…

— Мертвецов там, конечно, нет, — сказал Слава, — но… зачем нам все это нужно? Ну, прячет там что-нибудь Филин, он же известный спекулянт. Нам-то какое дело?

— А если это действительно подземный ход под всей Москвой, тогда что?

— Мы его все равно не найдем, — возразил Слава, — плана-то у нас нет.

— Ладно! — Миша встал. — Вы просто дрейфите. А еще в пионеры хотите! Зря я вам все рассказал. Ничего. Без вас обойдусь.

— Я не отказываюсь, — замотал головой Генка. — Разве я отказываюсь? Я только сказал о мертвецах. Уж и слова сказать нельзя… Это Славка отказывается, а я, пожалуйста, в любое время…

— Когда я отказывался? — Славка покраснел. — Я только сказал, что с планом было бы лучше. Разве это не так?

На ближайшую репетицию друзья явились в клуб раньше всех.

Репетиции детского кружка происходили от двух до четырех часов дня. Потом тетя Елизавета, уборщица, запирала клуб до пяти, когда уже собирались взрослые. Вот в этот промежуток времени, от четырех до пяти часов, нужно было

проникнуть в подвал.

Миша и Слава спрятались за кулисы. Генка стал поджидать остальных актеров. Вскоре они явились и начали репетировать. Сидя за кулисами, Миша и Слава слышали их голоса.

Шура-кулак уговаривал Генку-Ваню: «Ваня, тебя я крестил», на что Генка-Ваня высокомерно отвечал: «Я вас об этом совсем не просил». И они спорили о том, как в это время Генка должен стоять: лицом к публике и спиной к Шуре или, наоборот, лицом к Шуре, а спиной к публике. Вообще они больше спорили, чем репетировали. Шура кричал на всех и грозился бросить «всю эту канитель». Генка препирался с ним. Зина Круглова все время хохотала — такая уж она смешливая девочка.

Наконец репетиция кончилась. Генка незаметно присоединился к Мише и Славе, остальные ребята ушли; тетя Елизавета закрыла клуб. Мальчики остались одни перед массивной железной дверью, ведущей в подвал.

Припасенными клещами они вырвали гвоздь и потянули дверь. Заскрипев на ржавых петлях, она медленно отворилась.

Из подвала ребят обдало сырым, спертым воздухом. Миша зажег маленький электрический

фонарик, и они вступили в подземелье.

Фонарик светил едва-едва. Нужно было вплотную приблизить его к стене, чтобы увидеть ее серую неровную поверхность.

Подвал представлял собой ряд прямоугольных помещений, образованных фундаментом дома. Помещения были пусты, только в одном из них мальчики увидели два больших котла. Это была заброшенная котельная. На полу валялись обрезки труб, куски затвердевшей извести, кирпич, каменный уголь, ящики с засохшим цементным раствором.

Фонарик быстро слабел и наконец погас. Мальчики двигались в темноте, нащупывая руками повороты. Иногда им казалось, что они кружат на одном месте, но Миша упорно шел вперед, и Генка со Славой не отставали от него.

Блеснула полоска света. Вот и заколоченный вход. Свет пробивался сквозь щели между досками. За ними виднелась узкая лестница с высокими ступеньками и железными перилами.

Мальчики пошли дальше, по-прежнему держась правой стороны. Проход суживался. Миша ощупал потолок. Вот и железная труба. Он прислушался: над ним тихо журчала вода.

Миша присел на корточки, зажег спичку. Внизу тянулся узкий проход, тот самый, в который он упал, испугавшись внезапного шороха. Мальчики поползли по этому проходу. Когда он кончился, Миша поднялся и пошарил над собой рукой. Высоко! Он зажег спичку.

Они увидели большое квадратное помещение с низким потолком.

— Ребята, — прошептал Генка, — гробы…

Вдоль противоположной стены чернели очертания больших гробов.

Мальчики замерли. Спичка погасла. В темноте им послышались какие-то звуки, шорох, глухие, замогильные голоса. Ребята стояли, точно оцепенев. Вдруг над ними что-то заскрипело, блеснула, все расширяясь, полоса света, раздались шаги. Мальчики бросились в проход и спрятались там затаив дыхание.

На потолке открылся люк. Из него вынырнула лестница. По ней в подвал осторожно спустились два человека. Сверху им подавали ящики. Они устанавливали их рядом с уже сложенными в подвале ящиками, которые мальчики со страху приняли за гробы.

Затем в подвал спустился третий человек. Сходя с лестницы, он оступился и выругался. Миша

вздрогнул. Голос этот показался ему знакомым.

Этот человек был высокого роста. Он обошел помещение, осмотрел ящики, потом потянул носом воздух и спросил:

— Кто здесь спички жег?

Мальчики обмерли.

— Это вам показалось, Сергей Иванович, — ответил ему один из мужчин.

Ребята узнали голос Филина.

— Мне никогда ничего не кажется, запомните это, Филин. — Высокий подошел к проходу и стоял теперь совсем рядом с мальчиками. Но он стоял спиной к ним, и лица его не было видно. — Завалили проход? — спросил он.

— Так точно, — торопливо ответил Филин. — Дверь заколотили, а проход завалили.

И соврал: проход вовсе не был завален.

Потом все трое поднялись наверх и втащили за собой лестницу. Люк закрылся, погрузив помещение в темноту. Мальчики быстро поползли обратно, выбрались из подвала в клуб. Клуб уже был открыт. Они пробежали по нему и выскочили на улицу.

Глава 25
Подозрительные люди

Только что прошел короткий летний дождь. Блестели булыжники мостовой, стекла витрин, серые верха пролеток, черный шелк зонтиков. Вдоль тротуаров, стекая в решетчатые колодцы, бежали мутные ручьи. Девушки с туфлями в руках, громко хохоча, шлепали по лужам. Прошли сезонники с мешками в виде капюшонов на голове. Из оторванной водосточной трубы лила вода. Она ударялась в стену и рикошетом попадала на прохожих, в испуге отскакивавших в сторону. И над всем этим веселое солнце, играя, разгоняло мохнатые, неуклюжие тучи.

— Что же ты, Геннастый, страху напустил? — сказал Миша. — Всюду ему гробы мерещатся!

— А вы не испугались? — оправдывался Генка. — Сами испугались не знаю как, а на меня сваливают!

Он помолчал, потом сказал:

— Я знаю, что в ящиках.

— Что?

— Нитки. Вот что!

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Теперь все спекулянты нитками торгуют. Самый выгодный товар…

А Мише все слышался этот резкий, так странно знакомый голос. Кто это мог быть? Его зовут Сергеем Иванычем… Полевого тоже так звали, но ведь это не Полевой… Просто совпадение имен.

Мальчики стояли возле кино «Арс». Миша следил за воротами склада. Генка и Слава рассматривали висевшие за сеткой кадры картины «Голод… голод… голод». Это был фильм о голоде в Поволжье.

Мимо них прошел Юра Стоцкий, сын доктора «Ухо, горло и нос». Раньше Юра был скаутом. Теперь скаутских отрядов не существовало, Юра форму не носил, но его по-прежнему называли Юрка-скаут. Он шел с двумя товарищами и держал в руке скаутский посох.

Генка начал их задирать:

— Эй вы, скаутенки! — Он схватил Юрин посох. — Отдай палку!

Генка тянул посох к себе, Юра с товарищами — к себе. Генка был один против троих. Он оглянулся на друзей: что это они его не выручают? Но Миша коротко сказал:

— Брось, — и все продолжал смотреть в сторону

филинского склада.

Как это «брось»? Уступить скаутам? Этим буржуйским подлипалам? Они стоят за какого-то английского генерала. Сейчас он им покажет английского генерала! Отпихивая мальчиков ногами, Генка изо всех сил потянул посох к себе.

— Брось, я тебе говорю! — снова сказал Миша.

Генка отпустил посох и, тяжело дыша от напряжения, сказал:

— Ладно, я вам еще покажу.

— Покажи! — высокомерно усмехнулся Юра. — Испугались тебя очень…

Юра со своими товарищами ушел. Генка с удивлением смотрел на Мишу, но Миша не обращал внимания ни на Генку, ни на Юру. Из ворот склада вышел высокий, худощавый человек в сапогах и белой кавказской рубахе, подпоясанной черным ремешком с серебряным набором. В воротах он остановился и закурил. Он поднес к папиросе спичку, прикрывая ее от ветра ладонями. Ладони закрыли его лицо; из-за них внимательный взгляд скользнул по улице. Человек бросил спичку на тротуар и пошел по направлению к Арбатской площади. Миша пошел вслед за ним, но высокий, пересекая улицу, неожиданно вскочил на ходу в трамвай и уехал…

Охваченный смутной тревогой, бродил Миша по вечерним московским улицам.

Пламенеющий закат зажег золотые костры на куполах церквей. Летний вечер знойно дышал расплавленным асфальтом тротуаров и пылью булыжных мостовых. Беззаботные дети играли на зеленых бульварах. Старые женщины сидели на скамейках.

«Почему голос этого человека показался таким странно знакомым? — думал Миша. — Где я его слышал? Что прячет Филин в подвале? А может быть, тут ничего и нет. Просто склад в подвале. И что голос этот знакомый, только так, показалось… А вдруг… Нет, не может быть! Неужели это Никитский? Нет! Он не похож на него. Где шрам, чуб? Нет, это не Никитский. И зовут его Сергей Иваныч… Разве стал бы Никитский так свободно разгуливать по Москве?»

Миша миновал Воздвиженку и вышел на Моховую.

Вдоль университетской ограды расположили свои ларьки букинисты. Открытые книги лежали на каменном цоколе. Буквы чернели на пожелтевших листах, золотились на тисненых переплетах. Пожилые мужчины, худые, сутулые, в очках и помятых шляпах, стояли на тротуаре,

уткнув носы в страницы. Из университетских ворот выходили студенты, рабфаковцы в косоворотках, кожаных куртках, с обтрепанными портфелями.

На углу Большой Никитской дорогу Мише преградили колонны демонстрантов. Шли рабочие Красной Пресни.

Над колоннами двигались длинные, во всю ширину улицы, полотнища: «Смерть наемникам Антанты!», «Смерть агентам международного империализма!» Демонстранты шли к Дому союзов, где в Колонном зале происходил суд над правыми эсерами.

С Лубянской и Красной площадей шли новые колонны. Шли рабочие Сокольников, Замоскворечья, рабочие «Гужона», «Бромлея», «Михельсона»… Шумели комсомольцы. С импровизированных трибун выступали ораторы. Они говорили, что капиталисты Англии и Америки руками предателей-эсеров хотели задушить Советскую республику. Им не удалось этого сделать в открытом бою, интервенция провалилась, и теперь они организуют заговоры, засылают к нам шпионов и диверсантов…

А может быть, Никитский вовсе и не удрал за границу, думал Миша. Может быть, он скры-

вается где-нибудь и организует заговор так же, как и эти, которых судят… Ведь он белогвардеец, заклятый враг советской власти… А вдруг Филин — тот самый Филин, а высокий — Никитский? Он скрывается у Филина, загримировался, фамилию переменил… Может быть, в этом складе они прячут оружие для своей белогвардейской шайки… Ведь все это очень и очень подозрительно.

Конечно, Полевой предупреждал, чтобы он остерегался, продолжал думать Миша. Но это когда было… Тогда он был маленький… А теперь-то он, во всяком случае, во всем разбирается. Разве он имеет право ждать, пока приедет Полевой? А если там действительно заговор и оружие? Нет, больше ждать нельзя…

Миша очутился у самого входа в Дом союзов. Два красноармейца проверяли у входящих пропуска. Миша попытался прошмыгнуть в дверь, но крепкая рука ухватила его за плечо:

— Куда? Пропуск!

Миша отошел в сторону. Подумаешь, охрана! Стоят тут и не знают, какой страшный заговор, может быть, он сам скоро раскроет.

Глава 26
Воздушная дорога

Склад Филина находился в соседнем дворе. Его низкие кирпичные помещения с широкими воротами и заколоченными оконными проемами тянулись вдоль всего двора, где валялись машинные части, куски железа.

Часто бродил теперь Миша возле склада. Один раз он даже зашел туда, но Филин прогнал его. Миша стал наблюдать за воротами склада издалека. Целыми днями стоял он в подъезде кино, у закусочной с зелено-желтой вывеской, перед булочной, но тот высокий человек в белой кавказской рубахе больше не появлялся. Однажды Миша снова залез в подвал, но к складу Филина он уже пробраться не мог — проход был завален.

Между тем репетиции подходили к концу, приближался день спектакля, и Шура настойчиво требовал «реквизит».

— Раз ты администратор, — говорил он Мише, — то должен заботиться. Декорации мы сами сделаем, а чем наводить грим? Дальше: парики, кадило… Все это ты должен достать. Я загружен

творческой работой и не могу отвлекаться на хозяйственные дела.

Митя Сахаров денег не давал. Тогда Миша решил организовать лотерею. Для выигрыша он пожертвовал свое собрание сочинений Н. В. Гоголя в одном томе. Жалко было расставаться с Гоголем, но что делать! Не срывать же спектакль. И, как говорил Шурка Большой, «искусство требует жертв».

Сто лотерейных билетов, по тридцать копеек каждый, были быстро распроданы. Только Борька не купил билета. Он всячески пытался сорвать лотерею. Он кричал, что выигрыш обязательно падет на Мишин билет и Миша деньги зажилит.

Ему за это несколько раз здорово попадало и от Миши и от Генки, но он никак не унимался.

Борька дружил теперь с Юркой-скаутом, который тоже начал появляться во дворе. И вот, для того чтобы отвлечь ребят от драмкружка, Юра с Борькой устроили воздушную дорогу.

Воздушная дорога состояла из металлического троса; он был протянут над задним двором, пересекая его с угла на угол. Один конец троса был прикреплен к пожарной лестнице на высоте второго этажа, другой — к дереву на высоте первого. По тросу на ролике двигалась веревочная петля.

«Пассажир» усаживался в эту петлю, отталкивался от лестницы и вихрем пролетал над задним двором. Длинной веревкой петля оттягивалась назад к лестнице. Первым прокатился Борька, за ним — Юра, потом — еще некоторые мальчики.

Эта затея привлекла всеобщее внимание. Пришли ребята из соседних домов. Из окон смотрели любопытные жильцы. Дворник Василий долго стоял, опершись на метлу, и, пробормотав: «Баловство одно!», ушел.

Вдруг Борька остановил дорогу и, пошептавшись с Юркой, объявил, что бесплатное катание кончилось. Теперь за каждый раз нужно платить пять копеек.

— А у кого нет, — добавил он, — сдавай Мишке билеты и получай обратно деньги. На кой вам эта лотерея? Все равно ничего не выиграете.

Первым к Мише подошел Егорка-голубятник, за ним — Васька-губан. Они протянули Мише билеты и потребовали обратно деньги. Но тут вмешался Генка. Он заслонил собой Мишу и, передразнивая продавца из булочной, слащавым голосом произнес:

— Граждане, извиняюсь. Проданный товар обратно не принимается. Деньги проверять не отходя от кассы.

Поднялся страшный шум. Борька кричал, что это грабеж и обираловка. Егорка и Васька требовали вернуть им деньги. Юра стоял в стороне и ехидно улыбался.

Миша отстранил Генку, спокойно оглядел кричащих ребят и вынул лотерейные деньги. И когда он их вынул, все замолчали.

Миша пересчитал деньги, ровно тридцать рублей, положил на ступеньки черного хода, придавил камнем, чтобы не унесло ветром, и, повернувшись к ребятам, сказал:

— Мне эти деньги не нужны. Можете взять их обратно. Только вы подумайте: почему Юра и Борька хотят сорвать наш спектакль? Ведь Юра ходил в скаутский клуб, а скауты стоят за буржуев, и они не хотят, чтобы мы имели свой клуб. О Борьке и говорить нечего. Вот… Теперь же, у кого нет совести, пусть сам возьмет свои деньги и рядом положит свой билет.

Миша замолчал, сел на батарею и отвернулся.

Но никто не подошел за деньгами. Ребята сконфуженно переминались. Каждый делал вид, что он и не думал возвращать свой билет.

Тем временем Генка влез на пожарную лестницу и торопливо отвязывал воздушную дорогу.

— Слезай, — закричал Борька, — не смей тро-

гать!

Генка спрыгнул с лестницы и подошел к Борьке:

— Ты чего разоряешься? Думаешь, мы ничего не знаем? Всё знаем: и про подвал, и про ящики!.. Ну, убирайся отсюда!

Борька исподлобья оглядел всех, поднял с земли трос, свернул его и молча пошел со двора.

Глава 27
Тайна

— Что? Растрепал? — ругал Миша Генку. — Эх ты, звонарь!

— А я ему молчать должен? — оправдывался Генка. — Он будет спектакль срывать, а я ему должен молчать?

Ребята сидели у Славы. Квартира у него большая, светлая. На полу — ковры. Над столом — красивый абажур. На диване — маленькие пестрые подушки.

Генка сидел на круглом вращающемся стуле перед пианино и рассматривал обложки нотных тетрадей. Он чувствовал себя виноватым и, чтобы скрыть это, был неестественно оживлен и болтал без умолку.

— «Паганини»... — прочитал он. — Что это за Паганини такой?

— Это знаменитый скрипач, — объяснил Слава. — Ему враги перед концертом оборвали струны на скрипке, но он сыграл на одной струне, и никто этого не заметил.

— Подумаешь! — сказал Генка. — У отца на

паровозе ездил кочегар Панфилов. Так он на бутылках играет что хочешь. Попробовал бы твой Паганини на бутылке сыграть.

— Что с тобой говорить! — рассердился Слава. — Ты ничего в музыке не понимаешь…

— Разве мне разговаривать запрещено? — Генка, оттолкнувшись от пианино, сделал несколько оборотов на вращающемся стуле.

— Знаешь, Генка, — мрачно произнес Миша, — нужно думать, что говоришь. Если бы ты думал, то не разболтал бы Борьке о ящиках.

— Тем более что ничего в этих ящиках нет, — вставил Слава.

— Нет, есть, — возразил Генка. — Там нитки.

— Почему ты так уверен, что там нитки?

— Уверен, и всё! — тряхнул вихрами Генка.

— Ты вечно болтаешь, чего не знаешь! — сказал Миша. — Там вовсе другое.

— Что?

— Ага, так я тебе и сказал! Чтобы ты снова раззвонил!

— Ей-богу! — Генка приложил руки к груди. — Чтоб мне не встать с этого места! Чтоб…

— Хоть до утра божись, — перебил его Миша, — все равно ничего не скажу. Потому что ты всегда звонарем был, звонарем и остался.

— Но я ведь не разболтал, — сказал Слава, — значит, мне ты можешь рассказать.

— Ничего я вам не скажу! — сердито ответил Миша. — Я вижу, вам нельзя доверить серьезное дело.

Некоторое время мальчики сидели молча, дуясь друг на друга, потом Слава сказал:

— Все же нечестно скрывать. Мы все трое лазили в подвал, — значит, между нами не должно быть секретов.

— Я разве знал? — заговорил Генка, обращаясь к Славе. — Я думал: ящики, ну и ящики… Ведь меня Миша не предупредил. Сам что-то скрывает, а другие виноваты.

Миша молчал. Он сознавал, что не совсем прав. Надо было предупредить Генку. И вообще он поступил не по-товарищески. Он должен был поделиться с ребятами своими подозрениями. Но… тогда как же кортик? И о кортике рассказать? Конечно, они ребята надежные, не выдадут, и Генка не разболтает, когда будет все знать. Но рассказать о кортике?.. А если так: о Филине и о Никитском рассказать, а о кортике пока не говорить, а там видно будет… Может, и о кортике рассказать… ведь один он ничего не сделает.

Все же он проворчал:

— Когда у человека есть голова на плечах, то он должен сам мозгами шевелить… А то «не предупредили» его!

Генка почувствовал в его словах примирение и начал энергично оправдываться:

— Но ты пойми, Миша: откуда я мог знать? Разве я думал, что ты от нас что-нибудь скрываешь! Ведь я от тебя ничего не скрываю…

— И вообще, — обиделся Слава, — поскольку у тебя есть от нас секреты, то и не о чем говорить…

— Ну ладно, — сказал Миша, — я вам расскажу, но имейте в виду, что это *большая* тайна. Эту тайну мне доверил не кто-нибудь. Мне ее доверил… — Он посмотрел на напряженные от любопытства лица ребят и медленно произнес: — Мне ее доверил *Полевой*. Вот кто мне ее доверил!

Зрачки у Генки расширились, взгляд его замер на Мише. Слава тоже смотрел на Мишу очень внимательно — он из рассказов Миши и Генки знал и о Полевом и о Никитском.

— Так вот, — продолжал Миша, — прежде всего дайте честное слово, что никогда, никому, ни за что вы этого дела не разболтаете.

— Даю честное слово благородного человека! — торжественно объявил Генка и ударил себя в

грудь кулаком.

— Клянусь своей честью! — сказал Слава.

Миша встал, на цыпочках подошел к двери, тихонько открыл ее, осмотрел коридор, потом плотно прикрыл дверь, внимательным взглядом обвел комнату, заглянул под диван и, показав пальцем на дверь, ведущую в спальню, шепотом спросил:

— Там никого нет?

— Никого, — так же шепотом ответил Слава.

— Так вот знайте, — прошептал Миша и таинственно огляделся по сторонам, — знайте: у Никитского есть ближайший помощник в его шайке, и его фамилия… — Он сделал паузу, потом многозначительно произнес: — Филин! Вот!

Эффект получился самый ошеломляющий.

Генка сидел, крепко вцепившись в стул, наклонившись вперед, с открытым ртом и округлившимися глазами. Даже волосы его как-то по-особому приподнялись и торчали во все стороны, словно озадаченные только что услышанной новостью. Слава часто мигал, точно ему насыпали в глаза песок.

Налюбовавшись произведенным впечатлением и чтобы еще усилить его, Миша продолжал:

— И вот… у меня есть подозрение, что тот вы-

сокий, который был в подвале, а потом вышел… Помните, в кавказской рубахе?.. Это и есть… Никитский!

Генка чуть не упал со стула. Слава поднялся с дивана и растерянно смотрел на Мишу.

— Что… это серьезно? — едва смог он произнести.

— Ну, вот еще, — пожал плечами Миша, — буду я шутить такими вещами! Тут, брат, не до шуток. Я его по голосу узнал… Правда, лица я его не видел, но уж факт, что он загримировался…

— Вот это да! — смог наконец выговорить Генка.

— Вот тебе и да, а ты болтаешь где попало!

— Раз такое дело, — сказал Слава, — нужно немедленно сообщить в милицию.

— Нельзя, — ответил Миша и придал своему лицу загадочное выражение.

— Почему?

— Нельзя, — снова повторил Миша.

— Но почему? — удивился Слава.

— Нужно все как следует выяснить, — уклончиво ответил Миша.

— Не понимаю, чего тут выяснять, — пожал плечами Слава. — Пусть даже ты не совсем уверен, что это Никитский, но ведь Филин тот…

Положение становилось критическим. Славка такой дотошный! Сейчас начнет рассуждать, а ведь неизвестно еще, тот ли это Филин или не тот…

Миша встал и решительно произнес:

— Я вам еще не все рассказал. Пошли ко мне.

Мальчики отправились к Мише. Когда они проходили по двору, Генка подозрительно оглядывался по сторонам. Ему уже казалось, что вот сейчас здесь появится Никитский…

Глава 28
Шифр

Придя к Мише, мальчики молча уселись вокруг стола.

Уже наступал вечер, но Миша света не зажигал.

Генка и Слава сидели за столом и затаив дыхание наблюдали за Мишей. Он тихо, стараясь не стучать, закрыл дверь на крючок, потом сдвинул занавески — в комнате стало почти совсем темно. Приняв эти меры предосторожности, он вытащил из шкафа сверток и положил его на стол.

— Теперь смотрите, — таинственно прошептал он и развернул сверток.

Генка и Слава подались вперед и совсем легли на стол. В Мишиных руках появился кортик.

— Кортик… — прошептал Генка.

Но Миша угрожающе поднял палец:

— Тихо! Смотрите, — он показал клеймо на клинке, — волк, скорпион, лилия… Видите? Так. А теперь самое главное… — Артистическим жестом он вывернул рукоятку, вынул пластинку и растянул ее на столе.

— Шифр, — прошептал Слава и вопросительно посмотрел на Мишу.

— Да, — подтвердил Миша, — шифр, а ключ к этому шифру в ножнах, понятно? А ножны эти… у Никитского… Вот… А теперь слушайте…

И Миша, совсем понизив голос, вращая глазами и жестикулируя, рассказал друзьям о линкоре «Императрица Мария», о его гибели, об убийстве офицера по имени Владимир…

Мальчики сидят молча, потрясенные этой загадочной историей. В комнате совсем уже темно. В квартире тишина, точно вымерли все. Только глухо зажурчит иногда вода в водопроводе да раздастся на лестнице протяжный, тоскливый крик бездомной кошки. В окружающем мраке мальчикам чудились неведомые корабли, дальние, необитаемые земли. Они ощущали холод морских пучин, прикосновение морских чудовищ…

Миша встал и повернул выключатель. Маленькая лампочка вспыхнула под абажуром и осветила взволнованные лица ребят и стол, покрытый белой скатертью, на которой блестел стальной клинок кортика и золотилась бронзовая змейка, извивающаяся вокруг побуревшей рукоятки…

— Что же это может быть? — первый прервал

молчание Слава.

— Трудно сказать. — Миша пожал плечами. — Полевой тоже не знал, в чем дело, да и Никитский вряд ли знает. Ведь он ищет кортик, чтобы расшифровать эту пластинку. Значит, для него это тоже тайна.

— Все ясно, — вмешался Генка. — Никитский ищет клад. А в кортике написано, где этот клад находится. Ох, и деньжищ там, должно быть!..

— Клады только в романах бывают, — сказал Миша, — специально для бездельников. Сидит такой бездельник, работать ему неохота, вот он и мечтает найти клад и разбогатеть.

— Конечно, никакого клада здесь не может быть, — сказал Слава, — ведь из-за этого кортика Никитский убил человека. Разве ты, например, Генка, убил бы из-за денег человека?

— Сравнил! То я, а то Никитский. Я б, конечно, не убил, а для Никитского это раз плюнуть.

— Может быть, здесь какая-нибудь военная тайна, — сказал Слава. — Ведь все это произошло во время войны, на военном корабле…

— Я уж об этом думал, — сказал Миша. — Допустим, что Никитский — германский шпион, но зачем он в двадцать первом году искал кортик? Ведь война уже кончилась.

— Вообще любой шифр можно расшифровать без ключа, — продолжал Слава. — У Эдгара По…

— Знаем, знаем! — перебил его Миша. — «Золотой жук», читали. Здесь дело совсем другое. Смотрите… — Все наклонились к пластинке. — Видите? Тут только три вида знаков: точки, черточки и кружки. Если знак — это буква, то выходит, что здесь всего три буквы. Видите? Эти знаки написаны столбиками.

— Может быть, каждый столбик — это буква, — сказал Слава.

— И об этом я думал, — ответил Миша, — но здесь большинство столбиков с пятью знаками. Посчитайте! Ровно семьдесят столбиков, из них сорок с пятью знаками. Не может ведь одна буква повторяться сорок раз из семидесяти.

— Нечего философию разводить, — сказал Генка, — надо ножны искать. Тем более — Никитский здесь.

— Ну, — возразил Слава, — еще неизвестно: Никитский это или не Никитский. Ведь это, Миша, только твое предположение, правда?

— Все равно, — упорствовал Генка, — это Никитский. Ведь Филин здесь, а он с Никитским в одной шайке… Правда, Мишка?

Миша немного смутился, потом решительно

тряхнул головой и сказал:

— Я еще не знаю, тот это Филин или не тот…

— Как — не знаешь? — остолбенели мальчики.

— Так… Мне Полевой назвал только фамилию — Филин, а тот это Филин или нет, еще надо установить. Мало ли Филиных! Но я почему-то думаю, что это тот.

— Да, — протянул Слава, — получается уравнение с двумя неизвестными.

— Это тот Филин, определенно, — рассердился Генка, — его по роже видно, что бандит.

— Рожа не доказательство, — возразил Миша. — Будем рассуждать по порядку. Во-первых, Филин. Фамилия уже сходится. Подозрительный он человек или нет? Подозрительный. Определенно. Спекулянт и вообще… Так. Теперь во-вторых: темными делами они занимаются? Занимаются. Склад в подвале, ящики, дверь заколотили, завалили проход… Теперь в-третьих: тот высокий — подозрительный человек или нет? Подозрительный. Видали, как он улицу осматривал, лицо закрывал? И голос мне его знаком… Допустим даже, что это не Никитский. Но ведь факт, что там действует какая-то шайка. Может быть, белогвардейцы. Разве мы имеем право сидеть сложа руки? А? Имеем? Нет! Наша обязанность

раскрыть эту шайку.

— Точно, — подтвердил Генка, — шайку накрыть, ножны отобрать, клад разделить на троих поровну.

— Погоди ты со своим кладом, — рассердился Миша, — не перебивай! Теперь так. Мы, конечно, можем заявить в милицию, но… вдруг там ничего нет? Вдруг? Что тогда? Нас просто засмеют. Нет! Сначала надо все как следует выяснить… Нужно точно установить: тот это Филин или не тот, что они прячут в подвале, а главное, выследить того, высокого, в белой рубахе, и узнать, кто он такой.

— Тяжелое дело, — проговорил Слава и, заметив насмешливый Генкин взгляд, торопливо добавил: — Банду мы должны, конечно, раскрыть, но все это надо хорошенько обдумать.

— Конечно, надо обдумать, — согласился Миша. — Мы будем следить по очереди, чтобы не вызвать подозрения у Филина и Борьки.

— Вот это будет здорово! — сказал Генка. — Целую шайку раскроем!

— А ты думаешь, — сказал Миша, — так вот шайки и раскрываются. Вот тогда мы себя действительно проявим — это, знаете, не за кулисами орать.

Часть третья
Новые знакомства

Глава 29
Эллен Буш

Через несколько дней Миша и Шурка Большой отправились на Смоленский рынок покупать краски для грима. На улице возле склада Филина прохаживался Генка.

— Ты что здесь торчишь? — спросил его Шура. — Пойдем с нами реквизит покупать.

— Некогда, — важно ответил Генка и обменялся с Мишей многозначительным взглядом.

Миша и Шура пришли на рынок. Вдоль рядов двигалась густая толпа. Шныряли беспризорники, хрипели граммофоны, скандалили покупатели часов. Унылые старухи в старомодных шляпках продавали сломанные замки и медные подсвечники. Вспотевший деревенский парень, видимо с утра, торговал гармошку. Окруженный любителями музыки, он растягивал на ней все одно и то же «Страдание». Попугай вытаскивал конвертики с предсказанием будущего и описанием прошедшего. Шатались цыганки в развевающихся юбках и ярких платках. И барахолка казалась нескончаемой. Она уходила

далеко — на усеянные подсолнечной шелухой дорожки Новинского бульвара, где рабочие городского хозяйства устанавливали первые урны для мусора и огораживали чахлую травку блестящей проволокой.

Мальчики стояли возле старика, торговавшего «всем для театра», как вдруг кто-то тронул Мишу сзади за плечо. Он обернулся и увидел девочку-акробатку. Она была в обыкновенном платье и вовсе не похожа на артистку. Девочка протянула Мише руку и сказала:

— Здравствуй, драчун!

Мише не понравился ее покровительственный тон, и он холодно ответил:

— Здравствуйте.

— Что ты такой сердитый?

— Вовсе не сердитый. Обыкновенный.

— Как тебя зовут?

— Миша.

— А меня Эллен.

Миша поднял брови:

— Что это за имя «Эллен»?

— Мой псевдоним Эллен Буш. Все артисты имеют псевдонимы. А настоящее мое имя Елена Фролова.

— А кто этот мальчик, что выступал с тобой?

— Мой брат, Игорь.

— А бритый?

— Какой бритый?

— Ваш этот, старший. Хозяин, что ли?

Лена рассмеялась:

— Хозяин? Это мой папа.

— Почему же ты его Бушем называешь?

— Я ведь тебе объяснила: это наш псевдоним.

— Вы всё по дворам ходите?

— Нет. Отец заключил договор, и, как начнется сезон, мы будем выступать в цирке. Ты бывал в цирке?

— Конечно, бывал. Но у нас в доме теперь есть свой драмкружок. Вот наш режиссер. — Миша показал на Шуру.

Шура с достоинством наклонил голову.

— В воскресенье будет наш первый спектакль, — продолжал Миша. — Пьеса замечательная! Приходи с братом. После спектакля вы выступите.

— Хорошо, — сказала Лена, — я передам Бушу. — И, подумав, спросила: — А сколько за выход?

— Что? — не понял Миша.

— Сколько за выход? Сколько вы нам заплатите за выступление?

Миша возмутился:

— Заплатим? Ты что, с ума сошла? Это спектакль в пользу голодающих Поволжья. Все наши артисты выступают бесплатно.

— Н-не знаю. — Лена с сомнением покачала головой. — Буш, наверно, не согласится.

— И не надо! Без вас обойдемся! Другие жертвуют, чтобы помочь голодающим, а вы хотите от них себе урвать. И не стыдно?

— Не сердись, не сердись! — Лена засмеялась. — Какой ты сердитый! Мы сделаем так: отпросимся с Игорем погулять и придем к вам. Ладно?

— Ладно.

— До свиданья. — Лена протянула ему и Шуре руку. — Только ты, пожалуйста, не сердись.

— Я и не сержусь, — ответил Миша.

Когда Лена ушла, он сказал Шуре:

— Ох, и канитель с этими девчонками!

Глава 30
Покупка реквизита

Они начали выбирать краски.

— Вот самые подходящие. — Шура вертел в руках коробку с карандашами. — Этот цвет называется «бордо». Бери, Мишка.

Миша опустил руку в карман и в ту же секунду с ужасом почувствовал, что кошелька в кармане нет. Все закружилось перед ним. В толпе мелькнула фигура беспризорника. Миша отчаянно крикнул и бросился вдогонку.

Беспризорник выскочил из рядов, свернул в переулок и бежал по нему, путаясь в длинном рваном пальто. Из дыр пальто торчала грязная вата, рукава волочились по земле. Он юркнул в проходной двор, но Миша не отставал от него и наконец догнал на каком-то пустыре. Он схватил его за пальто и, тяжело дыша, сказал:

— Отдай!

— Не тронь меня, я психический! — дико закричал беспризорник и выкатил белки глаз, страшные на его черном, измазанном сажей лице.

Они сцепились. Беспризорник визжал и кусался. Миша свалил его и, прижимая к земле, шарил по грязным лохмотьям, отыскивая кошелек.

Беспризорник извивался, кусал Мишину руку. Миша рванул его за рукав. Рукав оторвался от пальто, кошелек упал на землю. Миша схватил его, и страшная злоба овладела им. Сколько он трудился над созданием драмкружка, ходил, клянчил, уговаривал, отдал своего Гоголя! И этот воришка чуть не разрушил все! И ребята могли подумать, что он сам присвоил деньги… Нет! Надо ему еще наподдать!

Беспризорник лежал на земле ничком. Его грязная худая шея казалась совсем тонкой в широком воротнике мужского пальто. Из оторванного рукава неестественно торчала голая рука, грязная и исцарапанная.

Ладно. Лежачего не бьют… Миша слегка, для порядка, ткнул беспризорника ногой:

— Будешь знать, как воровать…

Беспризорник продолжал лежать на земле.

Миша отошел на несколько шагов, потом вернулся и мрачно произнес:

— Ну, вставай, довольно притворяться!

Беспризорник поднялся и сел. Всхлипывая и вытирая кулаками лицо, он бормотал:

— Справился?.. Да?..

— А ты зачем кошелек взял? Я ведь тебя не трогал.

— Иди к черту!

— Поругайся, поругайся, — сказал Миша, — вот я тебе еще добавлю!..

Но злоба прошла, и он знал, что не добавит.

Продолжая всхлипывать, беспризорник поднял оторванный рукав. Пальто его распахнулось, обнажив худенькое, с выступающими ребрами

тело. Под пальто у беспризорника не было даже рубашки.

— Как же ты его пришьешь? — спросил Миша, присев на корточки и разглядывая рукав.

Беспризорник вертел рукав и угрюмо молчал.

— Знаешь что? — сказал Миша. — Пойдем к нам, моя мать зашьет.

Беспризорник недоверчиво посмотрел на него:

— Застукать хочешь…

— Вот честное слово!.. Тебя как зовут?

— Михайлой.

— Вот здорово! — Миша рассмеялся. — Меня тоже Михаилом зовут. Пойдем к нам в клуб.

— Не видал я вашего клуба!

— Ты брось, пойдем. Тебе там девочки в момент рукав пришьют.

— Не видал я ваших девчонок!

— Не хочешь в клуб — пойдем ко мне домой. Пообедаешь у нас.

— Не видал я вашего обеда!

— Вот какой упрямый! — рассердился Миша. — Пойдем, тебе говорят! — Он поднялся и потянул беспризорника за целый рукав. — Вставай!

— Пусти! — закричал беспризорник, но было уже поздно: затрещали нитки — и второй рукав очутился у Миши в руках.

— Ну вот, — смущенно пробормотал Миша, — говорил тебе: идем сразу.

— А ты собрался с силой? Да, собрался?..

Теперь на пальто у беспризорника вовсе не было рукавов, только торчали голые руки.

— Ладно, — решительно сказал Миша, — пошли ко мне! — Он взял оба рукава. — А не пойдешь — не отдам, ходи без рукавов.

Глава 31
Беспризорник Коровин

«Как встретит нас мама? — думал Миша, шагая рядом с беспризорником. — Еще, пожалуй, прогонит. Ладно. Что сделано, то сделано».

Вот и Генка на своем посту. Он с удивлением посмотрел на Мишу и его оборванного спутника. Ребята во дворе тоже уставились на них. Миша пересчитал деньги и отдал их Славе:

— На! Как придет Шурка, отдай ему. Пусть сам покупает, мне некогда.

Они пришли домой. Миша втолкнул беспризорника в комнату и решительно произнес:

— Мама, этот парнишка с нами пообедает…

Мама молчала, и Миша добавил:

— Я ему нечаянно рукава оторвал. Его тоже Мишей зовут.

— А фамилия? — спросила мама.

Миша посмотрел на беспризорника. Тот засопел и важно произнес:

— Фамилия наша Коровин.

— Ну что ж, — вздохнула мама, — идите хоть умойтесь, товарищ Коровин.

Миша отправился с ним на кухню, но особого желания мыться Коровин не проявил, да и отмыть его не было никакой возможности. Они постояли перед краном, вернулись в комнату и сели за стол.

Коровин ел степенно и после каждого глотка клал ложку на стол. На скатерти, там, где он держал локти, образовалось два темных пятна.

Миша ел молча, искоса поглядывая на мать. Она повесила на спинку стула пальто Коровина и пришивала к нему рукава. По хмурому выражению ее лица Миша понял, что после ухода Коровина ему предстоит неприятный разговор.

После супа мама подала им сковородку с жареной картошкой.

Миша отодвинул свою тарелку:

— Спасибо, мама, я уже сыт.

— Ешь, — сказала мама, — всем хватит.

Она уже приладила к пальто рукава и теперь пришивала разорванную подкладку.

Коровин кончил есть и положил ложку на стол.

— Ну вот, — сказала мама, расправляя на руках пальто, — вот и шуба готова. — Она протянула ее Коровину: — Не жарко тебе в ней?

Коровин встал, натянул на себя пальто, потом

пробормотал:

— Ничего, мы привычные…

— Родные-то у тебя есть?

Коровин молчал.

— Мать, отец, есть кто-нибудь?

Коровин стоял уже у самой двери. Он засопел, но все же опять ничего не ответил.

«Куда же он пойдет?» — думал Миша.

Не глядя на мать, он спросил:

— Куда же ты теперь пойдешь?

Беспризорник запахнулся в пальто и вышел из комнаты.

Миша вышел вслед за ним.

— Погоди, здесь темно. — Он открыл входную дверь и пропустил Коровина. — Так заходи, — сказал он на прощанье. — Я всегда дома или во дворе.

Беспризорник ничего не ответил и пошел вниз по лестнице.

Глава 32
Разговор с мамой

Миша молча читал. В комнате было тихо. Только жужжала с перерывами швейная машина. Отблески солнца играли на ее металлических частях, на стальном колесе и золотых фирменных эмблемах. Предстоящий разговор был, конечно, неприятен, но мама все равно заговорит, и лучше уж поскорей…

— Где же ты с ним познакомился? — не оборачиваясь, спросила наконец мама.

— На рынке. Он у меня деньги украл.

Мама оставила машину и обернулась к Мише:

— Какие деньги?

— Лотерейные. Я ведь тебе рассказывал... Мы с Шуркой краски покупали.

— Ну, и вернул он тебе деньги?

Миша усмехнулся:

— Еще бы! Я его догнал. Ну конечно, подрались...

— Так и познакомились?

— Так и познакомились.

Мама покачала головой:

— Нечего сказать, красивая картина: на улице дерешься с беспризорниками.

— Никто не видел… Да мы и не дрались, я его так, прижал немного.

— Да… — Мама снова покачала головой. — А зачем ты его сюда привел? Чтобы он и здесь что-нибудь украл?

— Он не украдет.

— Почему ты так думаешь?

— Так думаю.

Снова молчание, равномерный стук машины.

— Ты недовольна? — сказал Миша.

Вместо ответа она спросила:

— Что все-таки побудило тебя привести его сюда?

— Так…

— Жалко стало?

— Почему — жалко? — Миша пожал плечами. — Так просто… Я ему рукава оторвал, надо их пришить.

— Да, конечно… — Она снова завертела машину. Белое полотнище ползло на пол и волнами ложилось возле ножек стула.

— Ты недовольна тем, что я привел его? — снова спросил Миша.

— Я этого не говорю, но… все же малоприятное

знакомство. И потом: ты чуть было не предложил ему остаться у нас. Собственно говоря, можно было бы со мной сначала посоветоваться.

— Это верно, — признался Миша, — но жалко его, он ведь опять на улицу пойдет…

— Конечно, жалко… — согласилась мама. — Теперь многие берут на воспитание этих ребят, но… ты сам знаешь, я не имею этой возможности.

— Вот увидишь, скоро беспризорность ликвидируют! — горячо сказал Миша. — Знаешь, сколько детдомов организовали!

— Я знаю, но все же перевоспитать этих детей очень трудно… Они испорчены улицей.

— Знаешь, мама, — сказал Миша, — в Москве есть такой отряд — он называется отряд юных пионеров, — и вот там ребята, все равно, знаешь, как комсомольцы, занимаются с беспризорными и вообще, — он сделал неопределенный жест, — проводят всякую работу. Мы с Генкой и Славкой решили туда поступить. Это на Пантелеевке. В воскресенье мы туда пойдем.

— На Пантелеевке? — переспросила мама. — Но ведь это очень далеко.

— Ну что ж такого. Теперь ведь лето, времени много, будем ходить туда. А когда нам исполнится четырнадцать лет, мы в комсомол поступим.

Мама обернулась и с улыбкой посмотрела на Мишу:

— Ты уже в комсомол собираешься?

— Не сейчас, конечно, сейчас не примут, а потом…

— Ну вот, — вздохнула мама и улыбнулась, — поступишь в комсомол, появятся у тебя дела, а меня, наверно, совсем забросишь.

— Что ты, мама! — Миша тоже улыбнулся. — Разве я тебя заброшу? — Он покраснел и уткнулся в книгу.

Мама замолчала и снова завертела машину.

Миша оторвался от книги и смотрел на мать. Она склонилась над машиной. Туго закрученный узел ее каштановых волос касался зеленой кофточки; кофточка была волнистая, блестящая, аккуратно выглаженная, с гладким воротником.

Миша встал, тихонько подошел к матери, обнял ее за плечи, прижался щекой к ее волосам.

— Ну что? — спросила мама, опустив руки с шитьем на колени.

— Знаешь, мама, что мне кажется?

— Что?

— Только ты честно ответишь: да или нет?

— Хорошо, отвечу.

— Мне кажется… мне кажется, что ты совсем

на меня не сердишься за этого беспризорника... Правда? Ну, скажи — правда?

Мама тихонько засмеялась и качнула головой, пытаясь высвободиться из объятий Миши.

— Нет, скажи, мама, — весело крикнул Миша, — скажи!.. И знаешь, что мне еще кажется, знаешь?

— Ну что?

— Мне кажется, что на моем месте ты поступила бы так же. А? Ну скажи, да?

— Да, да! — Она разжала его руки и поправила прическу. — Но все же не води сюда слишком много беспризорных.

Глава 33
Черный веер

— Миша-а! — раздался во дворе Генкин голос.

Миша выглянул в окно. Генка стоял внизу, задрав кверху голову.

— Чего?

— Иди скорей, дело есть! — Генка многозначительно скосил глаза в сторону филинского склада.

— Чего еще? — нетерпеливо крикнул Миша. Ему очень не хотелось уходить сейчас из дому.

— Да иди скорей! — Генка сделал страдальческое лицо. — Понимаешь? — Всякими знаками он показывал, что дело не терпит никакого отлагательства.

Когда Миша спустился во двор, Генка тут же подступил к нему:

— Знаешь, где тот, высокий?

— Где?

— В закусочной.

Ребята выскочили на улицу и подошли к закусочной.

Через широкое мутное стекло виднелись сидя-

щие вокруг мраморных столиков люди. Лепные фигуры на потолке плавали в голубых волнах табачного дыма. В проходах балансировал с подносом в руках маленький официант. Белая пена падала из кружек на его халат.

За одним из столиков сидел Филин. Но он был один.

— Где же высокий? — спросил Миша.

— Только что здесь был, — недоумевал Генка, — сидел с Филиным… Куда он делся?..

— Хорошо, — быстро проговорил Миша, — далеко он не ушел. Ты иди налево, к Смоленской, а я направо — к Арбатской.

Миша быстро пошел по направлению к Арбатской площади, внимательно осматривая улицу. Когда он пересекал Никольский переулок, в глубине переулка мелькнула фигура человека в белой рубахе, свернувшего за угол церкви Успения на Могильцах. Миша во всю прыть помчался вперед, добежал до церкви, огляделся по сторонам. Высокий шел по Мертвому переулку. Миша побежал за ним. Высокий пересек Пречистенку и пошел по Всеволожскому переулку. Миша догнал его у самой Остоженки, но проходивший трамвай отделил его от Миши. Когда трамвай прошел, высокого на улице уже не было.

Куда он делся? Миша растерянно оглядывал улицу и увидел на противоположной ее стороне филателистический магазин. Миша знал этот магазин. Он иногда покупал в нем марки для своей коллекции. И сюда, по словам Генки, зачем-то ходит Борька Филин… Миша вошел в магазин. Над дверью коротко звякнул колокольчик.

В магазине никого не было. На прилавке под стеклом лежали марки, на полке стояли коробки и альбомы.

На звонок из внутренней комнаты магазина вышел хозяин — лысый, красноносый старик. Он плотно прикрыл дверь и спросил у Миши, что

ему надо.

— Можно марки посмотреть? — спросил Миша.

Старик бросил на прилавок несколько конвертов с марками, а сам вернулся в соседнюю комнату, оставив дверь приоткрытой, чтобы видеть магазин.

Вертя в руках марку Боснии и Герцеговины, Миша искоса поглядывал в комнату, в которую удалился старик. Она была совсем темной, только на столе стояла электрическая лампа. Кто-то вполголоса переговаривался со стариком. Прилавок мешал Мише заглянуть в комнату, но он был уверен, что там находится именно этот высокий человек в белой рубахе. О чем они говорили, он тоже разобрать не мог.

Раздался звук отодвигаемого стула. Сейчас они выйдут! Миша наклонил голову к маркам и напрягся в ожидании. Сейчас он увидит этого человека… В глубине задней комнаты скрипнула дверь, и через несколько минут в магазин вышел старик. Вот так штука! Тот, высокий, ушел через черный ход…

— Выбрал? — хмуро спросил старик, вернувшись за прилавок.

— Сейчас, — ответил Миша, делая вид, что вни-

мательно рассматривает марки.

— Скорее, — сказал старик, — магазин пора закрывать.

Он опять вышел в темную комнату, но дверь на этот раз вовсе не закрыл.

Лампа освещала край стола. В ее свете Миша видел костлявые руки старика. Они собирали бумаги со стола и складывали их в выдвинутый ящик. Потом в руках появился веер, черный веер. Руки подержали его некоторое время открытым, затем медленно свернули. Веер превратился в продолговатый предмет…

Затем в руках старика что-то блеснуло. Как будто кольцо и шарик. Вместе со свернутым веером старик положил их в ящик стола.

Глава 34
Агриппина Тихоновна

Медленно возвращался Миша домой. Итак, он не увидел таинственного незнакомца. Однако все это очень подозрительно. И ушел этот человек через черный ход. И старик вел себя как-то настороженно. И Борька-Жила сюда ходит…

Уже подойдя к своему дому, Миша подумал о веере, и неожиданная мысль мелькнула вдруг в его мозгу. Когда старик свернул веер, он стал подобен ножнам… И кольцо как ободок. Неужели ножны?

Взволнованный этой догадкой, он побежал разыскивать друзей. Он нашел их на квартире у Генки.

Ребята сидели за столом. Слава линовал бумагу, а Генка что-то писал. Он с ногами забрался на стул и совсем почти лег на стол.

Против них сидела Агриппина Тихоновна. На кончике ее носа были водружены очки в железной оправе. Она посмотрела поверх них на вошедшего в комнату Мишу. Потом снова начала диктовать, отодвигая от себя листок, который она

держала высоко над столом, на уровне глаз.

— «…Рубцова Анна Григорьевна», — медленно диктовала Агриппина Тихоновна. — Написал? Аккуратней, аккуратней пиши, не торопись. Так… «Семенова Евдокия Гавриловна».

— Гляди, Миша, — крикнул Генка, — у меня новая должность — секретарь женотдела!

— Не вертись, — прикрикнула Агриппина Тихоновна: — весь лист измараешь!

Миша заглянул через плечо Генки: «Список работниц сновального цеха, окончивших школу ликвидации неграмотности». Против каждой фамилии стоял возраст. Моложе сорока лет не было никого.

— Вертишься! — продолжала ворчать Агриппина Тихоновна. — Вон Слава как аккуратно рисует, а ты все вертишься… Ну? Написал Евдокию Гавриловну?

— Написал, написал… Давайте дальше. И чего вы вздумали старушек учить?

Агриппина Тихоновна пристально посмотрела на Генку:

— Как — чего? Ты это что, всерьез?

— Конечно, всерьез. Вот, — он ткнул пером в список, — пятьдесят четыре года. Для чего ей грамота?

— Вот ты какой, оказывается! — медленно проговорила Агриппина Тихоновна и сняла очки. — Вот какой!.. А я и не знала.

— Чего, чего вы? — смутился Генка.

— Вот оно что… — снова проговорила Агриппина Тихоновна, продолжаяа пристально смотреть на Генку. — Тебе, значит, одному грамота?

— Я не…

— Не перебивай! Так, значит, тебе одному грамота? А Семенова сорок лет на фабрике горбом ворочала, ей, значит, так темной бабой и помирать? И я, значит, тоже зря училась? Двух сыновей в гражданской схоронила, чтобы, значит, Генка учился, а я как была, так чтобы и осталась? И вот Асафьеву из подвала в квартиру переселили тоже, выходит, зря. Могла бы и в подвале помереть — шестьдесят ведь годов в нем прожила… Так, значит, по-твоему? А? Скажи.

— Тетя, — плачущим голосом закричал Генка, — вы меня не поняли! Я в шутку.

— Отлично поняла, — отрезала Агриппина Тихоновна, — отлично, сударь мой, поняла. И не думала, не гадала, Геннадий, что ты такой. Не думала, что ты такое представление имеешь о рабочем человеке.

— Тетя, — упавшим голосом прошептал Генка,

не поднимая глаз от стола, — тетя! Я не подумавши сказал… Ну… Не подумал и сказал глупость…

— То-то, — наставительно проговорила Агриппина Тихоновна, — а нужно думать. Слово — не воробей: вылетит — не поймаешь… — Она тяжело поднялась со стула. — В другой раз думай…

Глава 35
Филин

Агриппина Тихоновна вышла на кухню. Генка сидел, понурив голову.

— Что, — насмешливо спросил его Миша, — попало? Еще мало она тебе всыпала. Тебе за твой язык еще не так надо.

— Ведь он признался, что был не прав, — примирительно сказал Слава.

— Ладно, — сказал Миша. — Ну что, Генка, видел ты того, высокого?

— Никого я не видел, — мрачно ответил Генка.

— Так вот… — Миша облокотился о край комода и безразличным голосом произнес: — Пока вы здесь сидели… я… видел ножны.

— Какие ножны? — не понял Слава.

— Обыкновенные, от кортика.

Генка поднял голову и недоверчиво смотрел на Мишу.

— Нет, правда? — спросил Слава.

— Правда. Только что своими глазами видел.

— Где? — Генка поднялся со стула.

— У старика филателиста, на Остоженке.

— Врешь?

— А вот и не вру.

— Здорово! — протянул Генка. — А где они там у него?

Миша торопливо, пока не вошла Агриппина Тихоновна, рассказал о филателисте, высоком незнакомце и черном веере…

— Я думал, ты ножны видел, а то веер какой-то, — разочарованно протянул Генка.

— В общем, — сказал Слава, — было уравнение с двумя неизвестными, а теперь с тремя: первое — Филин, второе — Никитский, третье — веер. И вообще: если это не тот Филин, то остальное — тоже фантазия.

Генка поддержал Славу:

— Верно, Мишка. Может быть, тебе все это показалось?

Миша не отвечал. Он облокотился о край комода, покрытого белой салфеткой с кружевной оборкой, свисающей по бокам.

На комоде стояло квадратное зеркало с круглыми гранями и зеленым лепестком в левом верхнем углу. Лежал моток ниток, проткнутых длинной иглой. Стояли старинные фотографии в овальных рамках, с тисненными золотом фамилиями фотографов. Фамилии были разные,

но фон на всех фотографиях одинаковый — меж серых занавесей пруд с дальней, окутанной туманом беседкой.

«Конечно, Славка прав, — думал Миша. — А все же тут что-то есть». Он посмотрел на Генку и сказал:

— Если бы ты не ссорился с теткой, то мы бы всё узнали о Филине.

— Как так?

— А так. Ведь она знает Филина. Хоть бы сказала: из Ревска он или нет.

— Почему же она не скажет? Скажет.

— Ну да, она с тобой и разговаривать теперь не захочет.

— Она не захочет? Со мной? Плохо ты ее знаешь. Она все давным-давно забыла, тем более я извинился. К ней только особый подход нужен. Вот сейчас увидишь…

В комнату вернулась Агриппина Тихоновна, внимательно посмотрела на смолкнувших ребят и начала убирать со стола.

Генка сделал вид, что продолжает прерванный рассказ:

— Я ему говорю: «Твой отец спекулянт, и весь ваш род спекулянтский. Вас, я говорю, весь Ревск знает…»

— Ты это о ком? — спросила Агриппина Тихоновна.

— О Борьке Филине. — Генка поднял на Агриппину Тихоновну невинные, простодушные глаза. — Я ему говорю: «Вашу фамилию весь Ревск знает». А он мне: «Мы, говорит, в этом Ревске никогда и не были. И знать ничего не знаем»…

Мальчики вопросительно уставились на Агриппину Тихоновну. Она сердито тряхнула скатертью и сказала:

— И какие у тебя с ним дела? Ведь сколько раз говорила: не водись с этим Борькой, не доведет он тебя до добра.

— А зачем он врет? Раз из Ревска, так и скажи: из Ревска. Зачем врать?

— Он-то, может, и не был в Ревске, — сказала Агриппина Тихоновна.

— Я и не говорю, что был, но ведь папаша-то его из Ревска. Зачем же врать?

— А он, может, и не знает про отца-то.

— Да ведь сам Филин тут же сидел. Смеется и говорит: «Мы, говорит, коренные москвичи, пролетарии…»

— Это они-то пролетарии? — не выдержала наконец Агриппина Тихоновна. — Да его-то, Филина, отец стражником, жандармом в Ревске

служил, а он, вишь, теперь как: под рабочего подделывается! Пролетарии…

— Это кто же, сам Филин жандармом был? — спросил Миша.

— Не сам он, а отец его. Ну, да яблоко от яблони недалеко падает.

Агриппина Тихоновна свернула скатерть и вышла из комнаты.

— Видали? — Генка подмигнул ей вслед. — А вы говорили. Все сказала! Я свою тетку знаю. Теперь все ясно. Филин тот самый. Значит, и Никитский здесь, и ножны. Чувствую, чувствую, что клад близко!

— Не совсем ясно, — возразил Слава. — Ведь ты сам говорил, что в Ревске полно Филиных. Может быть, это другой Филин.

— Ну да! — мотнул головой Генка. — Жандармское отродье. Факт, тот самый…

— Ладно, — весело сказал Миша, — может быть, не тот, а может быть, и тот. Во всяком случае, он из Ревска. Теперь узнаем, служил он на линкоре «Императрица Мария» или не служил.

— Как мы это узнаем? — спросил Генка.

— Проще простого. Неужели у Борьки-Жилы не выведаем?

Глава 36
На Красной Пресне

В воскресенье друзья отправились на Пантелеевку, в типографию, посмотреть отряд юных пионеров. Электроэнергии не хватало, и по воскресеньям трамваи не ходили. Мальчики вышли из дому рано утром и быстро зашагали по Арбату. Окутанная серой дымкой, устремлялась вперед улица. Был тот ранний час, когда на улице никого нет. Даже дворники не вышли еще со своими метлами.

Охваченные радостной свежестью утра, мальчики бодро шагали по Арбату. Каблуки постукивали по холодному звонкому асфальту. Шаги гулко отдавались на пустынной улице. Маленькие фигурки ребят, отражаясь, мелькали в стеклах витрин.

«Как странно видеть Арбат безлюдным!» — думал Миша. Он совсем маленький, узкий и тихий. Только теперь по-настоящему видны его здания. Миша оглянулся. Вон кино «Карнавал». За ним здание Военного трибунала. А вот дом, где жил Александр Сергеевич Пушкин. Обыкновенный

двухэтажный дом, ничем не примечательный. Даже странно, что в нем жил Пушкин. Пушкин, конечно, ходил по Арбату, как все люди, и никто этому не удивлялся. А появись теперь Пушкин на Арбате — вот бы суматоха поднялась! Вся бы Москва сбежалась!

— Посмотрим, что это за пионеры такие, — болтал Генка, — посмотрим. Может, там ничего особенного и нет: сидят себе и цветочки вышивают, как девочки в детдоме.

— Ну да! — ответил Миша. — Это ведь коммунистическая организация, понял? Значит, они чем-нибудь серьезным занимаются.

— Все же как-то неудобно идти туда, — сказал Слава.

— Почему?

Слава пожал плечами.

— Спросят, кто такие, зачем пришли. Неудобно как-то.

— Очень удобно! — решительно ответил Миша. — Что в этом такого? Может быть, мы тоже хотим быть пионерами. Разве мы не имеем права?

Мальчики замолчали. Невидимое, поднималось за домами великолепное утреннее солнце. Огромные прямоугольные тени домов ложились

на асфальт, двигались, сокращались и приближались к одной стороне улицы, в то время как другая заливалась ярким, ослепительным светом.

Улица оживлялась. Из почтового отделения выходили почтальоны с толстыми кожаными сумками, туго набитыми газетами. Гремя бидонами, прошли молочницы. Проехал обоз ломовых лошадей.

Вот и Кудринская площадь.

— Смотри, Генка! — Миша показал на угловой дом, весь изрешеченный пулями и осколками снарядов. — Знаешь, что это?

— Что?

— Здесь в Октябрьскую революцию самые бои были. Наши по кадетам из пушек лупили. Мы со Славкой видели… Помнишь, Славка?

— Я здесь не был тогда, — сознался Слава, — и по-моему, ты тоже не был.

— Я? Сколько раз! Мы сюда с Шуркой бегали… Один раз полную шапку гильз набрали. Правда, очень давно — мне тогда было восемь лет. А ты, конечно, не видал. Ты дома сидел. Тебя мама не пускала…

Мальчики пришли на Пантелеевку.

Через широкие окна типографии виднелись большие залы, уставленные машинами. В цехах

было пусто. Над воротами висела вывеска: «Типография Мосполиграфтреста». Мальчики вошли в проходную.

В тесном дощатом помещении, за низким барьером, сидел человек, по всей видимости сторож, и хлебал из большой миски суп.

Тут же вертелась девочка лет десяти с маленькими косичками, завязанными красной ленточкой.

Когда мальчики вошли, сторож поднял голову, тыльной стороной ладони вытер усы и вопросительно посмотрел на ребят.

— Скажите, пожалуйста, — обратился к нему Миша. — Где здесь находится отряд юных пионеров?

— Пионеров? — Сторож опять взялся за ложку. — А вы откудова — из райкома или как?

— Да… мы… тут… — замялся Миша, — мы по делу.

Девочка с любопытством смотрела на мальчиков. Сторож доел суп, отодвинул миску и сказал:

— Есть у нас такие — пионеры. Только в клубе они небось, у себя…

— Вы не скажете, где находится клуб?

Девочка удивленно взглянула. Сторож хмыкнул и спросил:

— Вы что же, клуба нашего не знаете?

— Да, — замялся Миша, — мы из другого района. Мы из Хамовников.

— А-а… — протянул сторож. — На Садовой клуб ихний, тут недалеко.

— На какой Садовой? Садовых много.

— Вот смешные! — захихикала девочка. — Клуба не знают! Папаня, они клуба не знают!

— Ты больно много знаешь! — прикрикнул сторож на девочку. — Проводи вот их да покажи клуб. Может, и на самом деле нужно, — добавил он, с сомнением посмотрев на ребят.

— Сейчас покажу.

Девочка сполоснула под бачком миску и ложку, завязала их в салфетку и вышла с мальчиками на улицу.

— Я пионеров хорошо знаю, — болтала девочка. — Наш Васька там самый главный — он на барабане играет.

Миша насмешливо посмотрел на нее, но промолчал. Что спорить с такой мелюзгой!

— У них и труба есть, — продолжала болтать девочка. — У них знаете как строго! Ругаться нельзя, на буферах кататься нельзя, руки в карманах держать нельзя, девчонок бить тоже нельзя. Вот. А драться можно только с буржуями. Только

если драться, так галстуки снимать. В галстуке тоже нельзя.

— Не вертись под ногами! — строго сказал Миша.

— И девочек туда принимают, — опять затараторила девочка, — только не всех, только этих… ну… достигших возраста.

— А вашему Васе много лет? — спросил Слава.

— У… Ему четырнадцать лет, а может быть, и пятнадцать. Он серьезный! Приходит прямо на квартиру и все забирает.

Мальчики с удивлением посмотрели на нее.

— Как это — забирает? — спросил Генка.

— Очень просто, — важно ответила девочка, — для беспризорных детдомов… Пионеры ходят и вещи собирают. У меня кофточку отобрали! — с гордостью объяснила она.

— Отобрали кофточку?

— Угу.

— Это, положим, неправда, — сказал Генка, — никто не имеет права отбирать.

— Они не сами, им маманя дала.

— А тебе жалко стало? — засмеялся Слава.

— И не жалко вовсе. Я им еще хотела прошлогоднюю шапочку отдать, а Васька говорит: «Не надо, а то, — говорит, — тебе следующий раз отдавать

нечего будет… Ты, — говорит, — не беспокойся, мы скоро опять собирать будем». И правда: утром кофточку взяли, а вечером за шапочкой пришли. — Она вздохнула. — Беспризорников ведь много — когда всех обуешь, оденешь…

Они подошли к дому на Садовой.

— Вот здесь, на третьем этаже, — показала девочка и заторопилась: — Я пойду, а то Васька увидит…

Глава 37
Маленькое недоразумение

Девочка ушла. Мальчики стояли у подъезда. Их вдруг охватила робость. Из ворот выглянул какой-то мальчишка, посмотрел на них, спрятался обратно, потом высунулась еще одна белобрысая голова и тоже скрылась…

Мальчики стояли в нерешительности. Мише вдруг захотелось уйти домой. Кто его знает, еще, может, прогонят… Но рядом были Генка и Слава. Не мог же он обнаружить перед ними такое малодушие! Миша решительно двинулся вверх по лестнице. Мальчики пошли за ним.

Они поднялись на третий этаж, открыли массивную резную дубовую дверь и увидели большую квадратную комнату. У задней стены на подставке стояло свернутое знамя с золотыми кистями и бронзовым овальным острием. Над знаменем, во всю длину стены, — красное полотнище: «Организация детей — лучший путь воспитания коммунаров. Ленин». Рядом со знаменем на тумбочке лежали барабан и горн.

В каждом из углов комнаты стояло по малень-

кому флажку с какими-то изображениями. На стенах висели рисунки и плакаты.

В комнате никого не было. На лестнице тоже было пусто. На секунду в верхнем этаже послышался какой-то топот, и опять все стихло.

Мальчики вошли в комнату и начали осматривать пионерский клуб. На каждом из маленьких флажков был изображен зверь. Всего было четыре изображения: сова, лисица, медведь и пантера. Рядом на стене висели рисунки, вырезки из газет, большой лист с правилами сигнализации флажками, азбука Морзе. На веревочках висели тетрадки, озаглавленные: «Звеньевой журнал».

Друзья рассматривали один такой журнал, как вдруг услышали позади шорох. Они оглянулись и увидели подкрадывающихся к ним мальчиков в красных галстуках. Их вид не оставлял никаких сомнений относительно их намерений, и наши друзья мгновенно приняли положение «к обороне». Пионеры, увидев, что их заметили, с криком бросились в атаку, но она была быстро отбита мальчиками.

Заняв неприступную позицию в углу комнаты, тесно сомкнув строй с Мишей в центре, Генкой и Славой на флангах, друзья отчаянно отбивались руками и ногами.

Пионеры дружно бросились во вторую атаку. Ими командовал белобрысый мальчишка с нашивкой на рукаве. Он был страшно возбужден, метался из стороны в сторону и кричал:

— Спокойно… так… спокойно… Не давай им уходить!.. Спокойно… растаскивай их… Спокойно!..

Вторая атака оказалась успешней. Пионерам удалось оттащить Славу. Миша бросился его выручать. Строй разорвался, и мальчики сражались в одиночку…

— Спокойно! — кричал белобрысый, вцепив-

шись в Славу. — Спокойно… применяй бокс! Спокойно… Сережка, общую тревогу!

Один пионер выскочил из свалки и яростно забил в барабан.

Мише удалось наконец отбить Славу, и мальчики, пятясь назад и отпихиваясь ногами, снова заняли свою позицию в углу.

Обе стороны были основательно потрепаны. Все тяжело дышали. У пионеров галстуки съехали на сторону. У Славы был разорван воротник. Генка одной рукой ощупывал свои рыжие волосы, чувствуя, что они значительно уменьшились в количестве.

— Чего вы? — тяжело дыша, начал Миша.

— Пленные, молчать! — закричал белобрысый. — Сейчас мы вас… двойным морским.

Барабан продолжал издавать отчаянную дробь. В комнату вбежали несколько пионеров, за ними — еще и еще…

— Спокойно! — кричал белобрысый, продолжая метаться из стороны в сторону. — Не подходить! Это пленные нашего звена, больше никого… Медведи, лисицы… не ввязываться. Это не ваши пленные, это наши… мы их поймали…

В комнату вошел широкоплечий, коренастый парень в майке, длинных черных брюках, тоже

с галстуком.

Белобрысый отдал ему салют и, волнуясь, заговорил:

— Наше звено поймало трех скаутских разведчиков. Они хотели похитить отрядное знамя. Мы их заметили еще на улице. Они совещались у подъезда. Долго совещались и всё осматривались…

— Подожди, — остановил его вожатый. — Выпустите их…

Толпа пионеров, плотно окружавшая ребят, раздвинулась.

Мальчики вышли из своего угла.

— Так, — сказал вожатый, оглядывая ребят. — Продолжай, Вася.

— Они всё осматривались, — опять быстро заговорил белобрысый, — потом пошли по лестнице. Мы — с черного хода, наверх, на четвертый этаж. Они заглянули сюда, увидели, что никого нет, обрадовались и вошли, а мы их цап — и всех в плен взяли. — Он помолчал, потом деловито спросил: — Теперь мы их как? Сами судить будем или сдадим куда?

— Вы кто такие? — обратился вожатый к мальчикам.

— Мы никто, — угрюмо ответил Миша. — Про-

сто зашли посмотреть, что это за пионеры такие.

Все рассмеялись. Белобрысый закричал:

— Не сознаются! Это скауты. Я вот этого знаю. — Он ткнул в Славу. — Он у них патрульный.

Слава покраснел:

— Неправда! Я никогда скаутом не был!

— Да!.. Не был!.. Рассказывай! Я тебя знаю. Мы тебя сколько раз видели… Правда, Сережка?

— Правда, — не моргнув глазом, подтвердил мальчик, бивший на барабане тревогу.

— А еще отпирается! — закричал белобрысый. — Я их хорошо знаю. Они на Бронной живут.

— Неправда, — сказал Миша, — мы живем на Арбате.

— На Арбате? — удивился вожатый. — Как же вы сюда попали?

— Пришли… Ведь только здесь отряд есть.

— Нет, — сказал вожатый, — не только здесь. У вас в Хамовниках тоже отряд есть, на Гознаке. И Дом пионеров организован. Почему вы туда не пошли?

— Да? — смутился Миша. — Мы не знали. Нам сказали, что в Москве только один отряд — ваш.

— Кто сказал?

— Товарищ Журбин.

— Товарищ Журбин? Откуда вы его знаете?

— Он у нас в доме живет.

— А-а… — Вожатый дружески улыбнулся. — Я знаю товарища Журбина. Так это он вам сказал… Только наш отряд уже не единственный. Есть в Сокольниках в железнодорожных мастерских и у вас на Гознаке. А ваши родители где работают?

— На фабрике Свердлова, — вмешался Генка. — У нас в доме тоже есть клуб и свой драмкружок.

— Да, — подтвердил Миша, — у нас есть свой кружок, но… мы… мы тоже хотим быть пионерами.

— Теперь все понятно, — засмеялся вожатый. — Вышла маленькая ошибка. Мои ребята, по старой памяти, всё со скаутами воюют, вот и вам попало. Ничего, сейчас мы это дело уладим.

Он засвистел в плоский физкультурный свисток, и через несколько секунд весь отряд выстроился вдоль стен, образовав квадрат, в центре которого стоял вожатый и рядом с ним — Миша, Генка и Слава.

Мальчики с восхищением смотрели на пионеров. Это была уже не толпа ребят, а отряд. Они стояли стройными рядами, по звеньям, с звеньевым флажком на правом фланге. Косые лучи солнца падали из высоких окон, освещая

ровный ряд красных галстуков. Мальчики были в трусиках, девочки — в шароварах.

— Горнист, приветствие! — скомандовал вожатый.

Горн протрубил короткий, переливчатый мотив.

— Ребята! — сказал вожатый. — К нам пришли гости из Хамовнического района. Они пришли познакомиться с нашей жизнью и работой. Они хотят последовать нашему примеру. Они хотят быть пионерами. Попросим их передать ребятам Хамовников наш пламенный пионерский привет.

И пионеры Красной Пресни приветствовали будущих пионеров Хамовников троекратным «ура».

Глава 38
Впечатления

Только к концу дня покинули мальчики гостеприимный пионерский клуб. Восхищенные всем виденным, они шли по бульварам Садовой к себе домой.

— «Пионер здоров и вынослив» — вот самый правильный закон, — разглагольствовал Генка, размахивая руками, — самый правильный! Теперь надо побольше заниматься физкультурой и развивать мускулы.

— Есть законы поважней, — заметил Слава.

— Какие это поважней? — задорно спросил Генка.

— Какие? Например: «Пионер стремится к знанию. Знание и умение — сила в борьбе за рабочее дело».

— Это поважней? Ничего ты не понимаешь! Если будешь слабым, так тебя буржуи в момент расколошматят, никакие знания не помогут. Верно, Мишка?

— Самых важных законов два, — наставительно произнес Миша. — Во-первых: «Пионер верен

делу рабочего класса», и, во-вторых: «Пионер смел, настойчив и никогда не падает духом». Но самое главное — это то, что сказал Ленин. Слыхали, их вожатый читал? «Дети, подрастающие пролетарии, должны помогать революции». Вот это самое главное.

— А вы заметили, как о них сторож в типографии говорил? — сказал Слава. — С уважением.

— Еще бы, — сказал Миша, — их весь район знает, а уж в своей типографии и подавно.

— Только почему у них никакого оружия нет? — недоумевал Генка. — Хотя бы винтовочка какая-нибудь для порядка. Мы для своего отряда обязательно винтовки достанем.

— Мы как отряд организуем, — сказал Миша, — так звенья будем по-другому называть. Зачем все эти звери? Это по-детски получается. Лучше какое-нибудь революционное название. Например, имени Карла Либкнехта или Спартака.

— Это не ты придумал, — заметил Генка, — они у себя тоже хотят переделать. Слыхал, вожатый говорил?

— Слыхал. Только я это еще раньше подумал, как увидел зверей. А слышали, вожатый сказал: «К Международному юношескому дню передадим лучших пионеров в комсомол»? Видали?

Этот белобрысый уже комсомольцем будет, а мы еще даже не пионеры.

— Этому белобрысому нужно наложить как следует, — проворчал Генка.

— За что? — возразил Миша. — Они защищали свое знамя. Ведь они не знали, кто мы такие.

— Теперь нужно на Гознак пойти, — сказал Слава. — Может быть, нас туда в отряд примут, или узнать, где это организуется Дом пионеров.

— Зачем нам куда-то ходить, когда у нас своя фабрика есть! — возразил Миша. — Слышал, их вожатый говорил: отряды будут организованы при всех заводах и фабриках. Есть постановление комсомола.

— Фью! — свистнул Генка. — Жди от нашего директора или вот от его папаши. — Он кивнул на Славу. — Тетя говорит, что они ни на что денег не дают, такие скупердяи.

Слава обиделся:

— Ничего ты не знаешь, а говоришь! Еще не все цехи работают, а фабрика должна обходиться своими средствами. Думаешь, так просто фабрикой управлять?

— Нужно пойти в ячейку и в райком, — сказал Миша, — и к Журбину заодно. Он тогда еще про пионеров говорил.

Мальчики подошли к своему дому. В воротах они услышали шум и крики, доносившиеся с заднего двора. Они побежали туда и увидели толпу ребят, плотным кольцом окруживших беспризорника Коровина.

Коровин стоял, прижавшись спиной к стене, озираясь кругом, как затравленный волчонок. На него наскакивал Борька Филин.

— Ты чего? — кричал Борька. — Воровать сюда пришел? А? Скажи! Воровать? Бей его, ребята!..

Миша растолкал ребят и стал рядом с беспризорником:

— Вы чего к нему пристали? Вы чего все на одного? Ты что, Борька, с ума сошел?

— Брось, Мишка, — крикнул Генка, — ведь это он у тебя деньги украл! Нечего его защищать. Знаю я этих беспризорников… Малолетние преступники! — добавил он презрительно.

Коровин вдруг засопел и пробормотал:

— Сам ты малолетний… рыжий преступник.

Все рассмеялись.

— Айда в клуб, — сказал Миша. — Пойдем с нами. — Он потянул беспризорника за рукав, но тут же отпустил его, вспомнив, что рукава у Коровина плохо держатся.

— Не пойду я, — угрюмо ответил Коровин, ис-

подлобья поглядывая на Генку.

— Правильно, — ввязался вдруг Борька, — не ходи с ними, пацан. Давай лучше в расшибалочку постукаем.

— Пойдем, пойдем, — Миша опять потянул беспризорника, — не бузи, пойдем…

Глава 39
Художники

В клубе драмкружковцы рисовали декорации. На сцене лежали длинные полосы белой бумаги. Маленький Вовка Баранов, по прозвищу Бяшка, тщетно пытался нарисовать богатую крестьянскую избу, жилище кулака Пахома.

— Эх ты, Бяшка несчастная! — ругался Шура Большой. — Не можешь простую избу нарисовать, а еще сын художника!

— При чем здесь «сын художника»? — оправдывался маленький Бяшка. — Наследственность передается только в третьем поколении.

Неожиданно для всех Коровин поглядел на эскиз, взял уголь и качал рисовать. На белых листах быстро появились очертания печи, окошек, длинных лавок.

— Видал? — Миша подтолкнул Генку локтем.

— Подумаешь! — Генка презрительно тряхнул волосами. — Что с того, что он рисовать умеет?.. Охота тебе с ним возиться!

— Если каждый из нас сагитирует хоть одного беспризорника, то и беспризорных не останет-

ся, — наставительно изрек Миша.

Коровин кончил эскиз и, ни на кого не глядя, сказал:

— Кисть не годится.

Шура принес ему еще несколько кистей, но Коровин их все забраковал.

— Другие нужно, — твердил он.

Миша вынул остатки лотерейных денег и протянул их Коровину:

— На, сходи купи, какие надо.

Однако Коровин не брал денег и молча смотрел на Мишу.

— Иди, — сказал Миша. — Чего ты на меня глаза вытаращил?

Коровин нерешительно взял деньги, молча оглядел всех ребят и вышел из клуба.

— Фью! — свистнул Генка. — Ухнули наши денежки!

— Если ты так будешь распоряжаться финансами, — объявил Шура, — то я с себя снимаю всякую ответственность за спектакль.

— Нечего прежде времени волноваться, — спокойно ответил Миша, — подождем...

Наступило томительное ожидание. Уже собрались взрослые. Коровина все не было.

«Неужели обманет? — думал Миша. Он вспом-

нил, как Коровин поглядел на него, когда брал деньги. — Нет. Он придет».

Но Коровина все не было.

— Нечего больше ждать, — сказал Шура. — Давай, Бяшка, рисуй.

Вовка начал разводить краски, как вдруг дверь клуба открылась и появился Коровин. Он был не один. Его крепко держала за плечо высокая смуглая девушка с черными, коротко остриженными волосами, одетая в синюю юбку и защитного цвета гимнастерку, перехваченную в тонкой талии широким командирским ремнем. И самое интересное: на ней был красный галстук. Одной рукой девушка крепко держала Коровина за плечо, в другой у нее была пачка кистей. Вид у девушки был очень решительный.

Она подошла к ребятам и, продолжая держать Коровина за плечо, строго спросила:

— Кто из вас посылал его за кистями?

— Я, — ответил Миша. — А в чем дело?

— Зачем вам кисти?

— Декорации рисуем.

Девушка отпустила Коровина, подошла к сцене и, разглядывая декорации, спросила:

— Какую же пьесу вы ставите?

Вперед выступил Шурка Большой.

— «Кулак и батрак», — важно произнес он. — Кстати, разрешите представиться: Александр Огуреев. Художественный руководитель и режиссер. — Он протянул девушке руку.

Девушка рассмеялась, пожала Шурину руку и сказала:

— Валя Иванова. Из районного Дома юных пионеров.

— Разрешите узнать, в чем сущность инцидента? — не меняя своей серьезной мины, спросил Шура.

— А в том, — строго сказала девушка. — Мы этих ребят отучаем воровать, а вы их приучаете. Он пришел и стащил у нас кисти.

— Я не стащил, — пробормотал Коровин, — я взял с возвратом…

Миша с удивлением смотрел на девушку. Ей было на вид лет семнадцать, не больше, а она уже вожатая и работает в Доме юных пионеров.

— Где же находится ваш дом? — недоверчиво спросил он.

— На Девичьем поле… — Девушка замялась. — Собственно говоря, он еще только организуется… А вот что это у вас за дикий кружок? Кто вами руководит? При какой организации вы состоите?

— Мы при домкоме! — крикнул Генка.

Девушка засмеялась, оглядела ребят и спросила:

— А знаете вы, кто такие юные пионеры?

Миша, Генка и Слава закричали: «Знаем!», но их голоса потонули в общем крике остальных ребят: «Нет, не знаем!»

— Тише, ребята! — крикнула девушка и подняла руку.

Когда все замолчали, она сказала:

— Пионеры, ребята, — это смена комсомолу. Теперь все дети объединяются в пионерские отряды, и в этих отрядах они готовятся стать комсомольцами, настоящими большевиками. — Она посмотрела на ребят. — Вы думаете, я к вам из-за кистей пришла? Нет. Ошибаетесь. Кисти я могла просто у него отобрать. Но он сказал, что несет их к каким-то ребятам в драмкружок. Вот я и захотела посмотреть на вас…

— Мы скоро тоже пионерами будем! — крикнул Генка.

— Конечно, будете, — сказала девушка. — А пока приходите к нам в Дом пионеров. У нас будут разные мастерские, кружки. Приходите. Тогда и кисти принесете… Кто у вас тут главный?

Генка подтолкнул вперед Мишу:

— Вот наш председатель.

— Хорошо. — Девушка одобрительно посмотрела на Мишу. — Кисти оставляю на твою ответственность. А ты собери своих ребят и приходи к нам. Обязательно приходите.

— Ладно, — сказал Миша, — а вы приходите в воскресенье на наш спектакль…

Когда девушка ушла, Коровин вернул Мише деньги и начал рисовать.

— Почему же ты в магазине не купил? — спросил его Миша.

— А чего зря платить! — Коровин посмотрел на Генку. — Я ведь не для себя.

— Ему платить непривычно, — ехидно заметил Генка и примирительно добавил: — Ладно, рисуй… Эх ты, Корова…

Глава 40
Опытные сыщики

— Идет! — прошептал Генка и толкнул Славу. — Пошли…

Из ворот вышел Филин, свернул в Никольский переулок и направился к Пречистенке. Подстерегавшие его Генка и Слава двинулись за ним, внимательно приглядываясь к его походке.

— Вразвалку идет, — шептал Генка. — Определенно бывший матрос. Видишь, как ноги расставляет, точно на палубе.

— Обыкновенная походка, — возразил Слава, — ничего особенного. Потом, он в сапогах, а заправские матросы обязательно брюки клёш носят.

— При чем здесь клёш! Вот как он оглянется, ты на лицо посмотри. Увидишь: красное, как морковка. Ясно — обветренное на корабле.

— Лицо у него действительно красное, — согласился Слава, — но не забывай, что Филин алкоголик. От водки лицо тоже становится красным.

— И вовсе не красным! — раскипятился Ген-

ка. — От водки только нос красный, а лицо фиолетовое…

— Потом, смотри, — продолжал Слава, — руки держит в карманах. Разве настоящий матрос держит руки в карманах? Никогда. Он ими всегда размахивает, потому что привык балансировать во время качки.

— Брось, пожалуйста! «Руки в карманах»… Если хочешь знать, так у моряков самый шик считается во время бури держать руки в карманах и трубку изо рта не выпускать. Вот. И вообще, раз ты не веришь, что это тот Филин, так сидел бы дома.

Переговариваясь таким образом, мальчики шли за Филиным. Он пересек Пречистенку, дошел до Остоженки и, оглянувшись, вошел в магазин филателиста.

— Ну все, — сказал Слава, — пошли обратно.

Генка минуту колебался, потом сказал:

— Зайдем в магазин.

— Как тебе, Генка, не стыдно! — укорял его Слава. — Ведь договорились. И Миша сказал: в магазин не заходить… Мишу старик уже раз прогнал и нас прогонит…

— Не прогонит. Разве мы не имеем права марки купить? Пошли.

Слава хотел его остановить, но было уже поздно. Генка решительно открыл дверь в магазин. Славе пришлось войти вслед за ним.

Старик стоял за прилавком и разговаривал с Филиным. Когда мальчики вошли, они замолчали.

— Вам что? — спросил старик и подозрительно посмотрел на них.

— Марки посмотреть, — сказал Генка.

— Нечего смотреть! — раздраженно крикнул старик. — Каждый день смотрите — ничего не покупаете… Какие марки вам надо?

— Гватемалы, — прошептал растерявшийся Генка.

Старик снял с полки коробку, вынул оттуда конверт и бросил на прилавок:

— Выбирайте…

Генка начал неуверенно выбирать марки. Все молча смотрели на него. Генка совсем смутился и ткнул в одну марку:

— Вот эту.

Старик убрал конверт, оставив на прилавке выбранную Генкой марку, и сказал:

— Двадцать копеек.

Генка беспомощно посмотрел на Славу. Слава понял его взгляд: у Генки не было денег. Но и у Славы тоже не было ни копейки.

Старик и Филин выжидательно смотрели на мальчиков.

— Двадцать копеек! — повторил старик.

Вместо ответа Генка повернулся и опрометью бросился из магазина. Слава выскочил за ним.

Они перебежали улицу и быстро пошли по направлению к дому.

— Говорил тебе, не надо заходить... — начал Слава.

— А что такого? — беззаботно ответил Генка.

— Как — что? Теперь они нас заметили и поняли, что мы за ними следим.

— Так уж и поняли! Мало к нему ребят без денег ходит.

— Ладно, ладно, — сказал Слава, — попадет тебе от Мишки.

— А что мне Мишка за начальник! — с независимым видом ответил Генка. — Подумаешь!

— Он, конечно, не начальник, но кортик его, а ты своими глупыми штуками все дело портишь.

— Я сам знаю, что надо делать! — отрезал Генка. — У меня своя голова на плечах есть.

Они дошли до дома и увидели Мишу, спускающегося от Журбина.

— Мишка! — как ни в чем не бывало крикнул Генка. — Новости!

— Ну что?

— Все в порядке, — зашептал Генка. — Выследили Филина. Он к старику ходил. Походку проверили. Моряк, определенно моряк. Установлено окончательно.

— Вот видите! — сказал Миша. — Я же вам говорил. И у меня все в порядке. Был у Журбина, и в Доме пионеров, и у секретаря комсомольской ячейки.

— И что?

— В воскресенье увидите, — загадочно ответил Миша.

— Что?

— Увидите. В общем, все в порядке. Ладно. Теперь надо только установить, служил Филин на линкоре или не служил. А потом возьмемся за филателиста. Только придется вам: меня он уж в магазин не пускает.

— Не беспокойся, Миша, — вмешался молчавший все время Слава, — нам тоже не придется. — И он многозначительно посмотрел на Генку.

— Почему?

— Потому что нас в магазин тоже больше не пустят.

— В чем дело? — Миша переводил недоуменный взгляд с Генки на Славу и со Славы на

Генку. — Почему не пустят?

— Пусть он сам скажет. — Слава кивнул на Генку.

Генка торопливо заговорил:

— Понимаешь, Миша, мы идем за Филиным. Ведь надо узнать, куда он идет. Он в переулок — мы за ним. Он на Остоженку — мы за ним. Он в магазин — мы за ним. А в магазине у нас не оказалось денег, чтобы марки купить. Ну, мы спокойно повернулись и ушли. Вот и всё.

— Понятно… — протянул Миша и покачал головой. — В общем, попались… Ведь говорил, говорил: не ходить в магазин. А теперь никому из нас и не подойти к старику. Нет, ты уже второй раз все дело срываешь! То Борьке о ящиках разболтал, теперь в магазине все дело провалил. Хватит. Придется без тебя дело делать. Довольно.

Генка не стал спорить. Он знал, что Миша посердится и успокоится, а уж без него «дело делать» не будут.

Глава 41
Спектакль

Уже несколько дней на дверях клуба висела афиша о предстоящем в воскресенье спектакле для детей. Будет представлена пьеса в трех действиях «Кулак и батрак». Руководитель студии — Александр Огуреев. Режиссер — Александр Огуреев. В главной роли — Александр Огуреев. И в самом низу, маленькими буквами: «Художник Михаил Коровин, под руководством Александра Огуреева».

Коровин очень гордился тем, что его имя упомянуто в афише, посмотреть на которую приходили целые толпы беспризорных.

Билеты были распроданы задолго до спектакля. Ребята весь сбор отнесли в редакцию газеты «Известия» и сдали в фонд помощи голодающим Поволжья.

В воскресенье клуб с утра заполнился ребятами. Пришли дети из соседних домов и большая толпа беспризорных из Рукавишниковского приемника; явились акробаты Буш — Игорь и Лена. Валя Иванова привела с собой комсомольца, в

кепке и кожаной куртке, из кармана которого торчала пачка газет. Под расстегнутой курткой виднелась синяя косоворотка с комсомольским значком на груди.

Комсомолец протянул Мише руку:

— Будем знакомы. Севостьянов Николай, или просто Коля.

Он говорил, пристально разглядывая Мишу, чуть наклонясь вперед, высокий и как будто немного сутуловатый. Из-под кепки на бледный лоб свисала косая прядь мягких белокурых волос. Глаза у него были серые, усталые и очень умные.

— Товарищ Севостьянов посмотрит ваш спектакль, — сказала Валя, — а потом вам кое-что расскажет.

Перед поднятием занавеса выступил заведующий клубом Митя Сахаров. Откинув волосы назад, он сказал:

— Товарищи! Сейчас вам будет показан спектакль, поставленный силами детского драмкружка нашего клуба. Администрация клуба, товарищи, не жалела средств для постановки спектакля, потому что работа с детьми — дело важное, для клуба особенно. Администрация надеется, что ее расходы будут полностью возмещены. А теперь, товарищи, попросим... — Он

захлопал в ладоши, и весь зал ответил грохотом рукоплесканий.

Спектакль прошел с большим успехом.

Зина Круглова по ходу действия так хватила Шуру кочергой, что у него спина затрещала. Эффект получился необыкновенный; юные зрители в восторге кричали: «Бей его, Зина, лупи!» Но Шура, как настоящий артист, даже виду не подал, что ему больно.

В эпилоге все действующие лица пели и плясали. В заключение выступили Лена и Игорь Буш.

Потом на сцену поднялся Коля Севостьянов. Он обвел зал внимательным взглядом и спросил:

— Понравилось?

— Понравилось! — хором ответили зрители.

— Вот видите, — сказал Коля. — Ребята этого дома помогли нашим маленьким товарищам в Поволжье. Как по-вашему: хорошо они сделали?

— Хорошо! — опять хором ответили ребята.

— Так, — продолжал Коля. — Теперь я задам вам один вопрос…

Он замолчал. Все ждали вопроса. После маленькой паузы Коля спросил:

— Знаете вы, кто такие юные пионеры?

— Знаем! — закричал изо всех сил Генка.

Миша толкнул его в бок кулаком:

— Не ори! Ты знаешь, а другие не знают.

«Знаем!» — кричали одни. «Не знаем!» — кричали другие. Все старались перекричать друг друга, и в нескольких местах уже началась потасовка.

Коля поднял руку и, когда все утихли, сказал:

— Пионеры должны довести до конца то дело, которое начали их отцы и старшие братья, — дело коммунизма. В нашем районе уже есть три таких отряда: на «Каучуке», «Ливерсе» и Гознаке…

— А почему у нас нет? — спросил Миша.

— Об этом я и хотел вам сказать. Этот клуб, ребята, переходит в ведение нашей фабрики. И вот при фабрике организуется пионерский отряд… Кто из вас хочет стать юным пионером, может сейчас у меня записаться.

— Сейчас я ему задам один вопросик, — тихо проговорил Генка. — А имеют ли право пионеры скаутов лупить?

— Что за глупые вопросы! — рассердился Миша. — И вообще, что это у тебя за привычка: лупить да лупить… Лупить тоже надо с толком.

Часть четвертая
Отряд № 17

Глава 42
Уголок звена

— Пионер свое дело делает быстро и аккуратно, — размахивая молотком, разглагольствовал Генка.

Он стоял на верхней ступеньке деревянной лестницы, под самым потолком клуба, и прибивал к стене плакат.

— Вот-вот: «быстро и аккуратно», а ты уже целый час копаешься, — заметил Слава.

Одной рукой Слава поддерживал лестницу, в другой держал свисающий конец плаката.

Клуб готовился к торжеству по случаю пуска фабрики на полную мощность. С потолка свисали гирлянды еловых ветвей с рассыпанными по ним разноцветными лампочками. Пионеры кончали устройство звеньевых уголков. Пахло свежей елью, столярным клеем, краской.

Все пионеры были в новенькой форме защитного цвета. Костюмы им выдала дирекция фабрики, когда пионеры давали торжественное обещание. Отряду тогда вручили знамя, барабан и горн.

— Вот, ребята, — сказал директор фабрики,

подписывая наряд на материал, — страна наша разута, раздета, только из разрухи вылезает, а для вас ничего не жалеет. Помните это…

Миша стоял, закинув кверху голову, и следил за Генкиной работой. Когда Генка прибил второй конец плаката, Миша крикнул:

— Слезай, довольно болтовней заниматься!

Генка слез и стал рядом с Мишей и Славой. Мальчики с удовольствием осматривали свою работу.

В центре звеньевого уголка помещался выпуклый фанерный щит: «Звено № 1 имени Красного Флота». Буквы были вырезаны в фанере и заклеены красной бумагой. Внутри щита помещалась электрическая лампочка. Буквы горели ярко-красным пламенем. Получилось очень красиво.

— А? Здорово? — хвастался Генка. — Никто так не придумал!

Действительно, ни у кого не было такого светящегося щита. Уголки были скромные, украшенные рисунками, вырезками из газет, лозунгами.

С банкой краски в руках мимо них пробежал маленький Вовка Баранов. Он чуть не задел Генку. Генка отскочил в сторону и с испугом посмотрел на рукав своей новенькой гимнастерки — не запачкал ли ее Бяшка. Но все было в порядке.

— Бяшка несчастная! — рассердился Генка. — Носится как угорелый! Чуть гимнастерку не запачкал! — Он с удовольствием пощупал гимнастерку. — Материальчик первый сорт! — Он причмокнул губами. — Вот тебе и текстильная промышленность. А то ребята с «Каучука» хвастают: мы, мол, химики, резинщики… Дадут им резиновые комбинезоны, будут знать «резинщики»…

К ним подошел вожатый отряда Коля Севостьянов.

— Коля, — сказал ему Генка, — смотри, как мы здорово придумали. Лучше, чем у всех.

— Неплохо, — равнодушно ответил Коля, — а хвастать этим нечего. Ваше звено старшее, у вас и должно быть лучше других… Поляков! — обратился он к Мише.

— Да? — отозвался Миша.

— Быстро! Со звеном на площадку. Там Коровин со своими пришел.

— Есть! — ответил Миша.

— Смотри, — продолжал Коля, — первая встреча самая ответственная. Сумеете подружиться — будут ребята ходить. Не сумеете — они больше не придут. Держитесь просто. Для первого раза постарайтесь вовлечь их в игру. Понял? Ну, от-

правляйтесь!

— Звено Красного Флота, — крикнул Миша, — становись!

Глава 43
Площадка

Пионеры выскочили из клуба и строем побежали на площадку — так назывался теперь задний двор. Ничто там, впрочем, не изменилось, только висела сетка для волейбола.

Возле корпуса на асфальте тесной кучкой сидели человек десять беспризорных. Некоторые из них курили. Все они были в лохмотьях, грязные, с нестрижеными волосами. Только один паренек был в новенькой серой кепке, вероятно, только сегодня где-то раздобытой. Они изредка перебрасывались между собой словами, не обращая никакого внимания на окруживших их маленьких ребятишек, с любопытством разглядывавших странных пришельцев.

Как было заранее условлено, пионеры сразу разбились на две группы и заняли места на волейбольной площадке.

— Еще шесть человек! — крикнул Миша, приглашая этим беспризорных вступить в игру.

Никто из них не пошевелился. И все время, пока пионеры играли, они сидели в прежних

позах, равнодушные и к игре, и ко всему окружающему.

— Не поддаются! — прошептал Генка Мише.

Вместо ответа Миша, подавая мяч, сильно ударил его и направил прямо в группу беспризорных. И это не произвело на них никакого впечатления. Только Коровин лениво отпихнул мяч ногой.

Пионеры играли с азартом. Поминутно слышались выкрики: «пасок», «бей», «удар», «режь», «свечка», «туши», «мазила», но это не подзадоривало беспризорных. Некоторые из них, прислонившись к стене, дремали, жмурясь от солнца.

«Они присматриваются, сразу их не вовлечешь, — думал Миша, — но как бы они не ушли».

Миша дал свисток. Игра прекратилась. Девочки остались на площадке, мальчики подсели к беспризорным.

— Здорово, Коровин! — сказал Миша. — Как дела, тезка?

— Ничего, — нехотя ответил Коровин, — помаленьку.

— Что это у вас за палка? — спросил вдруг беспризорник с таким обилием веснушек на лице, что их не мог скрыть даже толстый слой грязи, и показал на оборудованный меж двух деревьев

самодельный турник из водопроводной трубы.

— Турник, — охотно объяснил Миша.

— Зачем?

— А вот зачем. — Миша подошел к турнику, подтянулся, сделал преднос и соскочил. — Сумеешь так?

— Не знаю, не пробовал, — ответил беспризорник.

— А ты попробуй, — предложил Миша.

— А и правда… попробовать, што ль…

Беспризорник лениво встал, вразвалку подошел к турнику, посмотрел на него снизу, покачал с сомнением головой, подпрыгнул, ухватился за турник и выжал стойку. Пальто опустилось ему на голову, в воздухе торчали босые грязные ноги, но все же это была стойка…

Потом он соскочил, так же вразвалку отошел от турника и сел на свое место. Беспризорники ухмылялись и насмешливо поглядывали на пионеров.

— Здорово! — сказал Миша. — Мы так не умеем. А ну, Генка, попробуй…

— Где уж мне! — Генка махнул рукой.

— А ты попробуй, — уговаривал его Миша.

Генка стал под турником, поднял голову, вытянулся, присел, подпрыгнул и ухватился за турник.

Потом, не сгибая колен, выбросил ноги вперед и начал раскачиваться.

Он раскачивался все быстрей, быстрей, быстрей — и вдруг… раз! Он сделал стойку. Два! — вторая стойка. Три! — третья стойка. Он описывал быстрые круги, и красный галстук летел вслед за ним. Потом опять раскачивание, все медленней и медленней, и Генка спрыгнул на землю.

— Подходяще, — сказал Коровин.

— Это называется «вертеть солнце», — объяснил Миша. — Этому можно научиться легко.

— Нам это ни к чему, — сказал беспризорник в кепке.

— Ничего не бывает «ни к чему», — вмешался Шурка Большой. — Все надо уметь и все надо знать, — наставительно добавил он.

— А, «кулак»! — хихикнул маленький беспризорник. — Здорово тебя кочергой огрели…

— Ну что же, — сказал Шура, — настоящий артист должен ко всему привыкать. Искусство требует жертв.

— Верно, — подтвердил беспризорник в кепке. — Лазаренко, того и гляди, шею сломает, а все прыгает.

— В цирке и вовсе под крышей кувыркаются и то не дрейфят, — подхватил беспризорник с

веснушками.

Беседа завязалась. Разговором овладел Шурка Большой. Он уже собирался рассказать содержание новой кинокартины — «Комбриг Иванов», как вдруг неожиданное обстоятельство нарушило так удачно начатую беседу.

Глава 44
Юркин велосипед

Во дворе появились Юрка-скаут и Борька. Но они не просто появились — они въехали на велосипеде. Велосипед был дамский, но настоящий, двухколесный, новый, с яркой шелковой сеткой на заднем колесе.

Юра стоя вертел педалями, а Борька сидел на седле, расставив ноги и торжествующе улыбаясь во весь свой щербатый рот.

Они объехали задний двор. Потом Борька слез с велосипеда, и Юра начал кататься один, выделывая разные фигуры.

Он ехал «без рук», становился коленями на седло, делал «ласточку», ехал на одной педали, соскакивал назад…

В это время Борька, стараясь привлечь к этому зрелищу всеобщее внимание, орал во все горло: «Вот это да!», «Вот это дает!», «А ну еще, Юрка!» — и в избытке восхищения хлопал себя руками по штанам и бросал вверх шапку.

Все смотрели на Юру. Разговор пионеров с беспризорниками оборвался.

«Это они нарочно, — думал Миша, — нарочно мешают, чтобы работу сорвать».

— Давай их сейчас отсюда наладим, — шепотом предложил ему Генка.

Но Миша отмахнулся: не затевать же здесь драку. Только дело испортишь.

Он думал, что же делать, как вдруг увидел в воротах Юриного отца, доктора Стоцкого. Юра не видел отца. Он стоял за углом корпуса и вместе с Борькой поправлял цепь на велосипеде.

— Юрка-а-а, — крикнул Миша, — иди сюда! — и подмигнул Генке, скосив глаза в сторону Юриного отца.

Юра оглянулся и с недоумением посмотрел на

Мишу.

— Да иди! — крикнул снова Миша. — Чего боишься?

Юра, придерживая рукой велосипед, нерешительно подошел.

— Это какая марка? — Миша кивнул на велосипед.

— «Эйнфильд».

— Ах, «Эйнфильд»! — Миша потрогал велосипед. — Ничего машина.

Коровин и беспризорник в кепке тоже начали ощупывать велосипед.

Вдруг Генка заложил пальцы в рот и отчаянно засвистел. Стоявший в воротах доктор обернулся и, увидев Юру, подошел к ребятам. Это был красивый мужчина с холеным лицом и полными белыми руками. От него пахло не то одеколоном, не то аптекой.

Юра стоял у своего велосипеда и растерянно смотрел на отца.

— Юрий, — строго произнес доктор, — домой!

— Я вовсе… — начал было Юра.

— Домой! — ледяным голосом повторил доктор, посмотрел на беспризорников, брезгливо поморщился, круто повернулся и пошел со двора.

Придерживая рукой велосипед, Юра побрел

за ним.

— Здорово разыграл! — сказал Коровин.

— Не задавайся, — поучительно добавил беспризорник с веснушками.

Глава 45
Ленточка

Разговор снова наладился, и мальчики беседовали еще целый час. Уходя, беспризорники обещали опять прийти завтра.

Довольные первым успехом, пионеры оживленно обсуждали поведение беспризорных. Невдалеке, на асфальтовой дорожке, сидел Борька и играл сам с собой в расшибалочку.

— Эй, Жила, — крикнул Генка, — что же ты на велосипеде не катаешься?

Борька промолчал.

— Имей в виду… — продолжал Генка, — сам имей в виду и скауту своему несчастному передай: будете срывать нам работу, смотрите — таких кренделей вам навешаем, что вы их в год не соберете.

Борька опять промолчал.

— Чего ты, Генка, к нему привязываешься? — примирительно сказал Миша. — Чего привязываешься? Борька — парень ничего, только зря с этим скаутом водится.

Борька насторожился, опасаясь подвоха.

— И чего он с ним водится? — продолжал Миша. — Юра его и за человека не считает. Видали, как его папаша на нас на всех посмотрел?

Борька молчал, не понимая, к чему клонит Миша.

— Видали? — повторил Миша и, обращаясь к Борьке, сказал: — Верно, Борька, я говорю?

— Ты чего меня агитируешь? — ответил Борька. — В пионеры, что ли, хочешь записать? Не нужны мне ваши пионеры. Зря стараешься.

— Тебя никто и не примет! — крикнул Генка.

— Подожди, — остановил его Миша и снова обратился к Борьке: — Я тебя не агитирую, я просто так говорю. А с тобой я хотел одно дело сделать. Серьезное дело. Вот только вчера об этом со Славкой говорили… Верно, Славка?

Слава ничего не понимал, но на всякий случай подтвердил, что верно, только вчера говорили.

— Какое такое дело? — недоверчиво спросил Борька.

— Видишь ли, — сказал Миша, — мы новую пьесу ставим, из матросской жизни, и нам нужна матросская форма. Понимаешь? Настоящая тельняшка, брюки, бескозырка. Старую или новую, все равно. Главное, чтоб всамделишное название корабля было. Ленточку бы, например. Вот я и хо-

тел с тобой поговорить. Ведь ты все ходы-выходы знаешь… Может быть, достанешь?

Борька усмехнулся:

— С какой это радости я буду для вас доставать? На дармовщинку хотите? Дураков всё ищете?

— Мы заплатим.

— Гм! — Борька задумался. — А сколько заплатите?

— Посмотреть надо сначала. А сумеешь достать?

— Я что хочешь из-под земли достану. — Он посмотрел на Мишу. — Дашь ножик? Сейчас ленточку принесу.

— Настоящую?

— Настоящую.

— Ладно. Тащи.

Борька поднялся с земли:

— Без обману?

— Точно тебе говорю. Неси. Получишь ножик.

Борька побежал домой.

— В чем дело, Миша? — возмутился Шурка Большой. — Что это за пьесу ты собираешься ставить? Почему я об этом ничего не знаю?

— Я тебе потом расскажу. Это… для другого дела.

— Как это «потом»? Я все же руководитель драм-

кружка. Ты не имеешь права меня обходить.

— Раскипятился… — сказал Генка. — Миша знает, что делает, на то он и звеньевой.

— А я отвечаю за всю художественную часть.

— Ну и отвечай, — пожал плечами Генка, — никто тебе не мешает…

— Тише, — остановил их Миша, — Борька идет…

Борька подбежал к ним; в кулаке он что-то держал.

— Давай ножик!

— Покажи сначала.

Борька чуть разжал и показал краешек смятой черной ленточки.

Миша протянул руку:

— Дай посмотрю. Может, она не настоящая.

Борька быстро сжал кулак:

— Так я тебе и дал… Ножик давай сначала. Не беспокойся, настоящая. Головой отвечаю.

Эх, была не была! Миша протянул Борьке ножик.

Тот схватил его и передал Мише ленточку. Миша развернул ее. Сзади на него навалились Генка и Слава.

И на потертой ленточке мальчики увидели отчетливые следы серебряных букв: «Императрица

Мария».

Глава 46
Проекты

Теперь беспризорники каждый день приходили на площадку. Они приводили с собой товарищей, играли с пионерами в лапту, в волейбол, слушали Шурины рассказы, но заставить их снять свои лохмотья было невозможно, хотя стояли жаркие июльские дни.

Воздух был пропитан терпким запахом горячего асфальта. Асфальт варился в больших котлах, дымился на огороженных веревкой тротуарах.

Трамваи, свежевыкрашенные, с рекламными вывесками на крышах, медленно ползли по улицам, отчаянно трезвоня каменщикам, перекладывавшим мостовую. Дворы были завалены паровыми котлами, батареями, трубами, кирпичом, бочками с цементом и известью. Хозяйство Москвы восстанавливалось…

— «Циндель» пустили, — объявлял всезнающий Генка, показывая на дальний дымок, поднимавшийся из невидимой за домами фабричной трубы. — Вчера пустили, а завтра «Трехгорка» пойдет в ход.

— Все ты знаешь, — насмешливо отвечал Миша, — даже из чьей трубы дым идет. А вот это что? — Он показал на работавших на столбах монтеров.

— Как — что? Сам видишь: электричество починяют.

— «Электричество починяют»! — передразнил Миша. — Много ты знаешь! А почему починяют?

— Испортилось, наверно.

— Эх ты! Каширскую электростанцию пустили, вот почему. Она на угле работает. Теперь фонари будут всю ночь гореть, и не по одной, а по обеим сторонам улицы. Понял? И Шатурскую станцию начали строить… та на торфе… А вот на Волхове первую гидроэлектростанцию строят, ее будет вода вертеть…

— Все это я сам, без тебя знаю, — сказал Генка. — Думаешь, ты один только газеты читаешь?

У Генки дома действительно лежала целая кипа газет: все это были номера «Известий» за одно и то же число. В этом номере, в графе «В фонд помощи голодающим Поволжья», было написано: «От детей жилтоварищества № 267–287 рублей». Все ребята очень этим гордились, а Генка всегда таскал газету с собой и всем показывал.

Дни проходили, а мальчики не могли приду-

мать, как же им добыть ножны. Теперь, когда было твердо установлено, что Филин — это тот самый Филин, нужно было окончательно выяснить, видел ли Миша у филателиста ножны или это был просто веер. Но как это сделать?

— Залезть к старику, и всё, — говорил Генка. — Раз они бандиты, так и нечего с ними церемониться.

— Как же ты собираешься к нему залезть? — спросил Слава.

— Очень просто: через форточку. А еще лучше — Коровину поручить. Он знает, как такие дела делаются.

— Ты лучше помалкивай, — сказал Миша, — из-за тебя теперь нельзя к старику показаться. Ведь попробовали вчера, а он даже в магазин не пустил. Факт, что подозревает. А Коровина нечего сюда ввязывать. Новое дело: будем его подбивать в форточку залезть! Что он о пионерах подумает! Ведь он ничего не знает о кортике. Тут что-то другое надо придумать.

И Миша действительно придумал. Только мысль эта пришла к нему несколькими днями позже — во время поездки отряда в двухдневный лагерь на озеро Сенеж.

Глава 47
Сборы в лагерь

В день выезда в лагерь Миша проснулся рано утром.

В комнате уже было светло; за окном в предутреннем тумане виднелись серые стены соседнего корпуса. Кое-где в окнах горели утренние огни, тусклые и беспокойные.

Миша вскочил с кровати:

— Мама, который час?

— Пять. Поспи еще, успеешь.

Мама двигалась по комнате, собирая завтрак.

— Нет, надо вставать. — Миша быстро одевался. — Нужно еще за ребятами зайти. Наверно, спят.

— Только поешь сначала, — сказала мама.

— Сейчас.

Миша наспех умылся и теперь собирал свой вещевой мешок.

— Мама, — отчаянно закричал он, — где же ложка?

— Там, где ты ее положил.

— Да нет ее! — Миша торопливо рылся в меш-

ке. — Ага, вот она.

— Никто не трогал твоего мешка. — Мама зевнула и зябко передернула плечами. — И не копайся там, ты все перевернешь. Пей чай, я сама одеяло скатаю.

— Нет, нет, ты не знаешь как. — Миша скатал одеяло и привязал его к мешку, на котором болтались уже кружка и котелок. — Вот как надо!

— Хорошо… Делай сам. Только не потеряй там ничего и, пожалуйста, далеко не плавай.

— Сам знаю. — Миша, обжигаясь, прихлебывал чай на краю стола с откинутой скатертью. — Ты меня все маленьким считаешь, и напрасно… Вот вернусь из лагеря, обязательно эту штуку сломаю. — Он показал на сложенную в углу печь. — Скоро паровое отопление пустят. Знаешь, как тепло будет!

— Когда пустят, тогда и сломаем, — ответила мама.

С мешком за плечами Миша выбежал из квартиры. В дверях он столкнулся с шедшим к нему Генкой. Генка тоже был в походной форме. Миша послал его во двор собрать остальных ребят, а сам поднялся к Славе.

Как и следовало ожидать, Слава еще не проснулся.

— Так и знал! — рассердился Миша. — Сколько можно спать?

— Ведь мы договорились, что ты за мной зайдешь, — оправдывался Слава, потягиваясь и протирая глаза.

— Нужно на себя надеяться. Одевайся быстрей!

Из спальни вышел Константин Алексеевич, Славин отец. Его большой живот спускался на ремешок, поддерживавший брюки. Низкий ворот вышитой рубашки открывал мощную грудь, заросшую рыжими волосами. И без того маленькие глазки теперь, со сна, казались совсем узенькими щелочками на полном, добродушном лице.

— Ну, пионеры, — зевая, произнес Константин Алексеевич, — в поход? — Он протянул Мише руку: — Здравствуйте! С утра подчиненных пробираете! Муштруйте их, муштруйте!

— Здравствуйте, — ответил Миша. — Мы просто так разговаривали.

Он всегда почему-то смущался, встречаясь с Константином Алексеевичем. Мише казалось, что тот в душе посмеивается над ним и вообще над ребятами. К тому же технический директор фабрики — «спец», как говорила Агриппина Ти-

хоновна.

— Ну-ну, разговаривайте.

Шлепая туфлями, Константин Алексеевич вышел в кухню. Вскоре оттуда послышалось шипенье примуса.

«Чай затевают! — тоскливо подумал Миша. — Опоздаем мы из-за этого Славки!»

— Костя! — донесся из спальни голос Аллы Сергеевны. — Костя!

— Папа в кухне, — громко ответил Слава.

— Слава! Слава!

— Что?

— Скажи папе, чтобы котлеты завернул в вощеную бумагу.

— Хорошо, — ответил Слава, продолжая зашнуровывать ботинки.

— Не «хорошо», а иди сейчас скажи ему!

Слава промолчал.

— Кто к тебе пришел? — снова раздался голос Аллы Сергеевны.

— Миша.

— Миша? Здравствуйте, Миша!

— Здравствуйте! — громко ответил Миша.

— Мишенька, голубчик, — заговорила Алла Сергеевна, не вставая с кровати, — я вас очень прошу: не позволяйте Славе купаться. Ему врачи

категорически запретили.

Слава покраснел и отчаянно затеребил шнурки ботинок.

— Хорошо, — улыбнулся Миша.

— И вообще, — продолжала Алла Сергеевна, — посмотрите за ним. Без вас я бы не пустила его. Вы рассудительный мальчик, и он вас послушает.

— Хорошо, я посмотрю за ним, — ответил Миша и скорчил Славе рожу.

В комнату с чайником и проволочной подставкой в руках вошел Константин Алексеевич.

— Ну, путешественники, — сказал он, ставя чайник на стол, — пейте чай.

— Спасибо, — ответил Миша, — я уже позавтракал.

— Костя, — снова раздался из спальни голос Аллы Сергеевны, — что ты там возишься? Разбуди Дашу!

— Не нужно, — ответил Константин Алексеевич, нарезая хлеб, — уже все готово.

— Скажи Даше… — продолжала Алла Сергеевна, — скажи Даше: когда придет молочница, пусть возьмет только одну кружку.

— Хорошо, скажу. Ты спи, спи…

— Разве я могу заснуть! — капризным голосом ответила Алла Сергеевна. — Ну зачем ты

разрешил ему ехать! Я теперь два дня должна беспокоиться. А у меня сегодня концерт.

— Ничего, пусть съездит. — Константин Алексеевич лукаво посмотрел на мальчиков. — Как же ему не разрешишь?

— Нет, нет… это безумие! Отпускать ребенка на двое суток, одного, неизвестно куда, неизвестно зачем… Слава! Не смей там бегать босиком!

— Хорошо, — пробурчал Слава, допивая чай.

— Ну-с, — продолжая улыбаться, спросил Мишу Константин Алексеевич, — куда вы побросали тиски, которые я вам дал?

— Мы их не побросали, — ответил Миша. — Они в Доме пионеров, в слесарной мастерской.

— На наших тисках весь дом работает?

— Что вы! — Миша рассмеялся. — Там собрано оборудование со всего района.

— Так уж со всего района?

— Да-а… Ведь там, кроме слесарной мастерской, есть еще столярная, швейная, сапожная, переплетная…

— Скажите, целый комбинат!

— Только ты пожадничал, — сказал Слава, натягивая на плечи мешок, — а вот директор «Напильника» целый токарный станок дал.

— Да ведь у меня токарных станков нет. — Кон-

стантин Алексеевич с деланным огорчением развел руками. — Пожалуйста, берите ткацкий. Я вам большой дам, вот с эту комнату… Не хотите?

— Ты всегда смеешься! — сказал Слава. — Пошли, Миша.

Прощаясь, Константин Алексеевич сказал:

— Все же хотя вы люди и самостоятельные, но постарайтесь вернуться с целыми руками и ногами, а если сумеете, то и с целой головой.

Глава 48
В лагере

Мальчики Мишиного звена только что закончили сооружение большого плота, выкупались и теперь отдыхали на берегу.

Безбрежное, расстилалось перед ними озеро. Облака лежали на его невидимом краю, как лохматые снеговые горы. Острокрылые чайки разрезали выпуклую синеву воды. Тысячи мальков шмыгали по мелководью. Белые лилии дремали на убаюкивающей зыби. Их длинные зеленые стебли путались в прибрежном камыше, где квакали лягушки и раздавался иногда шумный всплеск большой рыбы.

— Главное, нужно как следует загореть, — озабоченно говорил Генка, натирая грудь и плечи какой-то мазью. — Загар — первый признак здоровья. А ну, Мишка, натри мне спину, потом я тебе.

Миша взял у Генки баночку, понюхал, брезгливо поморщился:

— Ну и дрянь! Фу!

— Много ты понимаешь! Это ореховое масло.

Первый сорт. А пахнет банка. Она из-под гуталина.

Миша продолжал брезгливо рассматривать мазь:

— И крошки здесь какие-то, яичная скорлупа…

— Это ничего, — мотнул головой Генка. — У меня, понимаешь, в мешке все перемешалось. Ничего, давай мажь!

— Нет! — Миша вернул Генке банку. — Сам мажься. Я к ней притрагиваться не хочу.

— И не надо. Вот увидишь: к вечеру буду как бронза.

— Пошли, ребята, — сказал Слава. — Вон Коля идет.

Мальчики пошли к лагерю, к разбитым на опушке леса серым остроугольным палаткам.

В середине лагеря уже высилась мачта. Завтра утром будет торжественный подъем флага. Свежевскопанная и утоптанная ребячьими ногами земля вокруг мачты серым бугорком выделялась на опушке. Кругом земля была коричневая, в опавшей сосновой коре, желтых иглах и сухих, потрескивающих ветках.

Из-за крайней палатки доносились крики хлопотавших у костра девочек. Над костром, на укрепленной на двух рогатках палке, висели

котелки. Запах подгоревшей каши быстро распространился по лагерю.

— Чего они орут? — сказал Генка. — Девчонки ничего не могут делать спокойно. Обязательно крик поднимут. Простое дело — кашу сварить, а они шумят, будто быка жарят.

Из лесу вышел Коля, окруженный беспризорниками — теми, что уже регулярно ходили на отрядную площадку. Все они были в своих лохмотьях, один только Коровин был обнажен до пояса.

«Интересно, куда их Коля водил? — думал Миша. — Конечно, он увел их нарочно, пока лагерь устраивали. К работе они не привыкли. Пока устраивался лагерь, они бы заскучали, а может быть, и вовсе разбежались. Но куда он их все же водил?»

— Вы куда ходили? — спросил Миша у Коровина.

— В деревню.

— Зачем?

— Хлеба смотрели, молотьбу… — Он вздохнул. — Мы раньше тоже… И корова у нас была…

Миша с восхищением посмотрел на Колю. Он стоял у костра, окруженный девочками, и пробовал кашу, смеясь и дуя на ложку.

«Какой он все-таки умный, — думал Миша. — Повел этих ребят в деревню. Ведь все они деревенские. И он повел туда, чтобы ребята вспомнили свой дом, свою семью…»

— Еще на станцию ходили, — продолжал Коровин.

— Зачем?

— Детдом там… Смотрели, как ребята живут.

— Ну, как у них, хорошо?

— Ничего живут, подходяще… Свой огород имеют…

«И в детдом их нарочно повел», — подумал Миша.

Миша подошел к костру.

— Ну как я буду все делить? — плачущим голосом говорила Зина Круглова. — Тут сто всяких продуктов! Никто не принес одинаковые. Вот, — она показала на разложенную возле костра провизию, — вот… котлет пять штук, селедок — восемь, яиц — двенадцать, мяса девять кусков, воблы — четыре, крупы все разные. — Она обиженно замолчала и вдруг расхохоталась: — А второе звено рыбы наловило — шестнадцать пескарей… — И ее красное от жары лицо с маленьким вздернутым носиком стало совсем круглым.

— Мелковата рыбешка, — согласился Коля. —

Ничего, пообедаем, только пальчики оближете…

Глава 49
Генерал-квартирмейстер

И действительно, пообедали.

Каша чудесно пахла дымом, вареной воблой, в чае плавали еловые иглы, капельки жира и яичная скорлупа.

Ели сделанными из бересты ложками, рассевшись вокруг костра. Вверху шумели сосны, встревоженно каркали вороны. Коля распрямил кусок проволоки, нанизал на него кусочки мяса и тут же сделал шашлык. Всем досталось по маленькому кусочку, но зато шашлык был настоящий…

После обеда Коля сказал:

— Завтра мы с детским домом проведем большую военную игру «Взятие Перекопа». Чтобы не ударить лицом в грязь, сегодня немного потренируемся. Вон там будет штаб белых. — Он показал на рощицу на правом берегу озера. — Задача: проникнуть в штаб белых и захватить их флаг. Врангелем назначается Шура Огуреев, а Генка Петров — начальником штаба.

— Почему мы будем белыми? — запротестовал

Генка.

— Действительно, — сказал Шура. — Это несправедливо. К тому же у белых не было должности начальника штаба. Он назывался генерал-квартирмейстером.

— Хорошо, — улыбнулся Коля, — значит, Генка будет генерал-квартирмейстером. А приказ выполняйте! Как только услышите сигнал трубы — игру кончить и всем собраться в лагере.

Шура и Гена страшно обиделись этим назначением, и когда Перекоп был взят и штаб белых разгромлен, Врангель и его генерал-квартирмейстер исчезли.

Их долго искали, несколько раз трубили в горн, но они явились только к вечеру.

Впереди шел Шура, а за ним с поникшей головой, охая и вздыхая, как будто его только что поколотили, плелся Генка.

Они подошли и молча остановились в нескольких шагах от Коли.

— Зачем пришли? — сухо спросил Коля.

— Мы сдаемся, — с важным видом объявил Шура.

— Почему вы не явились по сигналу?

Шура начал приготовленную заранее речь.

— Мы решили, — сказал он, — соблюдать

историческую правду. Нужно следовать действительности исторических событий. Ведь Врангель удрал из Крыма. Вот и мы скрылись. — Он помолчал, потом добавил: — А если, по-вашему, это неправильное толкование роли, то прошу впредь меня Врангелем не назначать.

— Почему же вы все-таки пришли?

Шура показал на Генку:

— Мой генерал-квартирмейстер опасно заболел.

«Генерал-квартирмейстер» действительно имел жалкий вид. Лицо его горело, как в лихорадке, глаза были красные. Он болезненно передергивался всем телом, как будто его кололи иглами.

— Что с тобой, Генка? — спросил Коля.

Генка молчал.

— Тяжелое повреждение кожных покровов, — ответил за него Шура.

Коля поднял Генкину рубашку, и все увидели, что спина у Генки покрыта большими волдырями.

— Мазался чем-нибудь? — спросил Коля.

— Ма… мазался, — пролепетал Генка.

— Чем?

— Оре… ореховым маслом.

— Покажи.

Болезненно морщась, Генка вытащил из кармана баночку и протянул ее Коле.

Коля понюхал, потом спросил:

— Где ты ее взял?

— Сам… сам сделал… по рецепту.

— По какому рецепту?

— Борька-Жила дал.

— Это смесь цинковой мази с сапожным кремом, — сказал Коля. — Эх ты, провизор…

Несчастного Генку смазали вазелином и уложили в палатку.

Глава 50
Костер

Вечером отряд расположился вокруг зажженного на берегу костра.

Луна проложила по озеру сверкающую серебряную дорожку. Под черной громадой спящего леса белели маленькие палатки. И только звезды, сторожа уснувший мир, перемигивались, посылая друг другу короткие сигналы.

Коля рассказывал о далеких, чужих странах: о маленьких детях, работающих на чайных плантациях Цейлона; о нищих, умирающих на улицах Бомбея; об измученных горняках Силезии и бесправных неграх Соединенных Штатов Америки.

Вспыхивающее пламя вырывало из темноты лица ребят, галстуки, худощавое Колино лицо с косой прядью мягких волос, падающих на бледный лоб. Хворост трещал под огнем и распадался на маленькие красные угольки, горевшие коротким фиолетовым пламенем. Иногда уголек выскакивал из костра, и тогда кто-нибудь из ребят осторожно подталкивал его обратно в огонь к жарким, пылающим поленьям.

И еще Коля рассказывал о коммунистах и комсомольцах капиталистических стран, отважных солдатах мировой революции.

Миша лежал на животе, подперев кулаками подбородок. Лицу его было жарко от близости огня, по ногам и спине пробегал тянущий с озера холодок. Он слушал Колю, и перед его мысленным взором вставали суровые образы бесстрашных людей, сокрушающих старый мир. Он представлял их себе идущими на казнь, мужественно переносящими пытки в тюрьмах и застенках, поднимающими народ на восстание. Его охватывала жажда подвига, и он мечтал о жизни, подобной этой, до последнего вздоха отданной революции…

Коля кончил беседу и приказал дать отбой. Протяжные звуки горна всколыхнули воздух и дальним эхом отозвались за верхушками деревьев. Все разошлись по палаткам. Лагерь уснул.

Миша не спал. Он лежал в палатке и через открытую полость смотрел на звезды.

Рядом с Мишей, вытянувшись во весь свой длинный рост и с головой покрывшись одеялом, спал Шурка Большой. За ним, съежившись и чуть посапывая, — Слава. А вон ворочается и стонет Генка… Ребята спали на мягких еловых ветках,

уткнув головы в самодельные, набитые травой подушки.

Хрустнула ветка. Миша прислушался. Это часовые. Из палатки девочек послышался тихий, приглушенный смех. Наверно, Зина Круглова. Все ей смешно…

Он почему-то вспомнил Лену и Игоря Буш. Где они теперь, эти бродячие акробаты? Давно ребята их не видели, почти все лето. Где их ослик, тележка? Генка все мечтал об этой тележке, хотел рекламу на ней по городу возить, чтобы в кино бесплатно пускали… Чудак Генка!

Миша представил себе Генку возящим тележку по московским улицам, и вдруг неожиданная мысль пришла ему в голову.

Тележка… тележка… Как это он раньше не сообразил! Миша даже привстал от волнения. Вот это идея! Это будет здорово! Он ясно представил себе всю картину. Черт возьми, вот это да!

Ему захотелось сейчас же разбудить Генку и Славу и поделиться с ними своим планом… но ничего, он завтра им расскажет. Теперь самое главное — найти Бушей, а там… Миша еще долго не мог заснуть, обдумывая возникший у него такой верный, чудесный план…

Потом он заснул. Шаги часовых удалились, смех

в палатке девочек прекратился, и все стихло.

Потухший костер круглым пятном чернел на высоком, залитом лунным светом берегу. В его пепле еще долго попыхивали и гасли маленькие огоньки. Вспыхивали и гасли, точно играя в прятки меж обгоревших и обуглившихся поленьев.

Глава 51
Таинственные приготовления

Кончился август. Зябнувшие бульвары плотнее закутывались в яркие ковры опавших листьев. Невидимые нити плыли в воздухе, пропитанном мягким ароматом уходящего лета.

После одного сбора отряда Миша, Генка и Слава вышли из клуба и направились к Новодевичьему монастырю.

В расщелинах высокой монастырской стены гнездились галки. Их громкий крик оглашал пустынное кладбище. Унылая травка на могильных холмиках высохла и пожелтела. Металлические решетки вздрагивали, колеблемые резкими порывами ветра.

— Придется подождать, — сказал Миша.

Друзья уселись на низкой скамейке, опиравшейся на два шатких столбика и совсем припавшей к земле.

— Половину покойников хоронят живыми, — объявил Генка, поглядывая на могилы.

— Почему? — спросил Слава.

— Кажется, что человек умер, а на самом деле

он заснул летаргическим сном. В могиле он просыпается. Пойди тогда доказывай, что ты живой.

— Это бывает, но редко, — сказал Миша.

— Наоборот, очень часто, — возразил Генка. — Нужно в покойника пропустить электрический ток, тогда не ошибешься.

— Новая теория доктора медицины Геннадия Петрова! — объявил Миша.

— Прием от двух до четырех, — добавил Слава.

— Смейтесь, смейтесь, — сказал Генка. — Похоронят вас живыми, тогда узнаете. Смейтесь! — Он обиженно умолк, потом нетерпеливо спросил: — Когда они придут?

— Придут, — ответил Миша. — Раз обещали — значит, придут.

— Может быть, все же лучше не затевать этого дела? — сказал Слава, взглянув на ребят.

— А что же? — спросил Миша.

— Можно пойти в милицию и все рассказать.

— С ума сошел! — рассердился Генка. — Чтобы милиции весь клад достался, а мы с носом?

— В милицию мы успеем, — сказал Миша. — Прежде надо все как следует выяснить, а то засмеют нас, и больше ничего… В общем, как решили, так и сделаем.

Из-за монастырской стены показались Лена и

Игорь Буш. Они поздоровались с мальчиками и сели рядом на скамейку.

Лена была в демисезонном пальто и яркой косынке. Игорь, в костюме, с галстуком и в модном кепи, имел, как всегда, серьезный вид. Усевшись на скамейке, он посмотрел на часы и пробасил:

— Кажется, не опоздали.

Лена, улыбаясь, оглядела мальчиков:

— Как поживаете?

— Ничего, — ответил за всех Миша. — А вы как?

— Мы тоже ничего. Только недавно вернулись из поездки.

— Где были?

— В разных местах. В Курске были, в Орле, на Кавказе…

— Хорошо на Кавказе! — сказал Генка. — Там урюк растет.

— Положим, урюк там не растет, — заметил Слава.

— Как с нашей просьбой? — спросил Миша.

— Мы всё устроили, — пробасил Игорь.

— Да, — подтвердила Лена, — мы договорились. Можете ее взять. Но зачем она вам нужна? Она вся сломана.

— Резина совершенно негодная, — сказал

Игорь.

— Это неважно, — сказал Миша, — мы ее починим.

— Но зачем вам нужна эта тележка? — допытывалась Лена.

— Для одного дела, — уклончиво ответил Миша.

— Знаете, ребята, — сказала вдруг Лена, — я уверена, что вы ищете клад.

Мальчики растерянно вытаращили глаза.

— Почему ты так думаешь? — Миша покраснел.

Она рассмеялась:

— Глядя на вас, это очень легко отгадать.

— Почему?

— Вы хотите знать почему?

— Да, хотим знать почему.

— Потому что у людей, которые ищут клад, бывает ужасно глупый вид.

— Вот и не угадала, — сказал Генка, — никакого клада мы не ищем. Сама понимаешь: уж кто-кто, а я такими пустяками ведь не стану заниматься.

— Ладно, — сказал Миша, — шутки в сторону. Когда мы можем взять тележку и сколько мы должны за нее заплатить?

— Можете взять ее в любое время, — сказала

Лена, — а платить ничего не надо. Она цирку больше не нужна.

— Списана по бухгалтерии, — солидно добавил Игорь. Он встал, посмотрел на часы: — Лена, нам пора.

Мальчики проводили Бушей к трамваю. Возле остановки притопывал ногами, потирая зябнущие руки, лоточник. Его фуражка с золотой надписью «Моссельпром» была надвинута на самые уши, и завитушка, идущая от последней буквы, согнулась пополам. Мальчики купили «Прозрачных», угостили ими Бушей. Потом Лена и Игорь уехали. Друзья по Большой Царицынской, через Девичье поле, отправились домой.

Глава 52
Рекламная тележка

На пустынном сквере осенний ветер играл опавшими листьями. Он собирал их в кучи, кружил вокруг голых деревьев, метал на серый гранит церковных ступеней, шуршал ими по одиноким скамейкам, бросал под ноги прохожим и грязными, растоптанными клочьями волочил вверх по Остоженке, где забивал под колеса яркой рекламной тележки, стоявшей на углу Всеволожского переулка.

На тележке были укреплены под углом два фанерных щита с развешанными на них афишами новой кинокартины — «Комбриг Иванов». Вверху, там, где щиты сходились, качались вырезанные из фанеры буквы: «Кино арбатский Арс».

Постоянные прохожие Остоженки привыкли к тележке, уже несколько дней неизменно торчавшей на углу. Вечером за ней являлся мальчик и увозил ее. Лысый старик, хозяин филателистического магазина, всегда ругал мальчика за то, что он ставит тележку против магазина. Мальчик ничего ему не отвечал, подкладывал камни под

колеса и спокойно удалялся.

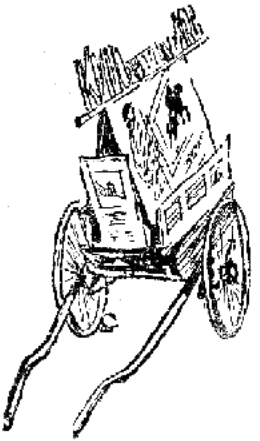
Однажды вечером мальчик явился, вынул камни из-под колес тележки, вкатил ее во двор и пошел в дворницкую.

Дворник, худой рыжий татарин, сидел на широкой кровати, свесив на пол босые ноги.

— Дяденька, — сказал мальчик, — моя тележка сломалась. Можно ей постоять во дворе?

— Опять сломалси, — дворник лениво посмотрел в окно, — опять сломалси. — Он зевнул, похлопал ладонью по губам. — Пущай стоит, нам развы жалка…

Мальчик вышел, внимательно осмотрел тележку, тронул верхнюю планку, тихонько стукнул по щиту и ушел.



Двор пустел. В окнах гасли огни. Когда совсем стемнело, из подъезда черного хода вышли старик филателист и Филин. Они остановились у самой тележки. Старик вполголоса спросил:

— Значит, решено?

— Да, — раздраженным шепотом ответил Филин, — чего ему ждать? Год, как вы его за нос водите.

— Сложный шифр, — пробормотал старик, — по всем данным — литорея, а вот, поди ты, без ключа не могу прочесть.

— Если б вы знали, что там есть, — зашептал Филин, наклоняясь к старику, — то прочли бы.

— Понимаю, понимаю, да что делать! — Старик развел руками. — Выше головы не прыгнешь. Может, подождет еще Валерий Сигизмундович. Право, лучше подождать.

— Не хочет он больше ждать. Понятно? Не хочет. Так что к воскресенью всё приготовьте. И остальное все. Я сам не приду: мальчонку пришлю.

Филин ушел. Шамкая беззубым ртом, старик побрел в подъезд. В освещенном окне появилась его сгорбленная фигура. Старик медленно передвигался по кухне. Наклонившись, он подкачал примус. Длинные красные языки высовывались из-под чайника, облизывая его крутые бока.

Потом старик начал чистить картошку. Чистил он ее медленно, аккуратно. Кожура длинной, изломанной лентой свисала все ниже и ниже, пока не падала в ведро.

Из кухни старик перешел в комнату и склонился над столом. Некоторое время он стоял неподвижно, потом поднял голову, посмотрел в окно, перед которым стояла тележка, и начал задергивать занавеску. Задергивал он ее одной рукой. В другой он держал ножны. Они были

теперь отчетливо видны. Черные, кожаные, с металлическим ободком наверху и шариком на конце…

Вышел дворник, почесался, глядя на луну, зевнул и пошел к воротам. Только он хотел их закрыть, как появились Генка и Слава.

— Бери свой тележка, — сказал дворник, — в порядке тележка. Бери.

Мальчики вынули камни из-под колес тележки и выкатили ее на улицу. Дворник запер ворота…

Мальчики вкатили тележку в безлюдный переулок, отодвинули верхнюю планку и раздвинули щиты. Из тележки выскочил Миша…

Поздно ночью вернулся Миша домой. Мамы не было дома: она работала в ночной смене.

Миша разделся и лег в постель. Он лежал с открытыми глазами и думал.

Здорово они придумали с тележкой! Целую неделю изо дня в день следили они из нее за магазином старика. Провожая посетителей, старик разговаривал с ними возле тележки и не догадывался, что там кто-то сидит. Ночью они ставили тележку во дворе и таким образом узнали весь распорядок жизни старика. И ножны несколько раз видели. Если снять ободок и вывернуть шарик, они разворачиваются веером. На веере

что-то написано. Непонятно только одно: старик сказал Филину, что без ключа он не может расшифровать, но ведь ключ-то у него в ножнах. Что же он расшифровывает?

Ладно. Нужно добыть ножны, тогда видно будет. Того высокого зовут Валерий Сигизмундович. Ясно, что это Никитский.

Они его, правда, больше не видели, но важно завладеть ножнами, а Никитский потом никуда не денется. Теперь дело будет проще. Борьку-то они сумеют надуть. Борька давно на тележку зарится.

С тележкой, конечно, придется расстаться. Правда, за то, что они ее возят, их бесплатно пускают в кино, но все равно — с понедельника в школу, некогда будет. И не к лицу пионерам заниматься такой коммерцией.

Мысли Миши перенеслись на дела отряда. Предстоит детская коммунистическая неделя. Нужно написать письмо пионерам города Хемница, в Германии. Социал-предатели, всякие там Шейдеманы и Носке, совсем обнаглели. И чего это иностранные рабочие терпят до сих пор капиталистов? Рабочих много, а капиталистов мало. Неужели они не могут справиться?

Потом нужно серьезно поговорить с Зиной

Кругловой. Девочки задерживают пошивку белья для детдомов. Правда, на сборе постановили, что шить будут и мальчики и девочки. Между мужским и женским трудом не должно быть разницы — это, конечно, буржуазный предрассудок, но… все же пусть шьют лучше девочки…

Глава 53
Ножны

Посвистывая, Борька-Жила шел по Никольскому переулку. В руках он держал пакет, аккуратно обернутый газетой и обвязанный шпагатом. Борька шел не останавливаясь. Отец приказал ему по дороге от филателиста домой нигде не задерживаться и принести пакет в целости и сохранности.

Это приказание было бы выполнено в точности, если бы внимание Борьки не привлекла рекламная тележка кино «Арс». Она стояла на церковном дворе. Вокруг нее собрались Миша, Генка, Слава и беспризорник Коровин. Они рассматривали тележку и о чем-то горячо спорили.

Борька подошел к ним, с любопытством оглядел всю компанию.

— Ты на резинку посмотри, на резинку, — говорил Миша, тыкая ногой в колеса, — одни покрышки чего стоят.

Коровин засопел:

— Цена окончательная.

— Уж это ты брось! — сказал Генка. — Пять

рублей за такую тележку!

— Вы что, тележку продаете? — Борька придвинулся ближе к ребятам.

Миша обернулся к нему:

— Продаем. А тебе что?

— Спросить нельзя?

— Нечего зря спрашивать.

— А я, может, куплю!

— Покупай.

— Сколько просите?

— Десять рублей.

Борька присел на корточки и начал осматривать тележку. Ощупывая колеса, он положил пакет рядом с собой на землю.

— Чего ты щупаешь? — сказал Миша и взялся за ручки. — Колеса-то на подшипниках. Смотри, ход какой. — Он толкнул тележку вперед. — Слышишь ход?

Борька подвигался вместе с тележкой, прислушиваясь к шуму колес с видом большого знатока.

Миша остановился:

— Сама идет. Попробуй.

Борька взялся за ручки и толкнул тележку. Она действительно катилась очень легко.

Генка и Слава тоже подвигались вслед за тележ-

кой, загораживая собой сидевшего возле пакета Коровина.

— А самое главное, смотри. — Миша отъединил планку, раздвинул щиты. — Видал? Можешь хоть спать. Поставил тележку и ложись.

— Ты уж нахвалишь, — сказал Борька, — а резинка-то вся истрепалась.

— Резинка истрепалась? Смотри, что написано: «Треугольник», первый сорт».

— Мало ли чего написано. И краска вся облезла. Нет, вы уж давайте подешевле…

— Ладно, Мишка, — раздался вдруг голос Коровина, сидевшего на прежнем месте, рядом с Борькиным пакетом, — я забираю тележку.

Мишкин азарт вдруг пропал:

— Вот и хорошо. Бери… Прозевал ты тележку, Жила!

— А я, может, дороже дам.

— Нет, теперь уж не дашь.

— Почему? — Борька подошел к своему пакету, поднял его.

— Потому! — Мишка усмехнулся.

Борька недоуменно оглядел ребят. Они насмешливо улыбались, только Коровин, как всегда, смотрел мрачно.

— Не хочешь — как хочешь! — сказал Борька. —

Потом сам будешь набиваться, но уж больше двугривенного не получишь.

Когда Борька скрылся за поворотом, мальчики забежали за церковный придел, и Коровин вытащил из кармана ножны.

Миша нетерпеливо выхватил их у него, повертел в руках, затем осторожно снял сверху ободок и вывернул шарик.

Ножны развернулись веером. Мальчики уставились на них, потом удивленно переглянулись…

На внутренней стороне ножен столбиками были нанесены знаки: точки, черточки, кружки. Точно так же, как и на пластинке кортика.

Больше ничего в ножнах не было.

Часть пятая
Седьмая группа «Б»

Глава 54
Тетя Броша

На уроке математики не оказалось мела.

Преподавательница Александра Сергеевна строго посмотрела на Мишу:

— Староста, почему нет мела?

— Разве нет? — Миша вскочил со своего места и с деланным изумлением округлил глаза. — Перед самым уроком был.

— Вот как! — насмешливо сказала Александра Сергеевна. — Значит, он убежал? Верните его обратно.

Миша выскочил из класса и побежал в раздевалку за мелом. Он прибежал туда и увидел, что тетя Броша, гардеробщица, плачет.

— Ты что, тетя Броша? — спросил Миша, заглядывая ей в глаза. — Ты почему плачешь? Кто тебя обидел?

Никто точно не знал, почему гардеробщицу называли тетей Брошей. Может быть, это было ее имя, может быть, из-за большой желтой броши, приколотой к полосатой кофте у самого подбородка, а возможно, и потому, что она

сама походила на брошку — маленькая такая, толстенькая старушка. Она всегда сидела у раздевалки, вязала чулок и казалась маленьким комочком, приютившимся на дне глубокого колодца из металлической сетки, которой был обит лестничный проем. Она будто бы умела заговаривать ячмени. И действительно: посмотрит на глаз, пошепчет что-то — ячмень через два дня и проходит.

И вот теперь тетя Броша сидела у раздевалки и плакала.

— Скажи, кто тебя обидел? — допытывался Миша.

Тетя Броша вытерла платком глаза и, вздохнув, сказала:

— Тридцать лет прослужила, слова худого не слышала, а теперь дурой старой прозвали. И на том спасибо.

— Кто? Кто назвал?

— Бог с ним, — тетя Броша махнула рукой, — бог с ним!

— При чем тут бог! — рассердился Миша. — Никто не имеет права оскорблять. Кто тебя обругал?

— Стоцкий обругал, Юра. Опоздал он, а мне не велено пускать. Иди, говорю, к директору... А он

мне — «старая дура!» А ведь хороших родителей… И маменька его здесь училась, когда гимназия была. Только, Мишенька, — испуганно забормотала она, — никому, деточка, не рассказывай!

Но Миша ее уже не слушал. Он схватил мел и, прыгая через три ступеньки, помчался в класс.

У доски стоял и маялся Филя Китов, по прозвищу «Кит». Александра Сергеевна зловеще молчала. Кит при доказательстве равенства углов в равнобедренном треугольнике помножил квадрат гипотенузы на сумму квадратов катетов и уставился на доску, озадаченный результатом. Кит остался в седьмой группе на второй год и, наверно, останется на третий. На уроках он всегда дремал или вырезал ножиком на парте, а на переменках клянчил у ребят завтраки. Клянчил не потому, что был голоден, а потому, что был великим обжорой.

— Дальше! — Александра Сергеевна произнесла это тоном, говорящим, что дальше ничего хорошего не будет.

Кит умоляюще посмотрел на класс.

— На доску смотри, — сказала Александра Сергеевна.

Кит снова повернулся к классу своей толстой, беспомощной спиной и недоуменным хохолком

на белобрысой макушке.

Александра Сергеевна прохаживалась между партами, зорко поглядывая на класс. Маленькая, худенькая, с высокой прической и длинным напудренным носом, она все замечала и не прощала никакой мелочи. Когда она отворачивалась, Зина Круглова быстро поднимала руку с растопыренными пальцами, показывая всему классу, сколько минут осталось до звонка. Зина была единственной в классе обладательницей часов и к тому же сидела на первой парте.

Миша с возмущением посмотрел на Юру Стоцкого: «Задавала несчастный! Все ходит с открытыми коленками, хочет показать, какой он закаленный. Воображает себя Печориным. Так и написал в анкете: «Хочу быть похожим на Печорина». Сейчас, после урока, я тебе покажу Печорина!»

Миша вырвал из блокнота листочек бумаги и, прикрывая его ладонью, написал: «Стоцкий обругал Брошу дурой. Броша плачет, нужно обсудить на собрании». В это время он смотрел на доску, и буквы разъехались вкривь и вкось.

Он придвинул записку Славе. Слава прочел ее и в знак согласия кивнул головой. Миша сложил листок, надписал: «Шуре Огурееву и Генке Петро-

ву» — и перебросил на соседнюю парту.

Шурка Большой прочел записку, подумал и написал на ней: «Лучше устроить показательный суд. Согласен быть прокурором». Потом свернул и перекинул записку к сестрам Некрасовым, но Александра Сергеевна, почувствовав сзади себя какое-то движение, быстро обернулась. Все сидели тихо, только Зина Круглова едва успела опустить руку с растопыренными пальцами.

— Круглова, к доске, — сказала Александра Сергеевна.

Кит побрел на свое место.

От сестер Некрасовых записка через Лелю Подволоцкую добралась до Генки. Он прочитал ее и написал внизу: «Нужно его отлупить как следует, чтобы помнил».

Тем же путем записка вернулась к Мише. Он прочитал Шурин и Генкин ответы и показал Славе. Слава отрицательно мотнул головой. Миша придвинул записку к себе и начал на ней что-то писать, как вдруг Слава толкнул его под партой ногой. Миша не обратил внимания. Слава толкнул его вторично, но было уже поздно. Рядом стояла Александра Сергеевна и протягивала руку к записке:

— Что ты пишешь?

Миша смял записку в кулаке и молча встал.

— Покажи, что у тебя в руке!

Миша молчал и не отрываясь смотрел на прибитые к стенам планки для диаграмм.

— Я тебя спрашиваю, — совсем тихо сказала Александра Сергеевна, — что ты писал на уроке? — Она заметила лежавшую под тетрадями книгу и взяла ее. — Это что еще такое? — Она громко, на весь класс, прочла: — «Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала девятнадцатого века». Почему у тебя посторонние книги на парте во время урока?

— Она просто так лежала, я не читал ее, — попробовал оправдаться Миша.

— Записку ты тоже не читал?.. Постыдись! Староста группы, пионер, член учкома… Эту книгу ты получишь у директора, а пока оставь класс.

Ни на кого не глядя, Миша вышел из класса.

Глава 55
Классное собрание

Он вышел из класса и сел на подоконник. В окне виднелись противоположная сторона Кривоарбатского переулка, два фонаря, уже зажженных, несмотря на ранний час, школьная площадка, занесенная снегом.

В коридоре тихо. Только слышно, как падают в ведро капли из бачка с кипяченой водой да сверху, из гимнастического зала, доносятся звуки рояля: трам-там, тара-тара, трам-та-та, трам-та-та, трам-та-та, и на потолке глухо отдается равномерный топот маршировки: трам-та-та, трам-та-та…

Нехорошо получилось! Являйся теперь к директору. Алексей Иваныч, конечно, спросит о книге… Зачем да почему…

И все из-за этого задавалы Юрки-скаута! Он все фасонит. Определенно буржуазный тип.

Раздался звонок. Тишина разорвалась хлопаньем многочисленных дверей, топотом, криком и визгом.

Из класса вышел Юра Стоцкий.

— Ты зачем тетю Брошу обругал? — остановил

его Миша.

— Тебе какое дело? — Юра презрительно посмотрел на него.

— Ты на меня так не смотри, — сказал Миша, — а то быстро заработаешь!

Их окружили ребята.

— Какую привычку взял, — продолжал Миша, — оскорблять технический персонал! Это тебе не дома — на прислугу орать.

— Чего ты с ним, Мишка, разговариваешь! — Генка протолкался сквозь толпу ребят и стал против Юры. — С ним вот как надо!

Он полез драться, но Миша удержал его:

— Постой… Вот что, Стоцкий, — обратился он к Юре, — ты должен извиниться перед Брошей.

— Что? — Юра удивленно вскинул тонкие брови. — Я буду извиняться перед уборщицей?

— Обязательно.

— Сомневаюсь! — усмехнулся Юра.

— Заставим, — твердо сказал Миша. — А если не извинишься, поставлю вопрос на классном собрании.

— Мне плевать на ваше собрание!

— Не доплюнешь!

— Посмотрим.

— Посмотрим.

Перед последним уроком немецкого языка Генка вбежал в класс и закричал:

— Ура! Альма не пришла, собирай книжечки!

— Подожди, — остановил его Миша и крикнул: — Тише, ребята! Сейчас будет классное собрание.

— Ну вот еще!.. — недовольно протянул Генка. — Ушли бы домой на два часа раньше!

— Как будто нельзя в другой раз собрание устроить, обязательно сегодня! — сказала Леля Подволоцкая, высокая красивая девочка с белокурыми волосами.

— Не останусь я на собрание, — объявил Кит, — я есть хочу.

— Останешься. Ты всегда есть хочешь. Будет собрание, и всё. — Миша закрыл дверь.

Когда все сели по местам, он сказал:

— Обсуждается вопрос о Юре Стоцком. Слово для информации имеет Генка Петров.

Генка встал и, размахивая руками, начал говорить:

— Юра Стоцкий опозорил наш класс. Он назвал тетю Брошу старой дурой. Это безобразие! Теперь не царский режим. Небось Алексея Иваныча он так не назовет, побоится, а тетя Броша — простая уборщица, так ее можно оскорблять? Пора прекратить эти барские замашки. Вообще скауты

за буржуев. Предлагаю исключить Стоцкого из школы.

Потом поднялся Слава. После некоторого размышления он сказал:

— Стоцкому пора подумать о своем мировоззрении. Он индивидуалист и отделяется от коллектива. Подражать Печорину нечего. Печорин — продукт разложения дворянского общества. Это все знают. Юра должен извиниться перед тетей Брошей, а исключить из школы — это слишком суровое наказание.

Слово попросила Леля Подволоцкая.

— Я не понимаю, за что пионеры нападают на Юру, — сказала она. — Генка в тысячу раз больше хулиганит, а еще пионер. Это несправедливо. Нужно прежде всего выслушать Юру. Может быть, ничего и не было.

Стоцкий, не поднимаясь с места, глядя в окно, сказал:

— Во-первых, я в скаутах больше не состою. Если Генка не знает, пусть не говорит. Кроме того, он еще не директор, чтобы исключать из школы. Нечего так много брать на себя. Во-вторых, я принципиально не согласен с тем, что закрывают вешалку, — это ограничивает нашу свободу. В-третьих, я вообще ни перед кем отчитываться не

желаю. Извиняться я не буду, так как не намерен унижаться перед каждой уборщицей. Вы можете постановлять что вам угодно, мне это глубоко безразлично.

Потом выступил Шура Огуреев. Он вышел к учительскому столику, обернулся к классу и произнес такую речь:

— Товарищи! Инцидент с тетей Брошей нужно рассматривать гораздо глубже. Что мы имеем, товарищи? Мы имеем два факта. Первый — оскорбление женщины, что недопустимо. Второй — употребление слова «дура». Такие слова засоряют наш язык, наш великий, могучий, прекрасный язык, как сказал Некрасов…

— Не Некрасов, а Тургенев, — поправил его Миша.

— Нет, — авторитетно произнес Шура, — сначала сказал Некрасов, а потом уже повторил Тургенев. Нужно читать первоисточники, тогда будешь знать… Я предлагаю запретить употребление таких и подобных слов.

Весьма довольный своей речью, Шура направился к парте и с важным видом уселся на свое место.

— Кто еще хочет высказаться? — спросил Миша и, увидев, что Зина Круглова хочет, но не реша-

ется выступить, сказал ей: — Говори, Зина, чего боишься?

Зина поднялась и быстро затараторила:

— Девочки, это ужасно! Я сама видела, как тетя Броша плачет. И нечего Юру защищать. А если он нравится Леле, пусть она так и скажет. Потом Шура. Он очень красиво говорил о женщинах, а сам на уроках пишет письма девочкам. Это тоже неправильно... Потом, — продолжала Зина, — я хотела сказать о Генке Петрове. Он на уроках всегда меня расхохатывает. — Тут Зина рассмеялась и села на свое место.

После всех выступил Миша:

— Стоцкий обругал тетю Брошу потому, что считает себя выше ее. А чем он выше тети Броши? Я думаю, ничем. Она тридцать лет работает в школе, приносит пользу обществу, а Юра сидит на шее своего папеньки, в жизни еще пальцем о палец не ударил, а уже оскорбляет рабочего человека. Я предлагаю: Юра Стоцкий должен извиниться перед Брошей, а если он не захочет, передать вопрос в учком. Пусть вся школа обсуждает его поступок.

Классное собрание постановило: обязать Стоцкого извиниться перед тетей Брошей.

Глава 56
Литорея

После собрания Миша явился к директору школы.

Алексей Иваныч сидел в своем кабинете за столом и перелистывал книгу, ту самую, что отобрала у Миши Александра Сергеевна. Он глазами указал Мише на диван и сказал:

— Садись.

Миша сел.

— Что вы обсуждали на собрании? — спросил Алексей Иваныч.

Миша рассказал.

— Постановить — это полдела, — сказал Алексей Иваныч. — Нужно, чтобы Стоцкий осознал низость своего поступка.

Он помолчал, потом спросил:

— А твое поведение обсуждали?

— Какое поведение? — Миша покраснел.

— Посторонние книги читаешь на уроке, записки пишешь.

— Книгу я не читал, — сказал Миша, — она просто так лежала. Записку действительно писал…

— Скажи, Поляков, — Алексей Иваныч внимательно посмотрел на Мишу, — почему тебя интересует холодное оружие?

— Просто так, — ответил Миша, глядя на пол.

— Кроме того, — продолжал Алексей Иваныч, как бы не слыша Мишиного ответа, — ты и твои приятели интересуетесь шифрами. Хотелось бы узнать: зачем?

Миша молчал, и опять, как бы не замечая его молчания, Алексей Иваныч продолжал:

— Возможно, ваши занятия очень интересны, но дают ли они желаемый результат? Если все идет успешно, то продолжайте, а если нет, скажи: может быть, я помогу.

Миша напряженно думал. Может быть, показать пластинку? Вот уж два месяца, как они бьются и не могут прочесть надпись. На обеих пластинках совершенно одинаковые значки, а ключа к ним нет. Значит, Полевой думал, что ключ к шифру в ножнах, а Никитский предполагал, что он в кортике. На самом же деле ни там, ни здесь ключа нет… А пожалуй, надо показать… Уж если Алексей Иваныч не прочтет — значит, никто не разберет.

Миша вздохнул, вынул из кармана пластин-

ку от рукоятки кортика и протянул ее Алексею Иванычу:

— Вот, Алексей Иваныч, мы никак не можем расшифровать эту надпись. Я слыхал, что это литорея, но мы не знаем, что такое литорея.

— Да, — сказал Алексей Иваныч, рассматривая пластинку, — похоже. Литорея — это тайнопись, употреблявшаяся в древнерусской литературе. Литорея была двух родов: простая и мудрая. Простая называлась также тарабарской грамотой, отсюда и «тарабарщина». Это простой шифр. Буквы алфавита пишут в два ряда: верхние буквы употребляют вместо нижних, нижние — вместо верхних. Мудрая литорея — более сложный шифр. Весь алфавит разбивался на три группы, по десяти букв в каждой. Первый десяток букв обозначался точками. Например, «а» — одна точка, «б» — две точки и так далее. Второй десяток обозначался черточками. Например: «л» — одна черточка, «м» — две черточки и так далее. И, наконец, третий десяток обозначался кружками. Например, «х» — один кружок, «ц» — два кружка… Значки эти писались столбиками. Понял теперь?

— Это же очень просто! — удивился Миша. — Теперь я понимаю, как прочесть пластинку!

— Это было бы просто в том случае, — возразил

Алексей Иваныч, — если бы на этой пластинке в каждом столбике было от одного до десяти знаков, а здесь самое большее пять…

Алексей Иваныч сидел задумавшись, потом медленно проговорил:

— Если это литорея, то здесь только половина текста. Где-то должна быть и другая.

Глава 57
Странная надпись

Вот оно в чем дело! Миша пощупал в кармане ножны. Теперь понятно, почему старик не мог расшифровать текст.

— Где-то должна быть вторая половина текста, — повторил Алексей Иваныч и вопросительно посмотрел на Мишу.

Эх, была не была! Миша вынул ножны, снял ободок, развернул их веером и молча положил на стол.

Алексей Иваныч соединил обе пластинки. Миша только сейчас увидел, что на одной из них есть выпуклость, а на другой углубление, показывающее, где их нужно соединять. Как это он раньше не заметил?

Соединив обе пластинки, Алексей Иваныч положил их плашмя и придавил пресс-папье.

— Видишь, — сказал он Мише, — получилась десятизначная литорея. Теперь попробуем читать.

Он встал, подошел к шкафу, снял с полки какую-то книгу, положил ее перед собой и внимательно

перелистал.

— Так, — сказал Алексей Иваныч, заложив страницы двумя пальцами. — Бери карандаш, бумагу и пиши… «с». Написал? «И», «м». Что получилось?

— «Сим», — прочел Миша.

— Хорошо. «Г», «а», «д», «о», «м». Что написал?

— «Гадом», — сказал Миша.

И так, слово за словом, Миша написал следующее:

«Сим гадом завести часы понеже проследует стрелка полудень башне самой повернутой быть».

— Странная надпись, — задумался Алексей Иваныч, — странная. — Он молча разглядывал ножны, потом посмотрел на Мишу и спросил: — Что ты скажешь по этому поводу?

Миша молча пожал плечами.

— Во всяком случае, ты больше меня знаешь, — сказал Алексей Иваныч. — Например: где кинжал?

Миша молча смотрел на пол.

— Раз есть ножны, то должен быть и кинжал, — сказал Алексей Иваныч.

Миша вынул кортик и показал, как закладывается туда стержень.

— Остроумно, — заметил Алексей Иваныч, — это подобие кортика.

— Это кортик и есть, — сказал Миша.

Алексей Иваныч поднял брови:

— Ты уверен в этом?

— Конечно.

— Хорошо, если ты уверен, — говорил Алексей Иваныч, рассматривая кортик. — Рукоятка с секретом — вещь распространенная в средние века. В рукоятки мечей вкладывались мощи святых, и рыцари перед боем «прикладывались к мощам». Отсюда и пошел обычай целовать оружие. Так… — Алексей Иваныч продолжал рассматривать кортик. — Так… Бронзовая змейка, по-видимому, и есть искомый гад. Следовательно, недостает только часов, которые надо завести. Ну, Поляков, теперь рассказывай все, что ты знаешь об этом кортике…

Выслушав Мишин рассказ, Алексей Иваныч некоторое время задумчиво барабанил пальцами по столу, потом сказал:

— Я отлично помню историю гибели линкора «Императрица Мария». Было много шуму в газетах, но этим и кончилось: виновников взрыва не нашли. Но то, что ты рассказал, проливает на все это новый свет. Никитский не мог безнаказанно

убить офицера. Он рассчитывал, что все покроет взрыв. Значит, он знал о том, что готовится взрыв корабля…

Миша удивленно посмотрел на Алексея Иваныча. Действительно! Как это он раньше не сообразил? Значит, Никитский участвовал во взрыве корабля.

— Что ты теперь намерен делать? — спросил Алексей Иваныч.

— Право, не знаю, — сказал Миша. — Мы думали, что после расшифровки все будет ясно; оказывается — нет. — Он вопросительно посмотрел на Алексея Иваныча: — Нужно узнать, кто этот убитый офицер…

— Правильно, — сказал Алексей Иваныч. — Тебе ведь Полевой назвал его имя.

— Да, только имя: Владимир. Но фамилии он сам не знал. Правда… — Миша замялся.

— Что ты хотел сказать? — спросил Алексей Иваныч.

— Мы с ребятами кое-что выяснили о кортике…

— Исследовали?

— Да.

— Хорошо. — Алексей Иваныч встал. — На днях я вас вызову, и вы мне расскажете о своих иссле-

дованиях.

Глава 58
Стенная газета

Через несколько дней в коридоре, возле седьмого класса, висел первый номер стенгазеты «Боевой листок». Газета начиналась Мишиной статьей «Нездоровое увлечение».

НЕЗДОРОВОЕ УВЛЕЧЕНИЕ

В нашей седьмой группе «Б» наблюдается нездоровое увлечение некоторыми личностями, как, например, Печориным и Мери Пикфорд.

Начнем с Мери Пикфорд. Каждая ее картина кончается тем, что она выходит замуж за миллионера. Чего же ей подражать, когда всем известно, что в нашей стране миллионеров нет и вообще их скоро нигде не будет?

Теперь о Печорине.

Во-первых, он дворянин и белый офицер.

Во-вторых, он стопроцентный эгоист. Из-за своего эгоизма он доставляет всем

страдания: губит Бэлу, обманывает Мери (правда, она княжна, но и Печорин сам дворянин), высокомерно относится к Максиму Максимычу.

Печорин даже не скрывает своего эгоизма, он говорит: «Какое мне дело до бедствий и радостей человеческих». Значит, он не уважает общество, его интересует только собственная персона. Отсюда вывод: человек, который не приносит обществу пользы, приносит ему вред, потому что он не хочет считаться с другими людьми. (Это мы видим на одном примере, который недавно обсуждал наш класс.) Из всего этого ясно, что если все будут подражать Печорину и думать только о себе, то все люди передерутся и будет чистейший капитализм.

Поляков

Вслед за этой статьей шли заметки:

ГДЕ СПРАВЕДЛИВОСТЬ?

Как известно, в нашей школе существует кружок по изучению театра и кино. Председателем кружка является выдающийся актер нашего времени Шура Огуреев. Кружок существует полгода, но ни разу не собирался. Зато сам Шура имеет мандат и бесплатно ходит в кино и театр. Сам ходит, а другим контрамарок не выдает. Где справедливость?

Зритель

О ПОРЧЕ МЕБЕЛИ

Некоторые учащиеся любят вырезать на партах ножиком. Этим усиленно занимается Китов, воображая, вероятно, что перед ним лежит колбаса. Пора прекратить эту недопустимую порчу школьной мебели. Тот, кто режет парты, увеличивает разруху.

Шило

О БОЛЬШОЙ ПЕРЕМЕНЕ

Некоторые учащиеся во время большой перемены стараются остаться в классе (мы не будем указывать на личности, но все знают, что этим занимается Геннадий Петров). Этим они мешают проветривать класс и преступно расходуют и без того ограниченный запас кислорода. Пора это прекратить. А кому надо сдувать, пусть сдувает в коридоре.

Зоркий

О КЛИЧКАХ

Учащиеся нашего класса любят наделять друг друга, а также преподавателей кличками. Пора оставить этот пережиток старой школы. Кличка унижает достоинство человека и низводит его до степени животного.

Эльдаров

Вся школа читала «Боевой листок». Все смеялись и говорили, что в заметке о Печорине и Мери Пикфорд написано про Юру Стоцкого и Лелю Подволоцкую.

Прочитав листок, Юра презрительно усмех-

нулся, а на другой день рядом со стенгазетой появился листок такого содержания:

КТО ЭГОИСТ?

(Послание с того света)

Господа!

Я – Григорий Александрович Печорин. Ученик седьмой группы «Б» Михаил Поляков потревожил мой мирный сон. Я встал из гроба, и две недели мой дух незримо присутствовал в седьмой группе «Б». Вот мой ответ.

Поляков утверждает, что я эгоист. Допустим. А как же сам Поляков? Он целые ночи зубрит, чтобы быть первым учеником. Зачем? Затем, чтобы показать, что он лучше и умнее всех. С этой же целью он нахватал себе всякие нагрузки: он вожатый звена, и староста, и член учкома, и член редколлегии.

Спрашивается, кто же из нас эгоист?

Печорин

Эта заметка возмутила Мишу. Все в ней неправда! Разве он зубрит и разве это эгоизм, если он хорошо учится? Ведь ясно, что надо хорошо

учиться. Юра тоже неплохо учится, но ему отец за хорошие отметки всегда что-нибудь покупает. И потом, разве он, Миша, виноват, что его выбрали старостой группы и членом учкома?

— Вот видишь, — говорил ему Генка, — видишь, что Стоцкий вытворяет! Я тебе давно говорил: нужно его вздуть как следует, будет знать…

— Кулаками ничего не докажешь, — сказал Слава, — нужно в следующем номере «Боевого листка» ответить на это загробное послание.

— Дело не в том, что он про меня написал, — сказал Миша, — дело в принципе: что такое эгоизм. Юрка хочет запутать этот вопрос. А мы его должны распутать.

И мальчики начали готовить следующий номер стенной газеты, посвященный вопросу: «Что такое эгоизм?»

Глава 59
Полковой оружейный мастер

В назначенный день Миша, Генка и Слава вошли в кабинет Алексея Иваныча.

Возле Алексея Иваныча сидел человек в шинели и военной фуражке. Он обернулся к мальчикам и осмотрел каждого с ног до головы.

— Садитесь, — сказал Алексей Иваныч. — Миша, ты принес кортик?

Миша нерешительно посмотрел на военного.

— При этом товарище можешь все рассказывать, — сказал Алексей Иваныч.

Военный долго и внимательно рассматривал пластинки, и, когда он положил кортик на стол, Алексей Иваныч сказал ребятам:

— Ну, мы вас слушаем, — и ободряюще улыбнулся им.

Миша оглянулся на друзей и, откашлявшись, произнес:

— Мы установили, что этот кортик принадлежал полковому оружейному мастеру, жившему во время царствования Анны Иоанновны, то есть в середине восемнадцатого столетия.

Алексей Иваныч удивленно поднял брови, военный внимательно посмотрел на Мишу.

— Анны Иоанновны? — переспросил Алексей Иваныч.

— Да, Анны Иоанновны, — сказал Миша.

— Это та, что ледяной дом построила, — вставил Генка.

Он хотел еще что-то сказать, но Слава толкнул его ногой, чтобы не мешал.

— Как вы это установили?

— Очень просто. — Миша взял в руки кортик, вынул из ножен клинок. — Прежде всего клейма. Их три: волк, скорпион и лилия. Видите? Так вот. Волк — это клеймо золингенских мастеров в Германии. Такие клинки назывались «волчата». Они изготовлялись до середины шестнадцатого века.

— Есть такая марка оружия, очень знаменитая, — сказал Алексей Иваныч.

— Изображением волка или собаки, — продолжал смелее Миша, — отмечал свои клинки толедский мастер Юлиан дель Рей, Испания.

— Крещеный мавр, — вставил Генка.

— Он жил в конце пятнадцатого века, — продолжал Миша. — Теперь скорпион. Это — клеймо итальянских мастеров из города Милана. Наконец лилия. Клеймо флорентийского мастера…

— Параджини, — подсказал Генка.

— Да, Параджини. Он тоже жил в начале шестнадцатого века. Вот что обозначают эти клейма. Они обозначают мастеров.

— Кто же из них сделал кортик? — спросил Алексей Иваныч.

— Никто, — решительно ответил Миша.

— Почему?

— Потому что во всех книгах, которые мы прочли, написано, что кортики появились только в начале семнадцатого века, а все эти клейма относятся к шестнадцатому веку.

— Логично, — сказал Алексей Иваныч. — Но зачем же, в таком случае, клейма?

Миша пожал плечами:

— Этого мы не знаем.

— Ребята правы, — сказал вдруг военный, взял у Миши клинок и поднес его к свету. По всей длине клинка тянулись едва заметные волнообразные рисунки в виде переплетенных роз. — Это дамасская сталь. Она изготовлялась только на Востоке. Значит, клейма европейских мастеров не имеют к клинку никакого отношения. По-видимому, мастер, изготовивший этот кинжал, хотел показать, что его клинок лучше самых знаменитых. С этой целью он и поставил эти три клейма.

Миша несколько смутился тем, что военный сразу определил то, над чем мальчики трудились столько времени, но решительно продолжал:

— Тогда мы решили познакомиться с образцами кортиков, употреблявшихся в России. Их было три типа. Во-первых, морской, но он четырехгранный, а этот трехгранный. Значит, не подходит. Во-вторых, кортик егерей, но его длина тринадцать вершков, а нашего — только восемь. Значит, тоже не подходит. Наконец, третий — это кортик полковых оружейных мастеров при императрице Анне Иоанновне. Он имел в длину восемь вершков, наш — тоже. Он был трехгранный, наш — тоже. И другие приметы сходятся. Поэтому мы решили, что этот кортик принадлежал какому-то оружейному мастеру времен Анны Иоанновны.

Миша кончил говорить, постоял немного и сел на диван рядом с Генкой и Славой, с волнением ожидая, что скажут Алексей Иваныч и военный.

— Толково, — сказал военный, — что ж, попробуем искать владельца.

Алексей Иваныч взял со стола большую квадратную книгу. На ее плотной обложке Миша прочел заглавие: «Морской сборник. 1916 год».

— Так вот, — сказал Алексей Иваныч, — при

взрыве линейного корабля «Императрица Мария» погибло три офицера, носивших имя «Владимир». Иванов — мичман, Терентьев — капитан второго ранга, Неустроев — лейтенант. Встает вопрос: кто из них владелец кортика? Сейчас посмотрим некрологи. — Алексей Иваныч перелистал и пробежал глазами несколько страниц. — Иванов… молодой и прочее… Неустроев… исполнительный… — Алексей Иваныч замолчал, читая про себя, потом медленно проговорил: — А вот интересно, прошу слушать: «Трагическая смерть унесла В. В. Терентьева, выдающегося инженера Российского флота. Его незаурядные способности и глубокие познания, приобретенные под руководством незабвенного П. Н. Подволоцкого, давали ему все основания стать для вооружения флота тем, чем был для вооружения сухопутных войск его знаменитый предок П. И. Терентьев».

— Кажется, попали в точку, — сказал военный. — Есть у вас военная энциклопедия, Алексей Иваныч?

— Петров, — сказал Алексей Иваныч, — сбегай к Софье Павловне и возьми для меня военную энциклопедию Гранат на букву Т.

Генка принес книгу, Алексей Иваныч перелистал ее и сказал:

— Есть. Прошу слушать: «Терентьев, Поликарп Иванович. Родился в 1701 году. Умер в 1784 году. Выдающийся оружейный мастер времен Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Служил при фельдмаршале Минихе. Участник сражений при Очакове, Ставучанах и Хотине. Создатель первой конструкции водолазного прибора. Известен как автор фантастического для своего времени проекта подъема фрегата «Трапезунд».

— Вот и пригодился ваш оружейный мастер, — сказал военный.

— Интересное совпадение, — заметил Алексей Иваныч, — упоминаемый в некрологе профессор Военно-морской академии Подволоцкий — дедушка одной из наших учениц.

Мальчики переглянулись. Лелька! Вот здорово!

— Ну, ребята, — сказал военный, — поработали вы на славу. — Он встал. — Кортик, Миша, я пока у тебя возьму. Не беспокойся, придет время — верну. Вижу, что и у тебя какая-то тайна есть. Может быть, скажешь нам?

— Никакой тайны у меня нет, — ответил Миша. — Мы просто хотим открыть секрет кортика.

Военный положил ему руку на плечо:

— Я вам в этом деле помогу. Только дела свои

ограничьте библиотекой. Больше ни во что не ввязывайтесь. Вы свое дело сделали. Фамилия моя Свиридов, товарищ Свиридов. Ну, по рукам, что ли? — Он протянул Мише руку, большую и широкую, как у Полевого, и Миша пожал ее.

Глава 60
Урок рисования

— Новое дело! — негодовал Генка, спускаясь по лестнице. — Мы достали ножны, провели серьезные исследования, из библиотеки не вылезали, всё выяснили, а теперь, когда остается только клад взять, он у нас ножны забрал!

— Он прав, — сказал Слава, — мы можем все дело испортить.

— До сих пор не портили, — проворчал Генка.

— Мешать мы ему, конечно, не должны, — сказал Миша, — но почему нам не узнать про Терентьева? Этим мы никому не помешаем.

Ребята пришли в класс рисования. Вместо парт здесь табуреты и мольберты. На стенах висят работы лучших художников школы — в большинстве эскизы декораций школьных постановок. Под картинами, на полочках, — «мертвая натура»: статуэтки греческих богов, животных, фрукты из папье-маше. Сегодня рисуют статую «классической лошади».

На уроке рисования весело. Можно сидеть в любой позе, вставать, разговаривать. Препода-

ватель рисования Борис Федорович Романенко — ребята называют его «Барфед», — среднего роста, плотный, добродушный пожилой украинец с длинными казацкими усами, расхаживал между мольбертами и поправлял работы.

Миша подсел к Леле Подволоцкой.

— Леля, — сказал он, — у меня к тебе есть вопрос.

— Какой? — спросила Леля, водя глазами от рисунка к натуре.

— Скажи, Подволоцкий, адмирал, профессор Морской академии, — твой дедушка?

— Да. А что? — Леля оторвала глаза от рисунка и с удивлением посмотрела на Мишу.

Миша замялся:

— Видишь ли, у него в академии учился один мой дальний родственник, потом он пропал без вести. Так вот, не знает ли твой дедушка о его судьбе?

— Но дедушка умер давным-давно, — ответила Леля.

— Ах да, — спохватился Миша, — я и забыл совсем. Кто жив из его семьи?

— Бабушка и тетя Соня.

— Как ты думаешь, они не знали дедушкиных учеников?

— Не думаю. Он ведь читал лекции один, без бабушкиной помощи.

— Это я сам понимаю, — с досадой ответил Миша. — Возможно, что некоторых учеников они все же знали.

— Не думаю…

— Секретничаете? — раздался за ними насмешливый голос Юры Стоцкого.

Леля покраснела и растерянно пробормотала:

— Понимаешь, Юра, Миша интересуется моим дедушкой.

— Вот как! — Юра усмехнулся и, круто повернувшись, отошел от них.

Миша пересел к Славе и сказал:

— После этого дедушки остались бабушка и тетя Соня. Вдруг они знали Терентьева?

— Попроси Лелю — она тебя познакомит с бабушкой.

Миша махнул рукой:

— Я уже говорил. Да, свяжись с девчонкой! Юрка Стоцкий подошел, так она ему все раззвонила…

Миша хотел сообщить об этом деле Генке, но увидел, что Генка занят важным делом: он дразнил Кита.

— Кит, а Кит!

— Чего?

— Ты из какого океана?

Кит привык к этой шутке и молчал. Тогда Генка начал его обстреливать из стеклянной трубочки жеваной бумажкой. Он попадал ему в затылок, и Кит, не понимая, в чем дело, проводил по шее ладонью, как бы смахивая муху, к великой потехе Зины Кругловой. Мише, как старосте, конечно, надо бы остановить Генку, но Кит так смешно смахивал несуществующую муху, что Миша сам давился от смеха.

Между тем Кит, одной рукой проводя по затылку, другой тщетно пытался нарисовать лошадь. Ничего у него не получалось.

Борис Федорович постоял возле Кита, затем подошел к доске и начал показывать, что такое пропорции.

— Вам, Китов, — говорил Борис Федорович, рисуя мелом лошадь, — нужно больше живописью интересоваться, развивать художественный вкус. А вы ничем не интересуетесь. Ну-ка, назовите мне великих художников, которых вы знаете.

Кит не знал никаких художников и только сопел, вытаращив глаза на Бориса Федоровича.

— Что вы молчите? — спросил Борис Федорович. — Ведь вы были с нами в Третьяковской галерее. Вспомните, картины каких художников

вы там видели. Вспомните, вспомните…

— Репин, — тихо прошептал Генка позади Китова.

— Репин, — громко повторил Кит.

— Правильно, — сказал Борис Федорович, заштриховывая гриву коня на своем рисунке. — Какие картины Репина вы помните?

— «Иван Грозный убивает своего сына», — подсказал Генка.

— «Иван Грозный убивает своего сына», — грустно повторил Кит.

— Хорошо, — сказал Борис Федорович, деля лошадь на квадраты. — Вспоминайте, вспоминайте.

— Романенко нарисовал лошадь, — давясь от смеха, прошептал Генка.

— Романенко нарисовал лошадь, — провозгласил Кит, и весь класс грохнул от хохота.

— Что? Что вы сказали? — Рука Бориса Федоровича повисла в воздухе.

— Он нарисовал лошадь, — повторил несчастный Кит.

— Кто — он?

— Ну… этот… как его… Романенко, — сказал Кит.

На этот раз никто не рассмеялся. Лицо Бориса

Федоровича побагровело, усы оттопырились. Он бросил мел на стол и вышел из класса…

Глава 61
Борис Федорович

— Не знал я, что он Романенко, — пробурчал Кит, — я думал, Барфед, ну и Барфед.

— Ты думал! — передразнил его Генка. — Я про себя сказал, а ты повторяешь, как попугай! Привык на подсказках выезжать. Теперь не выдавай. Попался, так выворачивайся.

— Знаешь, Генка, — громко, на весь класс, сказал Миша, — это подлость!

— Что ты, Миша? — Генка покраснел. — При чем тут я?

Миша не успел ему ответить. Дверь отворилась, все бросились по местам. В класс вошел Алексей Иваныч.

Высокий, худой, гладко выбритый, он стал у учительского столика и окинул притихший класс отчужденным, неприязненным взглядом.

— Я не намерен обсуждать здесь ваш возмутительный поступок, — начал Алексей Иваныч. — Не намерен. Как и не собираюсь говорить о вашем отношении к Борису Федоровичу, отдавшему столько лет своей жизни вам, детям.

Алексей Иваныч сделал паузу. Все сидели притаив дыхание.

— Я хочу поговорить с вами совсем о другом, — внушительно произнес Алексей Иваныч. — Совсем о другом, — повторил он и оглядел класс. — Должен сознаться, — он поднял брови, — я не знал за Китовым склонности к шуткам. Мне казалось, что его интересы и способности лежат несколько в иной области…

Все отлично поняли, о какой способности говорит Алексей Иваныч, и насмешливо посмотрели на Кита.

— Очевидно, — продолжал Алексей Иваныч, — сидение по два года в каждом классе развивает в Китове остроумие, но должен сказать, что это остроумие очень низкого сорта. Китову, видите ли, кажется очень смешным сравнение великого художника со скромным учителем рисования, а вот я ничего в этом смешного не нахожу. И вот почему не нахожу.

Алексей Иваныч помолчал, посмотрел в окно и продолжал:

— По-видимому, Китов предполагает, что Борис Федорович не стал великим художником из-за своей бесталанности. Могу уверить его, что это не так. Борис Федорович — человек очень талантли-

вый, окончил в свое время Академию художеств, перед ним была открыта широкая дорога к славе, известности, к тому, что, по мнению Китова, только и достойно уважения. А Борис Федорович пошел другой дорогой. Он стал скромным учителем рисования, то есть тем, что, по мнению Китова, уважения недостойно и может служить предметом его глупых шуток.

Китов сидел, не поднимая глаз от парты.

— По окончании академии, — продолжал

Алексей Иваныч, — Борис Федорович еще с некоторыми товарищами, такими же выходцами из народа, как он сам, создал бесплатную художественную школу для детей рабочих. Даже не одну, а несколько таких школ. Они искали способных ребят, привлекали их в школу, приобщали к великому искусству. Что заставило его пойти по этому пути? Его заставил это сделать пример своей собственной жизни, жизни человека из народа, претерпевшего огромные лишения, чтобы добиться права заниматься искусством. Потому что искусство тогда было доступно только богатым и обеспеченным людям. Это было благородное решение. Всю жизнь добиваться одной цели, преодолеть тысячи преград, голодать, холодать, отказывать себе во всем и, когда цель достигнута, отказаться от всех благ, которые могло принести достижение этой цели, во имя другой, трудной, но благородной задачи!.. Борис Федорович решил стать учителем. Он решил посвятить свою жизнь тем маленьким народным талантам, многие тысячи которых гибнут, задушенные всей омерзительной системой капиталистического общества. Вот на что ушла жизнь Бориса Федоровича! Мы с вами, конечно, понимаем, что он во многом ошибался. Нужно

было изменить весь строй, создать общество, обеспечивающее каждому человеку развитие его способностей. Это и сделала Октябрьская революция. Все же, оценивая его жизнь, мы говорим, что такой жизнью можно гордиться. Ею можно гордиться потому, что этой жизнью руководила чистая и благородная цель…

В коридоре раздались шаги. Дверь открылась, и в класс вошел Борис Федорович.

После паузы, вызванной приходом Бориса Федоровича, Алексей Иваныч продолжал:

— Рассказываю я вам все это вот зачем. Великий художник, великий ученый, великий писатель — это звучит очень гордо. Но есть в культуре и незаметная, будничная, но главная работа, и во многом ее делает учитель. Он несет культуру в самую гущу народа. Он бросает первое зерно на ниву таланта, чтобы потом на ней выросли чудесные, прекрасные цветы. И если кто-нибудь из вас станет большим и знаменитым человеком, пусть он, увидя скромного сельского учителя, с почтением снимет перед ним шляпу, помня, что этот маленький и незаметный труженик воспитывает и формирует самое лучшее, самое прекрасное творение природы — Человека.

Алексей Иваныч замолчал. В классе стояла все

та же напряженная тишина.

— Вот о чем я хотел с вами поговорить… — сказал Алексей Иваныч. — А теперь, — он повернулся к Борису Федоровичу, — прошу продолжать урок.

Он вышел из класса.

Генка стоял у своего мольберта и смотрел на Бориса Федоровича.

— Ты чего встал? — спросил Борис Федорович.

— Борис Федорович, — сказал Генка, — извините меня, я вас очень прошу. Это я подсказал Китову, извините меня.

— Ладно, — просто сказал Борис Федорович, — рисуй. — Потом посмотрел на Китова и добавил: — Значит, и киты на удочку попадаются.

И, усмехаясь в усы, Борис Федорович пошел по классу, рассматривая приколотые к мольбертам рисунки «классической лошади».

Глава 62
Бабушка и тетя Соня

Леля все же дала Мише бабушкин адрес. На другой день вечером Миша, Генка и Слава, направляясь к Лелиной бабушке, скользили по ледяным дорожкам, тянувшимся вдоль тротуаров Борисоглебского переулка.

Тихая пелена снежинок струилась в мутном свете редких фонарей. Голубые звезды висели в небе. Над зданием Моссельпрома, выкрашенным в белые и синие полосы, вспыхивала и гасла, пробегая по буквам, электрическая реклама: «Нигде кроме, как в Моссельпроме».

Генка, как обычно за последнее время, был на коньках, прикрепленных к валенкам веревками, затянутыми деревянными палочками. Его старенькое пальтишко было расстегнуто, уши буденовки болтались на плечах.

— Что за безобразие! — негодовал Генка. — Раньше только улицы песком посыпали, а теперь уж до переулков добрались! Жалко им, если человек прокатится. Видно, только на катке придется кататься. Эх, жалко — нет у меня «норвежек», а

то бы я показал Юрке Стоцкому, какой он чемпион…

Они подошли к небольшому деревянному домику.

— Всем идти неудобно, — сказал Миша. — Я пойду один, а вы дожидайтесь меня здесь.

По темной, скрипучей лестнице с шатающимися перилами Миша ощупью добрался до второго этажа и зажег спичку. В глубине заваленной всякой рухлядью площадки виднелась дверь с оборванной клеенкой и болтающейся тесьмой. Миша осторожно постучал.

— Ногами стучите, — раздался в темноте голос поднимавшегося по лестнице человека. — Старухи-то глухие, ногами стучите.

Миша загрохотал по двери ногами. За дверью послышались шаги. Женский голос спросил:

— Кто там?

— К Подволоцким! — крикнул Миша.

— Кто такие?

— От Лели Подволоцкой.

— Подождите, ключ найду.

Шаги удалились. Минут через пять они снова раздались за дверью. В замке заскрежетал ключ. Он скрежетал очень долго, и наконец дверь открылась.

Натыкаясь на какие-то вещи, Миша шел вслед за женщиной. Он ее не видел, только слышал шаркающие шаги и голос, бормотавший: «Осторожно, не споткнитесь, осторожно», как будто он мог что-нибудь видеть в совершенно темном коридоре.

Женщина открыла дверь и впустила Мишу в комнату. Тусклая лампочка освещала столик и разложенные на нем карты. За пасьянсом сидела бабушка Подволоцкая, а тетя Соня вошла вслед за Мишей. Это она открывала ему дверь.

Миша огляделся. Комната была похожа на мебельный магазин. В полном беспорядке стояли здесь шкафы, столы, тумбочки, кресла, сундуки. В углу виднелись округлые контуры рояля. Через всю комнату от железной печи тянулись к окну трубы, подвешенные на проволоке к потолку. На полу валялась картофельная шелуха. В углу облезлая щетка прикрывала кучу мусора, того мусора, который всё собираются, но никак не соберутся вынести. Возле двери стоял рукомойник, и под ним — переполненное ведро.

— Проходите, молодой человек, — сказала бабушка и отвернулась к картам. Края ее потертого бархатного салопа лежали на полу. — Проходите. За беспорядок извините — теснота. — Она задумалась над картами. — От холода спасаемся. (Пауза и шелест карт.) Вот и перебрались в одну комнату: дровишки нынче кусаются…

— Мама, — перебила ее тетя Соня, взявшись за ручку ведра с явным намерением его вынести, — не успел человек войти, а вы уже о дровах!

— Соня, не перечь, — ответила бабушка, не отрывая глаз от карт. — Ты положила на место ключ?

— Положила. Только вы, ради бога, его не трогайте. — Тетя Соня опустила ведро, видимо,

прикидывая, можно ли его еще наполнить.

— Куда ты его положила?

— В буфет, — нетерпеливо ответила тетя Соня.

— Уж и слова сказать нельзя! — Бабушка смешала карты и начала их снова раскладывать. — Постыдилась бы — чужой человек в доме.

Потом бабушка обратилась к Мише:

— Садитесь, — она показала на стул, — только осторожнее садитесь. Беда со стульями. Столяр деньги взял, а толком не сделал. Кругом, знаете, мошенники… Приходит мужчина, прилично одет — хочет купить трюмо. Я прошу десять миллионов, а он дает пятнадцать рублей. И смеется. Каково? — Старушка переложила карты. — Каково? Я ему говорю: «Знаете, милостивый государь, когда миллионы ввели, я год не верила и по твердому рублю вещи продавала, а теперь уж извините, миллионы так миллионы…»

— Мама, — опять прервала ее тетя Соня, все еще в нерешительности стоявшая у ведра, — кому интересно слушать ваши басни? Спросили бы, зачем человек пришел.

— Соня, не перечь, — нетерпеливо ответила бабушка. — Вы, наверно, от Абросимовых? — обратилась она к Мише.

— Нет, я…

— Значит, от Повздоровых?

— Нет, я…

— От Захлоповых?

— Я от вашей внучки Лели. Скажите: вы знали Владимира… Владимировича Терентьева? — одним духом выпалил Миша.

Глава 63
Письма

— Как вы сказали? — переспросила старуха.

Миша медленно повторил:

— Не знали ли вы Владимира Владимировича Терентьева, офицера флота? Он учился в академии у вашего мужа, адмирала Подволоцкого.

— Терентьев Владимир Владимирович? — Старушка задумалась. — Нет, не знавала такого.

— Как же вы не помните, мама! — сказала тетя Соня. Она уже подняла ведро и теперь, вмешавшись в разговор, поставила его обратно. От этого помои еще больше расплескались. — Это несчастный Вольдемар, муж Ксении.

— Ах! — Старушка всплеснула руками. — Ах, Вольдемар! Боже мой! Ксения! — Она подняла глаза к потолку и говорила нараспев: — Вольдемар! Ксения! Боже мой! Несчастный Вольдемар… — Она повернулась к Мише и неожиданно спокойным голосом добавила: — Да, но он погиб.

— Меня интересует судьба его семьи.

— Что же, — старушка вздохнула, — знавала я Вольдемара. И супругу его, Ксению Сигизмундов-

ну, тоже знавала. Только давно это было.

— Простите, — Миша встал, — как вы назвали его жену?

— Ксения Сигизмундовна.

— Сигизмундовна?

— Да, Ксения Сигизмундовна. Красавица женщина, — затараторила старушка, — красавица, картина!..

— Ее брата вы не знали? — спросил Миша.

— Как же, — с пафосом ответила старушка, — Валерий Никитский! Блестящий офицер. Красавец. Он тоже погиб на войне. — Она вздохнула. — Всех знавала, да ушло это время. Мамашу Владимира Владимировича, эту самую Терентьеву… как, бишь, ее… Марию Гавриловну, скажу по правде, я недолюбливала. Из простых… Впрочем, нынче простые в моде…

— Вы не знаете, где они теперь? — спросил Миша.

— Не знаю, не знаю. — Старушка отрицательно покачала головой. — Вся их семья странная, загадочная. Какие-то тайны, предания, кошмары…

— Возможно, вы знаете их прежний адрес?

— В Петербурге жили, а адрес не помню.

— Адрес можно узнать, — сказала вдруг тетя Соня. Она стояла у самой двери с ведром в ру-

ках. — На его письмах к папе есть обратный адрес. Но разве в таком хаосе что-нибудь найдешь!

— Я вас очень прошу, — сказал Миша, переводя умоляющий взгляд с бабушки на тетю Соню и с тети Сони на бабушку. — Знаете, родственник, пропал без вести… — Он вскочил со стула. — Только скажите, что надо сделать. Я вас очень прошу.

— Найди ему, Соня, найди, — благосклонно проговорила бабушка, снова принимаясь за карты.

Тетя Соня колебалась, но представившаяся возможность отложить выливание помоев взяла, видимо, верх. Она поставила ведро обратно в лужу и начала указывать Мише, что надо делать. Он передвинул шкаф, комод, влез на рояль, вытащил ящик, за ним корзину. Тетя Соня нагнулась над корзиной и вытащила из груды бумаг пакет, на котором потускневшими от времени буквами было написано: «От В. В. Терентьева».

— Большое спасибо, — сказал Миша, задвигая обратно корзину и надевая шапку, — большое спасибо!

— Пожалуйста, молодой человек, пожалуйста, — сказала бабушка, не отрывая глаз от карт. — Заходите к нам. До свиданья.

Сжимая в кармане пакет с письмами, Миша выскочил на улицу, к дожидавшимся его ребятам.

Часть шестая
Домик в Пушкине

Глава 64
Слава

Все письма были в одинаковых конвертах. Аккуратным почерком на них был выведен адрес: *«Его Превосходительству Петру Николаевичу Подволоцкому. Москва, Ружейный переулок, собственный дом. От В. В. Терентьева, С.-Петербург, Мойка, дом С. С. Васильевой».*

Содержание писем тоже было одинаково: поздравления с днем ангела, с Новым годом и тому подобное. Только одна открытка, датированная 12 декабря 1915 года, была несколько пространнее.

«Уважаемый Петр Николаевич, — писал в ней Терентьев, — *пишу с вокзала. До поезда тридцать минут, и я, к сожалению, лишен возможности лично засвидетельствовать Вам свое почтение. Задержался в Пушкине, а к месту назначения должен явиться не позднее 15-го сего месяца. Какова бы ни была моя судьба, остаюсь искренне преданный Вам В. Терентьев».*

— Дело в шляпе, — сказал Генка, — нужно ехать в Питер.

— В открытке упоминается еще Пушкино, — заметил Миша.

— Чего тут думать, когда у нас точный адрес есть, — возразил Генка. — Нужно ехать.

— Письма написаны восемь лет назад, — сказал Слава. — Может быть, там никто из Терентьевых не живет.

— Запросим сначала адресный стол, — решил Миша.

Мальчики тут же сочинили письмо, вложили его в конверт, но марки у них не оказалось, и они решили отправить письмо завтра утром.

Мальчики сидели у Славы. Алла Сергеевна, как обычно, была в театре, Константин Алексеевич еще не пришел с работы.

— Да, — мечтательно произнес Генка, поглядывая на лежащий на столе зеленый конверт, — да... Теперь уж клад от нас не уйдет.

— Ты все о кладе мечтаешь, — засмеялся Слава.

— А что? — Генка упрямо тряхнул головой. — Я все точно узнал. В те времена все боялись Бирона и прятали от него сокровища. Это я точно узнал.

— Что ты еще узнал? — насмешливо спросил Миша.

— Еще я узнал, — невозмутимо продолжал Ген-

ка, — что тому, кто найдет клад, принадлежит двадцать пять процентов. Так что нужно свою долю сразу забрать, а то будешь за ней целый год ходить, — добавил он деловито.

Мальчики засмеялись, потом Слава посмотрел на друзей и сказал:

— Конечно, я ни в какой клад не верю. Но допустим, там действительно сокровища. Нам достанется какая-то их часть. Что мы будем с ней делать?

— Я уж давно решил! — воскликнул Генка.

— Что?

— Ты первый скажи, тогда и я скажу.

— Если там действительно клад, — сказал Слава, — то я бы отдал его на детский дом или санаторий для ребят.

— Нет уж, пожалуйста, — замотал головой Генка, — свою долю можешь на это дело отдавать, а моей я сам распоряжусь. Детдомов у нас хватает. И вообще, скоро никаких беспризорных не останется. Если по-серьезному говорить, так нужно, чтобы на эти деньги в Москве, в самом центре, построили большой стадион с катком, футбольным полем и теннисной площадкой. Вот. Для ребят вход бесплатный, а всяких контролеров и билетеров за версту не подпускать.

— Все распределили, ничего не забыли? — насмешливо спросил Миша.

— Видишь ли, Миша, — улыбаясь, сказал Слава, — это, конечно, не всерьез, но скажи: если там действительно клад, то на какое дело ты его отдашь?

— Не знаю, — сказал Миша, — я об этом не думал. И ни в какой клад я не верю.

— А я верю, — сказал Генка. — Обязательно стадион построим. А детские дома, санатории…

это всё Славкины фантазии. Ты еще придумай какую-нибудь музыкальную школу построить.

— А что в этом такого? — обиделся Слава. — Думаешь, стадионы нужней, чем музыкальные школы?

— Сравнил! Музыкальные школы! Эх ты… Вообще, Славка, тебе нужно как следует подумать о своем будущем.

— То есть?

— Чего «то есть»? Если ты хочешь, чтобы тебя приняли в комсомол, то надо серьезно подумать о своем будущем.

— Почему?

— Будто и не знаешь! — усмехнулся Генка. — Ведь ты музыкантом собираешься стать?

— Допустим. Что же из этого?

— Как — что? Ведь ты на сборе был? Беседу о задачах комсомола слышал? Что Коля говорил? Он говорил, что задача комсомольцев — строить коммунизм. Так?

— Так. Но при чем тут музыка?

— Как — при чем? Все будут строить, а ты будешь на рояле тренькать. Этот номер не пройдет.

— Ты много построишь! Тоже строитель нашелся! — обиделся Слава.

— Конечно, — Генка развеселился, — конечно. Кончу семилетку, поступлю в фабзавуч. Буду металлистом, настоящим рабочим. Меня в комсомол и без кандидатского стажа примут. Мы с Мишей это давно решили. Правда, Мишка?

Миша медлил с ответом.

На последнем сборе отряда Коля читал речь Ленина на III съезде комсомола. И одно место в этой речи поразило Мишу: «...поколение, которому сейчас пятнадцать лет... увидит коммунистическое общество и само будет строить это общество. И оно должно знать, что вся задача его жизни есть строительство этого общества».

Миша много думал над этими словами. Они относились прямо к нему, к Генке, к Славе. Задача всей их жизни — строить коммунизм. То же самое говорил ему Полевой: «Будешь для народа жить — на большом корабле поплывешь». Это и значит строить коммунизм — жить для народа, а не для себя. А как же Слава? Разве он для себя будет сочинять музыку? Разве песня не нужна народу? А «Интернационал»?.. Миша посмотрел на Славу и сказал:

— Не беспокойся, Слава: я думаю, тебя примут в комсомол.

Глава 65
Константин Алексеевич

Послышался шум открываемой двери. Кто-то раздевался в коридоре, снимал калоши, сморкался.

— Папа пришел, — сказал Слава.

Продолжая сморкаться в большой носовой платок, Константин Алексеевич вошел в комнату. Всегда красные, его щеки были теперь пунцовыми от мороза. Плохо повязанный галстук обнажил большую медную запонку на смятом воротничке. Маленькие, заплывшие глазки смотрели насмешливо и добродушно.

— Ага, пионеры! — приветствовал он мальчиков. — Здравствуйте. — Он поздоровался за руку с каждым, в том числе и со Славой. — Мы ведь сегодня с тобой еще не виделись.

Вслед за Константином Алексеевичем вошла домработница Даша и начала накрывать на стол.

Константин Алексеевич вымыл руки, повесил полотенце на спинку стула и сел за стол. Слава перевесил полотенце в спальню и вернулся в

столовую.

— О чем беседовали? — Константин Алексеевич заметил лежащий на столе конверт, взял его в руки, начал рассматривать. — «Петроград, адресный стол…» Кого это вы разыскиваете?

— Так, одного человека. — Слава забрал у отца письмо и спрятал в карман.

— Ну-ну, дела секретные! — засмеялся Константин Алексеевич, отщипывая и жуя хлеб. — Так о чем беседовали? О чем разговор?

— Мы, папа, о разных специальностях говорили. Кто кем будет, — ответил Слава.

— Гм! Ну и что же, кто куда?

— Мы так… неопределенно… просто разговаривали…

— Все же… — Константин Алексеевич посыпал суп перцем, хлебнул. — Все же?

— Я музыкантом буду, а они… — Слава показал на ребят, — пусть сами скажут. Вон Генка говорит, что комсомолец не может быть музыкантом.

— Я этого не говорил, — запротестовал Генка.

— Как не говорил? Вон Миша слыхал.

— Значит, вы меня не поняли. Что я сказал? — Генка посмотрел на Константина Алексеевича. — Я сказал, что, кроме музыки, надо иметь еще какую-нибудь специальность, чтобы быть

полезным… — Генка слукавил совершенно обдуманно, потому что хорошо знал главный предмет разногласий между Константином Алексеевичем и Славой.

— Ай да Генка, — сказал Константин Алексеевич, — молодец! Вот об этом и мы со Славой часто беседуем. Специальность обязательно надо иметь. В жизни нужно на ногах стоять твердо. А там — пожалуйста, хоть канарейкой пой.

— Все же я буду музыкантом, — сказал Слава.

— Пожалуйста, кто тебе мешает! Бородин тоже был как будто неплохим композитором, а ведь химик… А? Химик… — Константин Алексеевич отодвинул тарелку, вытер салфеткой губы. — Необязательно быть именно химиком. Можно и другую специальность избрать, но чтобы ремесло было настоящее.

— Разве музыка, театр, живопись, вообще искусство — это не ремесло? — возразил Слава.

— Только ремесло это такое… воздушное. — Константин Алексеевич пошевелил в воздухе пальцами.

— Почему же воздушное? — не сдавался Слава. — Разве мало людей искусства прославили Россию: Чайковский, Глинка, Репин, Толстой…

— Ну, брат, — протянул Константин Алексее-

вич, — то ведь гиганты, титаны, не всякому это дано. — Он помолчал, посмотрел на Мишу. — Ну, а что Миша скажет по этому поводу?

— Я согласен со Славкой, — сказал Миша. — Если он хочет быть музыкантом, то и должен учиться на музыканта. Вот вы говорите: он должен получить специальность. Значит, он пойдет в вуз, станет инженером, а потом это дело бросит, будет музыкантом. Зачем же он тогда учился, зачем на него государство тратило деньги? На его месте мог бы учиться кто-нибудь другой. У нас ведь не так много вузов.

— М-да… — Константин Алексеевич задумчиво крошил хлеб. — Да… Не сговориться, видно, мне с вами… Я ведь человек старой закалки.

Он встал, заходил по комнате.

— Я ведь и сам не бирюк, понимаю. В молодости в спектаклях участвовал, чуть было актером не стал… Вот и жена у меня актриса. Я понимаю, молодость — она всегда жизнь за горло берет. — Он шумно вздохнул. — Да здесь дело совсем в другом…

Он придвинул к столу стул, одернул скатерть, опять прошелся и продолжал:

— Ведь и мне когда-то было четырнадцать лет. А кругом жизнь — дремучий лес. И моя

мать, помню, все меня жалела: как, мол, ты один пробиваться будешь… «Пробиваться»! Слово-то какое! — Он рассек кулаком воздух. — Пробиваться!!! Биться!!! Вот как… Я молод был, думал: «Ага, вот хорошее место есть, доходное, как бы мне его заполучить», а он, Миша, говорит: «Ты, Слава, зря в вузе места не занимай, на этом месте *другой* может учиться…» Другой. А кто этот другой? Иванов? Петров? Сидоров? Кто он? Родственник его, приятель? Да нет! Он его и в глаза не видел, он его не знает и знать не хочет… Ему важно, чтобы государство еще одного инженера получило. Вот он о чем печется.

— Разве это плохо? — улыбнулся Слава.

— Я не говорю, что плохо. — Константин Алексеевич молча прошелся, потом остановился против Генки. — Вот, Генка, разбили они нас… А?

— Почему это «нас»? — возразил Генка. — «Вас», а не «нас».

— Как это так? — искренне удивился Константин Алексеевич. — Ведь ты только что поддерживал мою точку зрения?

— О, — протянул Генка, — это когда было!.. — и отошел в сторону.

— Единственного союзника потерял… — развел руками Константин Алексеевич. — Ну, а ты сам

кем собираешься быть?

— Я пойду во флот служить, — объявил Генка.

— У него семь пятниц на неделе, — засмеялся Слава, — полчаса назад он собирался в фабзавуч, а теперь во флот.

— Сначала в фабзавуч, а потом во флот, — хладнокровно ответил Генка.

— Так, так. Ну, а ты, Миша?

— Не знаю. Я еще не решил.

— Он тоже в фабзавуч собирается, — крикнул Генка, — я знаю, а потом поступит в Коммунистический университет!..

— Брось ты, Генка! — перебил его Миша.

— Да, — покачал головой Константин Алексеевич, — далеко вы прицеливаетесь... А я думал, Миша, ты будешь девятилетку кончать.

— Не знаю, — нехотя ответил Миша, — маме трудно...

— Его не отпустят, — сказал Слава, — он первый ученик.

— Учиться буду вечерами... — сказал Миша. — Очень многие комсомольцы днем работают, а вечером учатся. В общем, там видно будет.

Он посмотрел на часы, обрамленные бронзовыми фигурами. Взгляд его поймал мгновенное движение большой стрелки, дернувшейся и

застывшей на цифре «девять». Без четверти двенадцать. Мальчики стали собираться домой.

— Ну-ну, — весело сказал Константин Алексеевич, пожимая им на прощанье руки, — а на меня не сердитесь. Уж я-то желаю вам настоящей удачи.

Глава 66
Переписка

Пришел ответ адресного стола. «На ваш запрос сообщаем, — говорилось в нем, — что для получения справки об адресе нужно указать год и место рождения разыскиваемого лица».

— Поди знай, где и когда родилась эта самая Мария Гавриловна! — сказал Генка. — Нет, надо ехать в Питер.

— Успеем в Питер, — сказал Миша, — а этот ответ — чистейший бюрократизм и формализм. Напишем секретарю комсомольской ячейки.

Они сочинили такое письмо:

«Петроград, адресный стол, секретарю ячейки РКСМ. Дорогой товарищ секретарь! Извините за беспокойство. Дело очень важное. До войны 1914 года в Петрограде, на улице Мойке, дом С. С. Васильевой, проживали гражданин Владимир Владимирович Терентьев, его жена Ксения Сигизмундовна и мать Мария Гавриловна. Пожалуйста, сообщите, живут они там или куда переехали. Не все, конечно, потому что Владимир Владимирович взорвался на линкоре, а мать и жена, наверно, живы. Мы уже запрашивали, но от нас требуют год и место рождения, что является чистейшим бюрократизмом. Вам, как секретарю РКСМ, нужно обратить на это самое серьезное внимание и выжечь каленым железом.

С пионерским приветом Поляков, Петров, Эльдаров».

Ребята отправили письмо и стали дожидаться ответа.

Приближался конец первого полугодия. Ребята много занимались, да и в отряде хватало работы. Не было почти ни одного свободного вечера.

Работа в подшефном детском доме, занятия в мастерских Дома пионеров, сбор звена, заседание учкома, комсомольский день (мальчики уже не пропускали ни одного открытого собрания ячейки), кружки занимали всю неделю. А в воскресенье с утра проходил общий сбор отряда. Кроме того, Мишино звено переписывалось с пионерами Хемшица в Германии, пионерами Орехово-Зуевского района и с краснофлотцами.

А ведь надо было еще раза два-три в неделю побывать на катке.

Ребята приходили на каток вечером, торопливо переодевались на тесных скамейках и, став на коньки, несли свои вещи в гардероб. Коньки деревянно стучали по полу, этот дробный стук речитативом выделялся в общем шуме раздевалки, окутанной клубами белого морозного воздуха, врывающегося с катка через поминутно открываемые двери.

Взрослые конькобежцы раздевались в отдельной комнате. Они выходили оттуда затянутые в черные трико. Ребята с почтительным восхищением шептали: «Мельников… Ипполитов… Кушин…»

Пятна фонарей освещали снежные полосы на льду. По кругу двигались катающиеся, странные

в бесцельности своего движения. Они двигались толпой, но каждый ехал сам по себе, в одиночку, парами, перегоняя друг друга. Новички ехали осторожно, высоко поднимая ноги, неуклюже отталкиваясь и двигаясь по инерции.

Все ребята ездили на «снегурочках», «нурмисе», и только один Юра Стоцкий — на «норвежках».

Одетый в черный вязаный костюм, он катался только на беговой дорожке, нагнувшись вперед, заложив руки за спину, эффектно удлиняя чрезножку на поворотах. Всем своим видом он показывал полное пренебрежение к другим ребятам.

Миша и Слава не обращали внимания на Юру, но Генка никак не мог спокойно переносить Юрино высокомерие и однажды, выехав на круг, попробовал гоняться с Юрой. Генка ездил на коньках очень хорошо, лучше всех в школе, но разве мог он на «снегурочках» угнаться за «норвежками»! Он позорно отстал от Юры на целых полкруга.

После этого случая все начали дразнить Генку. Ездили за ним и кричали:

— Эй, валенки, даешь рекорд!

Генка с досады перестал посещать каток, по улицам на коньках тоже не бегал. Он ходил

мрачный и однажды объявил Мише и Славе, что приглашает их прийти к нему в субботу на день рождения. Мальчики удивились:

— С собственным угощением?

— Угощение мое, подарки ваши.

Глава 67
День рождения Генки

В субботу вечером друзья пришли к Генке и изумленно вытаращили глаза при виде праздничного стола. На краю его свистел струйками пара самовар с расписным чайником на верхушке. В середине были расставлены тарелки с различным угощением: ломтики сала, вареники в сметане, пирожки и монпансье. По бокам стояло шесть приборов. У стола хлопотала Агриппина Тихоновна.

— Вот это да! — протянул Миша. — Ай да Генка!..

— Ничего особенного, — небрежно произнес Генка. — Прошу... — Он театральным жестом пригласил их к столу.

— Что ты, Геннадий, сразу к столу приглашаешь, — сказала Агриппина Тихоновна, — еще гости должны прийти.

— Кто? — спросили мальчики.

Генка покраснел:

— Мишка Коровин, а больше никто, ей-богу никто.

— А это для кого? — Миша показал на шестой прибор.

— Это? Ах, это... Это на всякий случай, мало ли... вдруг кто-нибудь придет...

— На какие капиталы ты все это оборудовал? — спросил Миша.

Генка ухмыльнулся:

— Это уж дело хозяйское... — Он повернулся к Агриппине Тихоновне, но не успел остановить ее.

— Отец прислал, — сказала Агриппина Тихоновна. — Я говорю: тебе, Геннадий, этих продуктов на месяц хватит, а он и слушать не хочет — давай на стол, и дело с концом. Весь в отца! — добавила она не то с осуждением, не то с восхищением.

— Даже конфеты прислал, — сказал Миша.

— Нет, — сказала Агриппина Тихоновна, — монпансье Геннадий сам купил: коньки-то он продал…

— Тетя! — закричал Генка. — Ведь я вас просил!..

— Чего уж там… — отмахнулась Агриппина Тихоновна. — Оно и лучше: валенок не напасешься.

— Если бы я знал, что ты ради фасона продал коньки, — сказал Миша, — то я бы к тебе в гости не пришел.

— Я и без коньков проживу, — мотнул головой Генка. — Подумаешь, «снегурочки»! Поступлю в фабзавуч — «норвежки» куплю. Ты ведь тоже свою коллекцию марок продал. А? Зачем?

— Нужно было, — уклончиво ответил Миша.

— Я знаю, — сказал Генка, — ты на кожаную куртку копишь. Хочешь на настоящего комсомольца походить.

— Может быть, — неопределенно ответил Ми-

ша. — Славка свои шахматы тоже продал.

— Да? — удивился Генка. — Костяные шахматы? Зачем?

— Надо было, — тоже уклончиво ответил Слава.

Раздалось три звонка.

— К нам, — сказала Агриппина Тихоновна и пошла открывать.

В комнату вошел Миша Коровин, одетый в форменное пальто и фуражку трудколониста. Он поздоровался с ребятами, разделся, вынул из кармана пачку папирос «Бокс» и закурил.

— Как дела? — спросил его Миша.

— Движутся помаленьку. Вчера на четвертый разряд сдал.

— Сколько ты теперь будешь получать?

— Рублей девяносто, — небрежно ответил Коровин, вытащил из кармана часы размером с хороший будильник, приложил их к уху и сказал: — Никак к мастеру не соберусь. Почистить надо.

— Покажи! — Генка взял в руки часы и тоже послушал. — Ход что надо.

— Ничего ход, — сказал Коровин, — пятнадцать камней. — Он спрятал часы в карман куртки. — Ячейку у нас организовали, комсомола. Я уж заявление подал.

Девяносто рублей в месяц и часы ребята с трудом, но выдержали, но это уже было свыше их сил. Они еще пионеры, только мечтают о комсомоле, а Коровин уже заявление подал.

— Нас тоже скоро в комсомол передают, — сказал Миша, — прямо из отряда. — При этом он искоса посмотрел на Генку и Славу.

Они важно молчали, как будто Миша действительно сказал правду.

— Знаете, кого к нам в колонию прислали? — спросил Коровин.

— Кого?

— Борьку-Жилу.

— Ну?

— Ага. За ножны-то отец его чуть не убил. Сбежал он тогда. Теперь у нас.

— И как он?

— Ничего, исправляется.

Снова раздалось три звонка. Агриппина Тихоновна пошла открывать. Генка стоял посреди комнаты, смущенный и молчаливый. Открылась дверь. В комнату вошла Зина Круглова… Вот оно что! Миша и Слава многозначительно переглянулись. Генка стоял, не двигаясь, затем, протянув руку к столу, пролепетал:

— Прошу…

Зина прыснула, все расхохотались. Тогда Генка оправился, стал в торжественную позу и объявил:

— Дорогие гости, принимаю поздравления и подарки! Прошу не толкаться и соблюдать очередь.

Зина смеялась без передышки. Такая уж она смешливая! Она подарила Генке клоуна, своими взлохмаченными волосами очень похожего на именинника.

— Замечательно! — сказал Генка. — Девочки, как всегда, отличаются аккуратностью. Чем порадуют меня мальчики?

— Ах да, — спохватился Миша, — чуть не забыл!

Он открыл свою сумку и вытащил оттуда пакет. Он с таким серьезным видом разворачивал его, что все молчали и напряженно следили за его руками. Миша разворачивал пакет медленно, не торопясь, и взволнованное молчание присутствующих, казалось, не доходило до него.

Когда остался один, последний лист и уже ясно обрисовывались контуры какого-то длинного предмета, Миша остановился и оглядел всех. Генка подался вперед. Миша развернул лист… В его руках блеснуло стальное лезвие конька… «Норвежка»!

Генка осторожно взял в руки конек. Сначала он молча его разглядывал, потом провел ногтем по лезвию, приложил к уху, щелкнул и наконец проговорил:

— Здорово… А где второй?

Миша развел руками:

— Только один… второго не достал.

У Генки вытянулось лицо.

— Ничего, — вздохнул Миша, — поездишь пока на одном, а там видно будет.

У Генки было такое жалкое выражение лица, что даже Зина и та не рассмеялась. А уж как смешно было представить себе Генку бегающим по катку на одном коньке!

Генка положил конек на табурет, глубоко вздохнул и упавшим голосом произнес:

— Ну что ж, прошу к столу.

— Погоди, — остановил его Слава, — у меня ведь тоже подарок есть. — Он засунул руку в портфель, долго шарил там и… вытащил второй конек.

— Разыграли! — взвизгнул Генка, потом замолчал, внимательно посмотрел на друзей и медленно произнес: — Значит… коллекция, шахматы, кожаная куртка…

— Ладно, — перебил его Миша, — обойдем для ясности.

Глава 68
Пушкино

Наконец пришел ответ из Петрограда.

«Здравствуйте, ребята! Ваше письмо попало ко мне. По карточкам Терентьевых много, но всё не те. Бывшая домовладелица Васильева, которую я специально посетила, сказала, что Терентьев с женой действительно проживали у нее до войны, а мамаша жила где-то под Москвой. Вот все, что я могла узнать. Насчет бюрократизма вы не правы. В Петрограде проживает несколько тысяч Терентьевых, и без точных данных адрес дать невозможно. С комсомольским приветом Куприянова».

— Вот, — сказал Миша. — Учитесь, как пользоваться достижениями науки и техники.

— Какая же тут техника? — спросил Генка.

— Почтовая связь разве не техника? Вот так действуют рассудительные люди, а безрассудные летят неизвестно куда…

Генка в ответ съязвил:

— Тебя она тоже здорово поддела с бюрократизмом. Здорово поддела…

— Ничего не здорово, — сказал Миша, — но не в этом дело. В воскресенье поедем в Пушкино и с собой возьмем лыжи.

— Зачем лыжи? — удивился Слава.

— Для конспирации.

…В ближайшее воскресенье друзья сошли на станции Пушкино. В руках у каждого были лыжи и палки.

Вдоль высокой деревянной платформы с покосившимся павильоном тянулись занесенные снегом ларьки. За ларьками во все стороны расходились широкие улицы в черной кайме палисадников. Они замыкали квадраты дачных участков, где протоптанные в снегу дорожки вели к деревянным домикам с застекленными верандами. Только голубые дымки над трубами оживляли пустынный поселок.

— По одной стороне туда, по другой — обратно, — сказал Миша. — Главное — не пропустить ни одной таблички.

— Целый год проищем, — сказал Слава. — Лучше в сельсовете спросить.

— Нельзя, — возразил Миша, — поселок маленький, это вызовет подозрения.

— Кого нам бояться! — сказал Генка. — Старушка сама обрадуется, когда мы клад найдем.

— Ты ее в глаза не видел, а рассуждаешь, — сказал Миша. — Поехали.

Они проискали целый день, но дома Терентьевой не нашли.

— Так ничего не выйдет, — сказал Слава, когда мальчики снова собрались на станции. — Половина домов без табличек. Нужно в сельсовете спросить.

— Я тебе уж сказал, что нельзя! — рассердился Миша. — Забыли, что Свиридов говорил? Дело очень щепетильное. В следующее воскресенье опять приедем и будем искать.

Мальчики сняли лыжи. Когда они подошли к кассе, их окликнули: «Здравствуйте, ребята!» Мальчики обернулись и увидели Елену и Игоря Буш, акробатов.

Лена приветливо улыбалась. Ее белокурые локоны падали из-под меховой шапочки на воротник пальто. Игорь, как всегда, смотрел серьезно и, пожимая ребятам руки, пробасил:

— Сколько лет, сколько зим!

— На лыжах катались? — спросила Лена. — Почему к нам не заехали?

— Мы не знали, что вы здесь живете, — сказал Миша.

— Да, мы здесь живем, у нас свой дом. Пойдемте

к нам.

— Поздно, — сказал Миша, — мы приедем в следующее воскресенье.

— Обязательно приедем, — подтвердил Генка и таинственно добавил: — У нас тут дело есть.

— Какое дело? — спросила Лена.

— Так, ерунда… — Миша свирепо посмотрел на Генку.

— Нет, скажите, — настаивала Лена.

— Я тетку свою разыскиваю, — сказал вдруг Генка.

Лена удивилась:

— Она ведь в Москве, твоя тетка?

— То одна тетка, а это другая. Разве мне запрещено иметь двух теток?

— И вы ее не нашли?

— Нет, адрес потеряли.

— Как ее фамилия?

Мальчики молчали.

— Как ее фамилия? Или вы фамилию тоже потеряли?

— Ее фамилия Терентьева, а зовут Мария Гавриловна, — неожиданно сказал Миша. — Вы не знаете ее?

— Терентьева, Мария Гавриловна? Знаю, — сказала Лена, — она живет рядом с нами. Пойдемте,

мы вам покажем...

Глава 69
Никитский

— Имейте в виду, — говорил по дороге Миша, — тетке нельзя говорить, что Генка ее ищет.

— Почему?

— Это длинная история. Она думает, что Генка умер, и ее нужно сначала приготовить. Если ей так прямо и бухнуть, то у нее от радости может разрыв сердца случиться. Здоровье у нее очень хрупкое, тем более такой «племянничек», сами видите…

— Мы с ней почти незнакомы, — сказала Лена. — Она живет очень замкнуто.

— Вообще, — продолжал Миша, — абсолютно никому не говорите. И папе своему не говорите…

— Папа умер, — сказала Лена.

Миша смутился:

— Извини, я не знал. — И, помолчав, спросил: — Как же вы теперь?

— Одни живем. Работаем с Игорем «2 БУШ 2, воздушный аттракцион».

Они подошли к домику Бушей.

— Вот здесь она живет. — Лена показала на

соседний дом.

Из-за высокого забора виднелась только крыша, покрытая на краях ноздреватой коркой снега.

— Как эта улица называется? — спросил Миша.

— Ямская слобода, — сказал Игорь. — Наш номер восемнадцать, а Терентьевых — двадцать.

— Хорошо ты искал! — Миша с упреком посмотрел на Генку.

— Не понимаю, — бормотал Генка, отводя глаза, — как это я пропустил…

— На этой стороне даже нет лыжных следов, — заметил Слава.

— Как — нет? — бормотал Генка, рассматривая дорожку. — Куда они делись?.. Стерлись! Ну конечно, стерлись. Видите, движение какое! — Он показал на пустынную улицу.

— Зайдемте к нам, — предложила Лена. — Мы, правда, три дня дома не были, но сейчас затопим, и будет тепло-тепло.

Домик был маленький и тихий. Пушистый иней лежал на окнах. Равномерно тикали на стене часы. Чуть скрипели под ногами половицы. Пестрые дорожки лежали на чисто вымытом полу. Большая керосиновая лампа висела над столом, покрытым цветастой клеенкой. На стене в рамах висели большие портреты мужчины и

женщины. У мужчины были густые нафабренные усы, аккуратный пробор на голове, бритый подбородок упирался в накрахмаленный воротничок с отогнутыми углами. «Точно так же, — вдруг подумал Миша, — как на дедушкином портрете там, в Ревске».

Лена переоделась в старое пальтишко, обула валенки и повязала голову платком. Она выглядела теперь деревенской девочкой с большими синими глазами и прямым носиком.

— Пошли за дровами, — сказала она Игорю.

— Мы принесем! — закричали мальчики. — Покажите где.

Всей гурьбой вышли во двор. Лена отперла сарай. Миша и Генка начали колоть дрова. Слава и Игорь носили их в дом. Лена, позвякивая ведрами, ушла за водой.

Генка вошел в азарт.

— Мы их все переколем, — бормотал он, замахиваясь топором. — Зачем вам каждый раз возиться…

Полено никак не поддавалось.

— Брось ты его, — сказал Миша, — возьми другое.

— Нет, — Генка раскраснелся, буденовка его сдвинулась на самую макушку, — полено упря-

мое, но и я тоже…

Вскоре обе печи в доме запылали ярким пламенем. Ребята уселись вокруг печи в маленькой кухне: Лена и Слава на стульях, а остальные — на полу.

— Вот так и живем, как видите, — сказала Лена. — Приезжаем сюда только в свободные дни, когда не выступаем.

— Нужно переехать в Москву, — пробасил Игорь.

— А мне жалко, — сказала Лена, — здесь папа и мама жили…

Пламя в трубе протяжно завывало, огненные пятна заплясали на полу.

— Мы здесь всю неделю будем, — сказала Лена. — Приезжайте к нам в гости.

— Не знаю, — сказал Миша, — на этой неделе мы будем очень заняты. Завтра на сборе отряда решается вопрос о передаче в комсомол. Если нас передадут, то нужно пройти бюро ячейки, ячейку, райком.

— Вы уже комсомольцами будете? — удивилась Лена.

— Да. — Миша помолчал, потом спросил: — Скажи, у вас есть чердак?

— Есть.

— Из него виден двор Терентьевых?

— Виден. Зачем тебе?

— Хочу посмотреть.

— Пойдем, покажу.

Миша и Лена вышли в холодные сени и по крутой лестнице поднялись на чердак.

— Дай руку, — сказала Лена, — а то упадешь.

Они перелезли через стропила и подошли к слуховому окну.

Поселок лежал большими квадратами кварталов; за ним темнел лес, разрезанный надвое дальней железнодорожной колеей.

От домов, сараев, заборов повсюду чернели на снегу длинные тени. Телеграфные провода струились от столба к столбу, фарфоровые ролики комочками ютились на перекладинах. Было светло почти как днем.

Лена стояла рядом с Мишей. Лицо ее, освещенное луной, казалось совсем прозрачным, только чернели на нем тонкие брови и длинные, загнутые вверх ресницы. Она держала Мишу за руку, и оба они молчали… Миша посмотрел на соседний терентьевский двор. Он был большой и пустой. Вдоль забора тянулись постройки и лежали сваленные бревна.

Завыл где-то гудок паровоза и сразу оборвался.

Миша смотрел на терентьевский двор и вдруг увидел, что дверь дома открылась. На заднее крыльцо вышел высокий человек в накинутом на плечи полушубке. Он стоял спиной к Мише и курил. Потом он бросил окурок в снег и медленно повернулся. Миша изо всех сил сжал руку Лены.

Это был Никитский…

Глава 70
Отец

Домой ребята вернулись поздно вечером.

Мама сидела за столом и читала книгу. Она обернулась к Мише и молча укоризненно покачала головой.

— Понимаешь, мама, — быстро заговорил Миша, — встретили в Пушкине знакомых, вот и задержались. Я там и поужинал, так что ты не беспокойся. — Он заглянул через ее плечо в книгу. — Ты что читаешь? А… «Анна Каренина»…

Она почувствовала в его голосе равнодушие и спросила:

— Тебе не нравится?

— Не особенно. Я больше «Войну и мир» люблю. — Миша сел на кровать и начал раздеваться.

— Почему?

— Почему? В «Войне и мире» герои все серьезные: Болконский, Безухов, Ростов… А здесь не поймешь, что это за люди. Стива этот — бездельник какой-то. Ему сорок лет, а он из себя все деточку строит.

— Не все герои легкомысленны, — возразила

мама. — Например, Левин.

— Да, Левин, конечно, посерьезней. Да и то его ничего, кроме своего хозяйства, не интересует.

— Видишь ли, — мама медленно подбирала слова, — это были люди своего времени, своего общества…

— Я понимаю. — Миша уже лежал под одеялом, заложив руки под голову. — Это великосветское общество. Но и в «Войне и мире» тоже рисуется великосветское общество. А посмотри, какая разница. Там люди имеют какие-то цели, стремления, сознают свой долг перед обществом, а здесь не поймешь, для чего живут эти люди — например, Вронский, Стива. Вот скажи: ведь человек должен иметь какую-то цель в жизни?

— Конечно, должен, — сказала мама, — но, по-моему, каждый из героев «Анны Карениной» имеет цель. Правда, эти цели сугубо личные: например, личное счастье, жизнь с любимым человеком. Маленькие цели, но всё же цели.

Миша поднялся на локте:

— Какая же это цель, мама! Если так рассуждать, то каждый человек имеет цель. Выходит, у алкоголика тоже есть цель: каждый день пьянствовать. И у нэпмана: деньги копить. Я вовсе не о такой цели говорю.

— А о какой же?

— Ну, как бы тебе сказать… Цель должна быть возвышенной, понимаешь? Благородной.

— Всё же?

— Ну, например, мы вот на днях разговаривали с Константином Алексеевичем. Он сам рассказывал. Раньше он служил только из-за денег. Где больше платят, там и служит. Значит, у него цель не возвышенная. А если он сейчас работает круглые сутки и хочет восстановить фабрику, чтобы у нас в стране было много товаров, — значит, у него цель благородная. Может быть, я привел неудачный пример, но я так понимаю.

— Чем же он виноват? Ведь раньше он не мог ставить себе такой цели. Он работал у капиталиста, и, конечно, ничто, кроме жалованья, его не интересовало.

— Значит, он не должен был работать, — решительно ответил Миша. — Ведь папа не работал на капиталистов.

— Не совсем так, — мама качнула головою, — папе приходилось работать и у капиталистов.

— Это совсем другое дело. Он работал, чтобы заработать на существование. Но ведь не это было главным в его жизни. Ведь он был революционер. И отдал жизнь за революцию. Значит,

у него была в жизни самая возвышенная, самая благородная цель.

Они помолчали.

— Знаешь, мама, — сказал Миша, — я себе очень хорошо представляю папу. Мне вот кажется, что он никогда ничего не боялся.

— Да, — сказала мама, — он был очень смелый человек.

— И потом, — продолжал Миша, — мне кажется, что он никогда не думал о себе, о своем благополучии, и самое высшее для него были интересы партии.

Они замолчали. Миша знал, что маме тяжело вспоминать об отце, и он больше не задавал ей вопросов.

Потом мама закрыла книгу, потушила свет и тоже легла в постель, а Миша еще долго лежал с открытыми глазами, всматриваясь в лунные блики, скользившие по комнате.

Разговор с матерью взволновал его. Может быть, только сейчас, когда они говорили о цели в жизни, он впервые отчетливо почувствовал, что детство кончается и он вступает в жизнь.

И, думая о своем будущем, он не хотел никакой другой жизни, кроме такой, какую прожил отец и такие люди, как отец, — люди, отдавшие свою

жизнь великому делу революции...

Глава 71
Генкина ошибка

О том, что он видел Никитского, Миша рассказал товарищу Свиридову. Свиридов велел ребятам ждать и в Пушкино больше не ездить.

Впрочем, другие заботы владели теперь нашими друзьями. Совет отряда постановил передать в комсомол группу пионеров, в их числе Мишу, Генку, Славу, Шуру Огуреева и Зину Круглову. Ячейка РКСМ уже их приняла, и они готовились к приемной комиссии райкома.

Миша очень волновался. Ему никак не верилось, что он станет комсомольцем. Неужели исполнится его самая сокровенная мечта? Он с тайной завистью поглядывал на комсомольцев, заполнявших коридоры и комнаты райкома. Какие веселые, непринужденные ребята! Интересно, что они испытывали, когда проходили приемную комиссию? Тоже, наверно, волновались. Но для них все это позади, а он, Миша, робко стоит перед большой, увешанной объявлениями дверью. За этой дверью заседает комиссия, и там скоро решится его судьба.

Первым вызвали Генку.

— Ну что? — кинулись к нему ребята, когда он вышел из комнаты.

— Все в порядке! — Генка молодецки сдвинул свою буденовку набок. — Ответил на все вопросы.

Он перечислил заданные ему вопросы, в том числе: какой кандидатский стаж положен для учащихся.

— Я ответил, что шесть месяцев, — сказал Генка.

— Вот и неправильно, — сказал Миша. — Год.

— Нет, шесть месяцев! — настаивал Генка. — Я так ответил, и председатель сказал, что правильно.

— Как же так, — недоумевал Миша, — я сам читал устав.

Вызвали Мишу. Он вошел в большую комнату. За одним из столов заседала комиссия. Сбоку стола сидел Коля Севостьянов. Миша робко сел на стул и с волнением ждал вопросов.

Председатель, молоденький белобрысый паренек в косоворотке и кожаной куртке, торопливо прочел Мишину анкету, поминутно вставляя слово «так»: «Поляков — так, Михаил Григорьевич — так, учащийся — так...»

— Это наш актив, — улыбнулся Коля Севостьянов, — вожатый звена и член учкома.

— Ты своих не хвали, — отрезал председатель, — сами разберемся.

Миша ответил на все вопросы. Последним был вопрос о кандидатском стаже. Миша знал, что год, но Генка... И он нерешительно сказал:

— Шесть месяцев...

— Неправильно, — сказал председатель. — год. Ладно, иди...

Из райкома ребята поспешили к Свиридову,

вызвавшему их на десять часов утра, и всю дорогу Миша и Слава ругали Генку. Слава тоже неправильно ответил.

— Теперь начинай все сначала, — говорил Миша. — Всех примут, а нас нет. Позор на всю школу!

— Зато у него большие успехи по конькам! — сказал Слава. — Целые дни на катке пропадает, даже газеты в руки не берет.

Подавленный всем случившимся, Генка молчал и только яростно дышал на замерзшее стекло трамвая. Однако молчание ему не помогало. Друзья продолжали его ругать и, самое обидное, говорили о нем в третьем лице, даже не обращались к нему.

— У нас все в порядке, — передразнил Миша Генку, — знай наших! Мы сами с усами, лаптем щи хлебаем.

— Шапками закидаем, — добавил Слава.

— Он все о кладе мечтает, — не унимался Миша, — все клад и клад. Какой кладовщик нашелся!..

— Он в миллионеры метит, — добавил Слава, но более мягко. Ему, видно, стало жаль удрученного Генку.

Они доехали до большого здания, где внизу их

ожидал пропуск в комнату № 203, к товарищу Свиридову.

— Что же вы, друзья, опаздываете? — строго спросил Свиридов, когда они явились к нему.

— В райкоме задержались, на приемной комиссии, — ответил Миша.

— Ого! — Свиридов поднял брови. — Поздравляю молодых комсомольцев.

Мальчики сокрушенно вздохнули.

— Что вы? — спросил Свиридов и внимательно посмотрел на них. — Что случилось?

— Провалились, — глядя в сторону, сказал Миша.

— Провалились? — удивился Свиридов. — На чем?

— На вопросе о кандидатском стаже.

— Это я виноват, — угрюмо произнес Генка.

— А на остальные вопросы как вы ответили?

— Как будто правильно.

— Что ж вы горюете? — рассмеялся Свиридов. — Из-за одного неправильного ответа вам не откажут. Кто хочет и достоин быть комсомольцем, тот им будет. Так что не огорчайтесь… А теперь, ребята, приступим к делу. Слушайте меня внимательно. Никитский упорно именует себя Сергеем Ивановичем Никольским. При этом он

ссылается на ряд свидетелей, в том числе и на Филина. — Свиридов усмехнулся. — Хотя после пропажи ножен они все передрались: Филин сваливает на филателиста, филателист — на Филина. Между прочим, — он внимательно посмотрел на ребят, — свой склад они заблаговременно ликвидировали: видимо, их кто-то спугнул.

Мальчики покраснели и молча уставились в пол.

— Да, — едва заметно улыбнувшись, повторил Свиридов, — кто-то их спугнул. А сейчас будет очная ставка между каждым из вас и Никитским. Вы должны рассказать все, что знаете. На все вопросы отвечайте честно, так, как оно есть на самом деле, ничего не выдумывая. Теперь идите в соседнюю комнату и ждите. Когда надо будет, вас вызовут. Да, еще… — Свиридов вынул из ящика кортик и протянул его Мише: — Когда я спрошу, из-за чего Никитский убил Терентьева, то ты, Поляков, предъявишь кортик.

Глава 72
Очная ставка

Сначала вызвали Славу, за ним Генку и наконец Мишу.

Когда Миша вошел в комнату, за столом, кроме Свиридова, сидел еще один пожилой человек, в флотской форме, с трубкой во рту. Генка и Слава чинно сидели у стены, держа на коленях свои шапки.

У дверей, с винтовкой в руках, стоял часовой. В середине комнаты, против стола Свиридова, сидел на стуле Никитский.

Одетый в защитный френч, синие галифе и сапоги, он сидел в небрежной позе, положив ногу на ногу. Его черные волосы были аккуратно зачесаны назад.

Блестящие солнечные блики двигались по комнате.

Когда Миша вошел, Никитский бросил на него быстрый колючий взгляд. Но здесь был не Ревск и не будка обходчика. Миша смотрел прямо на Никитского. Он смотрел на Никитского и видел Полевого, избитого и окровавленного, разобран-

ные рельсы и зеленое поле, по которому бегали кони, потерявшие всадников.

— Вы знаете этого человека? — спросил Свиридов и указал на Никитского.

— Знаю.

— Кто он такой?

— Никитский Валерий Сигизмундович, — твердо ответил Миша, продолжая смотреть на Никитского.

Никитский сидел не шевелясь.

— Расскажите подробно, откуда вы его знаете, — сказал Свиридов.

Миша рассказал о налете на Ревск, о нападении на эшелон, о складе Филина.

— Что вы на это скажете, гражданин Никитский? — спросил Свиридов.

— Я уже сказал, — спокойно ответил Никитский, — у вас есть более авторитетные показания, нежели измышления этого ребенка.

— Вы продолжаете утверждать, что вы Сергей Иванович Никольский?

— Да.

— И вы проживали в доме Марии Гавриловны Терентьевой как бывший подчиненный ее сына, Владимира Владимировича Терентьева?

— Да. Она может это подтвердить.

— Вы продолжаете утверждать, что Владимир Владимирович Терентьев погиб при взрыве линкора?

— Да. Это всем известно. Я пытался его спасти, но безуспешно. Меня самого подобрал катер.

— Значит, вы пытались его спасти?

— Да.

— Хорошо… Теперь вы, Поляков, скажите… — Свиридов помедлил и, не отрывая пристального взгляда от Никитского, спросил: — Не знаете ли вы, кто застрелил Терентьева?

— Он! — решительно ответил Миша и показал на Никитского.

Никитский сидел по-прежнему не шевелясь.

— Мне Полевой рассказывал, он сам видел.

— Что вы на это скажете? — обратился Свиридов к Никитскому.

Никитский криво усмехнулся:

— Это такая нелепость… И после этого живу в доме его матери! Если вы склонны верить таким бредням…

— Поляков! Какие у вас есть доказательства?

Миша вынул кортик и положил его перед Свиридовым. Никитский не отрываясь смотрел на кортик.

Свиридов вынул из ножен клинок, выдернул

рукоятку и вытянул пластинку. Потом не торопясь снова собрал кортик. Никитский неотступно следил за его руками.

— Ну-с, гражданин Никитский, знаком вам этот предмет?

Никитский тяжело откинулся на спинку стула:

— Я впервые его вижу.

— Продолжаете упорствовать, — спокойно сказал Свиридов и положил кортик под бумаги. — Пойдем дальше… Введите свидетельницу Марию Гавриловну Терентьеву, — приказал он часовому.

В комнату медленно вошла высокая пожилая женщина в черном пальто и черном платке, из-под которого выбивались седые волосы.

— Пожалуйста, садитесь. — Свиридов указал на стул.

Она села на стул и устало закрыла глаза.

— Гражданка Терентьева, назовите имя этого человека, — сказал Свиридов.

— Сергей Иванович Никольский, — не поднимая глаз, тихо произнесла Терентьева.

— Где, когда и при каких обстоятельствах вы с ним познакомились?

— Во время войны он приезжал ко мне с письмом от сына.

— Как звали вашего сына?

— Владимир Владимирович.

— Где он?

— Погиб.

— Когда?

— Седьмого октября тысяча девятьсот шестнадцатого года при взрыве линкора «Императрица Мария».

— Вы уверены, что он погиб именно при взрыве?

— Конечно, — она подняла глаза и с недоумением посмотрела на Свиридова, — конечно. Я получила извещение.

— Вам прислали его вещи?

— Нет. Разве их могли прислать? Кто мог спасти его вещи?

— Значит, все вещи вашего сына пропали?

— Я думаю.

— Подойдите к столу.

Терентьева тяжело поднялась и медленно подошла к столу.

Свиридов вынул из-под бумаг кортик и протянул его Терентьевой.

— Вы узнаете кортик вашего сына? — жестко спросил он.

— Да… — произнесла Терентьева, разглядывая

кортик. — Да… — Она растерянно посмотрела на Никитского, он сидел не шевелясь. — Да… это наш… это его кортик… Владимира…

— Вас не удивляет, что все вещи вашего сына погибли, а кортик остался цел?

Терентьева ничего не отвечала. Пальцы ее дрожали на краю стола.

— Вы молчите, — сказал Свиридов. — Тогда ответьте мне… я вас спрашиваю в последний раз: кто этот человек? — Он указал на Никитского.

— Никольский, — едва слышно произнесла Терентьева.

— Так вот, — Свиридов встал и протянул руку по направлению к Никитскому, — он убийца вашего сына!

Терентьева покачнулась, дрожащие ее пальцы впились в край стола.

— Что… — задыхаясь, прошептала она, — что вы сказали?

Не глядя на нее, Свиридов сухим, официальным голосом прочитал:

— «Седьмого октября тысяча девятьсот шестнадцатого года лейтенант Никитский выстрелом из пистолета убил капитана второго ранга Терентьева Владимира Владимировича… Целью убийства было похищение кортика».

В комнате стало совсем тихо. Часовой переступил с ноги на ногу, приклад винтовки чуть слышно стукнул о ковер. Никитский сидел не шевелясь, устремив взгляд на носок своего сапога. Терентьева стояла неподвижно. Она смотрела на Никитского, и ее длинные, сухие пальцы сжимали краешек стола.

— Валерий… — прошептала она, — Валерий…

Ее помертвевшее лицо белым пятном разрезало синеву комнаты. Свиридов и моряк бросились ее поднимать.

Глава 73
Семья Терентьевых

По Ярославскому шоссе мчалась большая легковая машина. В ней сидели Свиридов, моряк, Терентьева и мальчики. За широкими обочинами шоссе мелькали маленькие домики московских пригородов, мачты высоковольтной передачи, стальная излучина Окружной железной дороги. Потом потянулись сосновые леса, кюветы с серым, рыхлым снегом, подмосковные деревни.

— Этот кортик, — рассказывала Мария Гавриловна, — принадлежал Поликарпу Терентьеву, известному оружейнику, жившему сто пятьдесят лет назад. По преданию, он вывез его с Востока во время одного из своих походов.

Миша толкнул ребят и многозначительно поднял палец.

— При Елизавете Петровне, — продолжала Мария Гавриловна, — Поликарп Терентьев попал в опалу, претерпел ряд злоключений и удалился в свое поместье, где устроил в доме тайник. Вероятно, его принудили к этому обстоятельства того тревожного времени, а может быть, страсть

к механике, которой отличался старик. В доме до сих пор сохранились сделанные им вещи: шкатулка с секретами, особенные блоки, подъемники, даже часы собственной конструкции. Самым сильным его увлечением было водолазное дело. Но все его проекты водолазного прибора и подъема какого-то затонувшего корабля были для того времени, конечно, фантастическими. Между прочим, водолазное и судоподъемное дело стало традиционным в нашей фамилии. Этим занимались сын и внук Поликарпа Терентьева и мой сын Владимир. Многие из них участвовали в экспедициях. Дед Владимира несколько лет пробыл даже на острове Цейлон, всё какой-то корабль поднимали, да так и не подняли. А отец Владимира собирал материал о «Черном принце». Но все эти работы были окружены тайной, ставшей в семье традиционной.

— Интересно! — сказал Свиридов.

— Особенность тайника, — продолжала Мария Гавриловна, — заключалась в том, что о нем знал только один человек в доме — глава семьи. Мы, женщины, этим не интересовались. Шифр, указывающий местонахождение тайника, старик заделал в кортик. Мой сын Владимир был последним представителем рода Терентьевых.

Он получил кортик от моего мужа в декабре пятнадцатого года. Владимир специально приезжал в Пушкино. Тогда-то и произошла ссора его с женой Ксенией. Она требовала, чтобы он оставил ей кортик и показал тайник. Большую роль в этой ссоре сыграл брат Ксении, Валерий Никитский. Возможно, он был уверен, что в тайнике хранились ценности. Он, конечно, ошибался. Если бы это было так, то Владимир, уезжая на войну, несомненно оставил бы мне кортик.

Миша и Слава ехидно посмотрели на Генку.

— В прошлом году, — продолжала свой рассказ Мария Гавриловна, — приехал Валерий. Он уверил меня, что в тайнике хранятся компрометирующие Владимира документы. Он говорил, что Владимир умер у него на руках и перед смертью будто бы просил эти документы уничтожить и тем спасти его честь. Для этой цели Валерий якобы остался в России и вынужден скрываться…

Машина въехала в Пушкино и остановилась возле дома Терентьевой.

Дом был каменный, старинной постройки, с колоннами на фасаде. Многочисленные дворовые постройки были запущены, частью разрушены, но дом сохранился. Нетронутый снег на правой стороне участка и замерзшие окна показывали,

что под жилье используется только левая его половина.

В столовой, куда все вошли, стоял длинный обеденный стол на круглых резных ножках. Один угол скатерти был откинут. На клеенке лежали три кучки гречневой крупы: ее, видимо, перебирали.

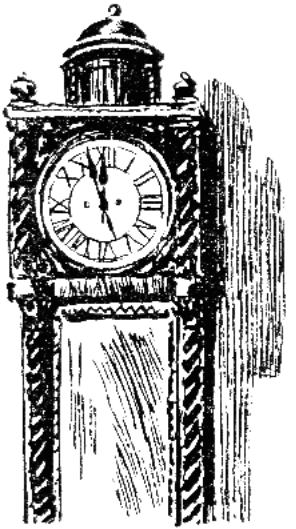
— Часов в доме много, — сказала Мария Гавриловна, — но какие из них, я не знаю.

— Вероятней всего, те, о которых вы упоминали, — сказал Свиридов.

— Тогда пройдем в кабинет.

В кабинете, в глубокой нише, стояли высокие часы в деревянном футляре. За стеклом желтел циферблат. В нем рядом с отверстием для завода часов виднелась едва приметная узкая щель. Свиридов открыл дверцу часов. Маятник криво качнулся и звякнул.

Свиридов перевел стрелки на двенадцать часов без одной минуты, вставил в щель змейку кортика и, осторожно поворачивая ее вправо, завел часы.



Все присутствующие напряженно ожидали. Генка стоял, широко раскрыв рот.

Минутная стрелка дрогнула, подвинулась — открылась дверца над циферблатом, оттуда выскочила кукушка. Она двенадцать раз прокуковала, потом часы захрипели, кукушка дернулась вперед, вслед за ней дернулась вся башня часов, открывая верхнюю часть футляра. Футляр был с двойными стенками. Хитроумие тайника заключалось в том, что снаружи башня часов и футляр казались неотделимыми, сделанными

из цельного куска дерева. Только после завода часов змейкой внутренняя пружина поднимала башню и открывала тайник, представлявший собой глубокий квадратный ящик, наполненный бумагами.

Здесь лежали свернутые трубкой и обвязанные ниткой чертежи с примятыми, обтрепанными краями, папки, туго набитые пожелтевшими от времени листками бумаги, тетради, большой блокнот в сафьяновом переплете.

Свиридов и моряк осторожно вынули все эти документы, разложили на столе и начали их внимательно рассматривать, изредка перебрасываясь короткими фразами. Мальчики жались к столу, тоже пытаясь что-нибудь увидеть.

— Все разложено по морям, — говорил моряк. — Вот даже Индийский океан. — Он прочитал на обложке одной папки: — «Английский корабль «Гросвенор». Затонул в 1782 году у острова Цейлон. Груз: золото и драгоценные камни». «Бриг «Бетси»...»

— Давайте-ка лучше свои моря поглядим, — перебил его Свиридов.

— Так. — Моряк перебрал папки и развязал одну из них. — Черное море. Вот оглавление: «Трапезунд», корабль крымского хана Девлет-Гирея...

«Черный принц» — затонул двадцать четвертого ноября 1854 года в Балаклавской бухте, разбившись во время шторма о прибрежные скалы, груз — пять миллионов рублей золотом…» Да тут целый список! — Он перелистал бумаги, покачал головой. — Какие сведения! Точные координаты места гибели, показания очевидцев, огромный справочный материал…

— Крепко! — весело сказал Свиридов. — Для нашей новой организации «Судоподъем» все это пригодится.

— Да, — подтвердил моряк, — материал неоценимый.

Глава 74
Вступление

Машина мчалась по Ярославскому шоссе в направлении Москвы. На заднем сиденье развалились Миша, Генка и Слава. Свиридов и моряк остались у Терентьевой, а ребят отправили, потому что они торопились в школу на торжественное заседание, посвященное пятилетию Красной Армии.

Генка откинулся на мягкую спинку и сказал:

— Люблю на легковых машинах ездить!

— Привычка, — заметил Миша.

— Все ж таки он вредный старикашка, — снова сказал Генка.

— Кто?

— Поликарп Терентьев.

— Почему?

— Не мог в тайник немного наличными подбросить…

— Вот-вот, — засмеялся Миша, — ты еще о нитках поговори…

— При чем тут нитки! Думаешь, я тогда не знал, что у них в складе оружие? Отлично знал. Только

я нарочно о нитках говорил… для конспирации. Честное слово, для конспирации. А про Никитского я сразу понял, что это шпион. Вот увидите: в конце концов он признается, что взорвал «Императрицу Марию».

— А здорово, — сказал Миша, — Никитский еще в Пушкине прятался, а Свиридов уже все знал, так что все равно бы он на границе попался.

— Миша, — сказал Слава, — а письмо?

— Ах да! — спохватился Миша.

Он вынул из кармана письмо, которое только что вручил им Свиридов. На конверте крупным, четким почерком было написано: «Михаилу Полякову и Геннадию Петрову. Лично».

— Видал? — Генка ехидно посмотрел на Славу. — Тебя здесь и в помине нет…

Миша вскрыл письмо и вслух прочел:

«Здравствуйте, дорогие ребята Миша и Генка!

Угадайте-ка, от кого это письмо. Угадали? Ну конечно. Угадали. Правильно! Это я, он самый. Полевой, Сергей Иванович. Ну, как же они, пироги-то, Михаил Григорьевич? Хороши? А?

Товарищ Свиридов написал мне о ваших

делах. Молодцы! Вот уж никогда не думал, что вы с Никитским справитесь! Так что мне даже немного стыдно, что он тогда, в Ревске, бока мне намял.

Кортик дарю вам на память. Вырастете большие, посмотрите на кортик и вспомните свою молодость.

О себе могу сообщить, что опять служу на флоте. Только работаю сейчас на новом деле. Поднимаем со дна корабли, ремонтируем их и пускаем плавать по морям-океанам...

На этом кончаю.

Желаю вам вырасти настоящими большевиками, верными сынами нашей великой революции.

С коммунистическим приветом

Полевой».

...Машина въехала в город. Сквозь ветровое стекло виднелась Сухарева башня.

— Опоздали мы на собрание, — сказал Миша.

— Может быть, вовсе не идти? — предложил Слава. — Очень интересно смотреть, как другим будут комсомольские билеты вручать.

— Именно поэтому мы и должны прийти на

собрание, — сказал Миша, — а то еще больше засмеют.

— Приехали, — объявил шофер.

Мальчики вылезли из машины и вошли в школу. Собрание уже началось. На лестнице было тихо и пусто, только тетя Броша сидела у раздевалки и вязала чулок.

— Не велено пускать, — сказала она, — чтобы не опаздывали.

— Ну, Брошечка, — попросил Миша, — ради праздника.

— Разве уж ради праздника, — сказала тетя Броша и приняла их одежду.

Мальчики поднялись по лестнице, тихо вошли в переполненный ребятами зал и стали у дверей.

В глубине зала виднелся стол президиума, стоявший на возвышении и покрытый красной материей.

На стене, над широкими окнами, висело красное полотнище с лозунгом: «Пусть господствующие классы дрожат перед коммунистической революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей, приобретут же они целый мир». Миша едва разобрал эти слова. Бесцветный диск февральского солнца блестел в окнах нестерпимым блеском, яркие его лучи кололи глаза.

Коля Севостьянов кончал доклад. Он закрыл блокнот и сказал:

— Товарищи! Этот день для нас тем более торжествен, что сегодня решением бюро Хамовнического районного комитета РКСМ принята в комсомол первая группа лучших пионеров нашего отряда, а именно…

Приятели покраснели. Генка и Слава стояли потупившись, а Миша не отрываясь, до боли в глазах, смотрел через окно на солнце, и весь горизонт казался ему покрытым тысячью маленьких блестящих дисков.

— …а именно, — продолжал Коля и снова открыл блокнот: — Воронина Маргарита, Круглова Зинаида, Огуреев Александр, Эльдаров Святослав, Поляков Михаил, Петров Геннадий…

Что такое? Не ослышались ли они? Приятели посмотрели друг на друга, и… Генка в порыве восторга стукнул Славу по спине. Слава хотел дать ему сдачи, но сидевшая неподалеку Александра Сергеевна угрожающе подняла палец, и Слава ограничился тем, что толкнул Генку ногой.

Потом все встали и запели «Интернационал». Миша выводил его звонким, неожиданно дрогнувшим голосом.

Блестящий диск за окном разгорался все ярче

и ярче. Сияние его ширилось и охватывало весь горизонт с очертаниями домов, крыш, колоколен, кремлевских башен.

Миша все смотрел на этот диск. И перед глазами его стояли эшелон, красноармейцы, Полевой в серой солдатской шинели и мускулистый рабочий, разбивающий тяжелым молотом цепи, опутывающие земной шар.

Москва
1946–1948

